

Всеволод Протопопов

Последний дракон

Книга 2. Первый шаг в бесконечность

16+

Всеволод Всеволодович Протопопов

Последний дракон. Первый шаг в бесконечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42353827

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10359-7

Аннотация

В империи Повелителей драконов родился наследник, который предсказан, как роковой ребёнок. Его спасают Верховный жрец и его ученик. А теперь представь, читатель, что этот роковой ребёнок – ты. И вдруг понимаешь, что ты вовсе не то, что каждый день видишь в зеркале. Что ты и есть тот роковой ребёнок и только от тебя зависит, быть ли Мирозданию или не быть. Продолжение приключений малыша Кувая.

Содержание

Глава 1. Тайны Обсерватории	8
1	16
2	28
3	42
4	49
5	56
6	68
Глава 2. Мосты сожжены	78
1	84
2	102
Глава 3. Песнь любви дракона	122
1	141
2	189
3	227
Конец ознакомительного фрагмента.	246

Коль закрутился в круговерти листвы и прожитых годов,
Когда устанешь ты до смерти и сдаться уж совсем готов.
Не торопись, мой друг, не надо, ведь это право не конец,
Ещё не время нам с тобою терновый примерять венец.
Ещё нас радуют закаты и звёзд небесный хоровод,
Грозы весёлые раскаты и глубина озёрных вод.
Ещё нам дороги рассветы и разговоры у костров,
Когда всем сердцем понимаешь, что ты пока ещё здоров.
Когда, забыв все даты, сроки, забыв, что ты уже старик,
Тебя всё так же привлекает протяжный журавлиный крик.
Пусть тяжёлая дорога не станет скучной никогда,
Вдруг понимаешь очень ясно, что наши годы не беда.
Беда, когда тебе не стыдно, за кучу нажитых грехов,
Когда ничуть ты не жалеешь не созданных тобой стихов,
Когда отдельные поступки не вызывают гнев к себе,
Вопрос уместный возникает – жива ль душа твоя в тебе?
Ведь если душу потеряешь, её навряд ли где найдёшь,
Из-под земли не откапаешь и у других не отберёшь.
Пусть будет стыдно, будет тошно, с больной душой на свете жить,

А без души, мой друг, как можно и ненавидеть, и любить?

Всё так же глухо звучат шаги в подземном тоннеле, по которому я иду на аудиенцию к Повелительнице драконов – моей матери, которую я ещё ни разу не видел. Там, конечно, будет и Повелитель, но я с ним уже встречался пять лет на-

зад и мы сумели о многом договориться, в том числе и об этой предстоящей мне встрече с матерью.

Честно говоря, во мне боролись два противоположных, но очень сильных чувства: желание увидеть, наконец, женщину, которая тридцать лет назад родила меня на свет, и страх, что бы эта встреча ни позволила нашим врагам, уютно устроившимся в империи, разгадать сюрприз, который все мы приготовили врагам нашим. Поэтому я шёл на встречу с полным сознанием великой ответственности лежащей на моих плечах с самого рождения.

Недавняя попытка покушения на меня, была, скорее всего, напоминанием мне о том, что за каждым моим шагом наблюдают самым пристальным образом. Глупо, я это и так знаю. Если же этим они хотели напугать меня, то это вдвойне глупо – меня такая встреча наоборот раззадорила.

Торопиться было некуда, поэтому я зашёл в небольшую забегаловку, которая одна из немногих, подобных ей, была открыта, что бы выпить вина. В небольшом уютном зале было пусто, только за стойкой дремал хозяин заведения, человек, возрастом, неумолимо приближающимся к преклонному, носящем на своём симпатичном лице отпечаток вселенской скорби. Судя по всему, дела у него шли из рук вон плохо. Я заказал кувшин красного вина и уселся за столик справа от входа.

Вино оказалось на удивление хорошим, что было странно для такого заведения. Выпитый стакан плодотворно подей-

ствовал на моё состояние, я успокоился и перед моим внутренним взором стали проходить картины недавнего прошлого. Я в который раз просматривал события, которые произошли с того самого момента, когда в маленькой гостинице, носящей жизнеутверждающее название – «У висельника», я встретился с отцом – главой империи Повелителей драконов. Как же это было? Дай Бог памяти....

Куда идёшь ты за мечтой зовущей?
Забыл себя родившийся на свет?
Дорогу к памяти осилит лишь идущий,
И выбора иного просто нет.

Да, в этом деле нет альтернативы,
А жить без памяти – банальнейший сюжет.
Вступая в жизнь, мы бойки и ретивы,
Года прошли – ретивости уж нет.

А жизнь длинна и цель нам не известна.
Какая цель, когда понятия нет?
И от желаний наших в мире тесно,
А смерть уж шлёт нам пламенный привет.

Да, жизнь нас манит, память забирая,
А смерть хранит её в потоке лет.
И мы живём, ошибки забывая,

В душе надеемся на будущий рассвет.

Глава 1. Тайны Обсерватории

Встреча была столь неожиданной, что я поначалу даже растерялся. Я видел перед собой пожилого очень усталого человека с мужественным лицом, словно окаменевшим в маске жестокого высокомерия.

Если бы Учитель своевременно не раскрыл тот ужасный заговор, который затеяли адепты Серой империи через моих братьев и высших аристократов империи, я бы, скорее всего, был напуган его суровой внешностью. Сейчас же мне было его очень жаль. Кроме того, я искренно восхищался его умом и мужеством – это надо же, почти в одиночку противостоять такому множеству врагов.

– Тебе повезло с учителями и друзьями, сын мой, – устало заговорил Повелитель, налив себе и мне вина, и подняв свой бокал. – Ты, как я понял, уже знаешь о той подлости, что совершили мои дети по отношению, даже не ко мне, даже не к империи, а вообще к людям нашего мира.

Я промолчал. Что тут скажешь? В этот момент мне стало очень жалко человека, который будучи моим отцом, дабы, спасти меня, вынужден был фактически отречься от меня, рискуя остаться наедине с полчищем безжалостных врагов. Человек, который, как оказалось, меня любил и очень рассчитывал на меня, сделал всё, что бы я его ненавидел. Правда, моей ненависти он так и не добился, однако и любви не

приобрёл.

– Расскажи мне о себе, – неожиданно попросил Повелитель. – Хочу побольше о тебе знать.

Я вообще-то не большой любитель рассказывать о себе, но в этот раз, как-то незаметно для самого себя, я рассказал о себе всё, в том числе и об обряде признания меня законным наследником и о моей помолвке с драконицей Ниннэль. Об обряде он, оказывается, знал, иначе, откуда те реликвии, которые доставил к приведению меня к присяге старый Ляргус, а вот то, что моя невеста дракон, стало для него полной и приятной неожиданностью.

– Мама очень хотела увидеть тебя, но пока это не возможно, – с сожалением сказал Повелитель, когда я закончил рассказ о себе. Необходимые условия сложатся, как раз когда тебе исполнится тридцать лет. Тогда ты встретишься с матерью, я тоже буду там, но ты постарайся не обращать на меня внимания и сделай такой вид, что ты меня до этого никогда не видел.

– Я понял тебя, отец, – сказал я. – Я постараюсь быть осторожным и через пять лет сделаю всё, как нужно, но, если можешь, ответь мне на один вопрос – Ляргус обо всём знал или нет?

– Конечно, знал, – сразу же ответил Повелитель. Этот план был создан мной, твоей матерью и Верховным жрецом, причём его эмиграция в Сегурию, является частью этого плана. Вот Азар об этом плане ничего не знал. Предвижу твои

вопросы – почему нельзя было сказать тому же Азару или тебе, когда ты подрост? Ответ предельно прост, если бы кто-то кроме нас троих знал об этом плане, трудно было бы сдерживаться и не искать встречи с нами. Эти попытки встретиться непременно бы были, а это могло поставить под удар весь наш замысел. Поэтому Ляргус свято хранил тайну, честь ему и хвала.

Стоило подумать примерно минуту, и я полностью согласился с повелителем, что не посвящение никого в рискованный план противостояния Серой империи, был полностью оправдан. Вряд ли, зная его заранее, сумел бы я сохранить его, скорее всего, как-нибудь ненароком проговорился или ещё как-либо выдал, а что за этим бы последовало, предсказать не составит труда.

– Неужели у тебя совсем нет союзников? – спросил я Повелителя.

– Ну, что ты, – ответил он. – Конечно, есть, правда, их не так много, как хотелось бы, но зато надёжные. Помимо Ляргуса, моими надёжными союзниками являются, например, Кронос, некоронованный император подземной империи и Верховный жрец ордена Обсерватории Маргус. Именно они сумели организовать нашу встречу, и именно они помогут тебе и твоим товарищам безопасно покинуть империю. Жрецы Обсерватории выведут вас за пределы столицы, но прежде, чем вы уйдёте, постарайся вместе с Учителем хорошо понять Обсерваторию, ибо это самая большая пробле-

ма не только для меня, но и для всех людей, обитающих в нашем мире.

Он задумался, я же сидел молча, стараясь не мешать его размышлениям.

– Понимаешь, Обсерватория – это величайшая жемчужина нашего мира, – заговорил он с несвойственной, глядя на него, горячностью. – Она, по сути, является неиссякаемым источником Силы, обладает собственным сознанием и характером. Именно, как источник силы она служит лакомым кусочком для Серой империи, да только подступиться к ней они до поры не могут, но зная их достаточно хорошо, рано или поздно смогут. И в этом им помогут наши предатели.

Он опять замолчал, видимо, стараясь справиться с собственным гневом. Я снова не мешал ему.

– Если империя падёт, а она непременно падёт, – продолжил Повелитель. – Обсерватория не должна попасть в руки к победителям. Что делать, знает Маргус и его люди, но им потребуется помощь. Твой Учитель, кажется, его зовут Странник, обладает Древней силой и может помочь жрецам Обсерватории, да и тебе было бы не вредно поближе познакомиться с этим феноменом. Я прошу тебя, попроси Странника помочь всем нам.

Он опять замолчал и вопросительно посмотрел на меня.

– Я думаю, что Учитель с удовольствием поможет, чем сможет. Он не меньше нас желает покончить с Серой империей, но считает, что обычные методы борьбы здесь не го-

дятся, поэтому он повсюду ищет всё, что может ему помочь в решении этой задачи, а уж Обсерватория его сразу же заинтересовала, – ответил я на вопрос отца.

– Последний вопрос, – вновь заговорил отец. – Что вы намерены сделать с вашими братьями, ведь они ваши пленники?

– Не знаю, Странник хочет отпустить их на все четыре стороны, ведь не убивать же их, а таскать с собой неохота, – просто ответил я.

– Правильно, хотя они, безусловно, заслуживают смерти, – как-то задумчиво проговорил Повелитель. – Думаю, что страху, которого они натерпелись, хватит им на некоторое время.

В дверь осторожно постучали, и вошёл Крон. Он поклонился, подошёл к Повелителю и что-то сказал ему на ухо, после чего, так же с поклоном удалился.

– Пора прощаться, – сказал отец, вставая.

Я тут же вскочил, и как-то так само собой получилось, что мы обнялись. Это было первое в моей жизни родительское объятие. Оно длилось меньше минуты, но вызвало у меня целый взрыв чувств, причём чувств скорее приятных. Повелитель вышел, закрыв за собой дверь, а я присел к столу, пытаясь успокоить бушевавшие во мне чувства.

Не знаю, сколько я так просидел, но тут вошёл Марк уже с вещами и при оружии.

– Пора, – просто сказал он.

Я встал и прошёл с ним в общий зал, где мои товарищи уже ожидали меня. Я быстро одел свою котомку, взял оружие и объявил, что готов в дорогу.

С нами шли глава ордена Обсерватории и портье со своим мальчишкой (так я и не узнал, кто он ему – сын или просто помощник). Снизу доносился какой-то шум. Учитель мне коротко объяснил, что это полиция штурмует гостиницу, и поэтому мы сейчас же уходим. На первое время мы укроемся в Обсерватории, а потом её служители помогут нам выбраться из города.

Время терять не имело смысла, судя по ударам, что доносились от входной двери, дверь скоро будет выбита. Мы спустились в подвал, где портье открыл какую-то потайную дверь, в которую мы один за другим и вошли, после чего дверь сама собой закрылась. Портье зажёл факел и пригласил нас следовать за ним.

Первым, в качестве проводника, шёл портье со своим мальчишкой, который держал факел. За ними шёл Странник, о чём-то глубоко задумавшись. За ним шёл я, а за мной Джон и Марк. Замыкал нашу небольшую компанию глава ордена Обсерватории Маргус.

– Как ты думаешь, погоня будет? – спросил Учитель проводника.

– Ну, это вряд ли, – спокойно ответил тот. – Вход сюда хорошо скрыт, так что найти его для преследователей большая проблема. Кроме того, здесь начинается территория подзем-

ной империи, которая не подчиняется законам империи Повелителей драконов. Поэтому сюда полиция обычно не суётся, разве что, собравшись в числе не менее нескольких тысяч человек, но даже при этом практически никогда не достигает успеха.

Шли мы по узкому подземному коридору, который часто поворачивал то в одну, то в другую сторону, а зачастую ещё и, время от времени, раздваивался, так что случись мне выбираться отсюда без провожатого, ни почём бы не нашёл выхода. Шли мы так не менее часа и, наконец, вышли в довольно широкий тоннель, освещённый масляными светильниками.

– Здесь мы с вами расстанемся, – сказал портье, имени которого мы так и не узнали. – Дальше вас поведёт его светлость Маргус, а вам я желаю удачи. Судя по тому, как вас разыскивают, удача вам понадобится. Я же всегда к вашим услугам.

Он поклонился и быстро направился куда-то вправо, сопровождаемый своим неизменным мальчишкой. Я поневоле задумался о том, как хитро порой поступает с нами судьба, сводя нас с теми или иными людьми. Одни следует с нами по жизненному пути до самого конца, другие же лишь мелькнут, появившись ниоткуда и уйдя в никуда. Именно такими были портье и его мальчишка, чьих имён мы никогда не узнаем, как не узнаем, откуда пришли они и куда ушли, чем они жили и чего хотели в этой жизни. Однако доподлинно

известно, что если бы они честно не сыграли свою, отведённую только им, роль в нашей общей судьбе, то и судьба эта повернулась совершенно по-другому. Спасибо им за то, что они были и сделали всё, что должны были сделать.

Однако особо размышлять о превратностях судьбы, времени не было. Маргус, встав во главе нашего отряда, сказал, что идти надо быстро, пока путь в Обсерваторию не перекрыли. Конечно, Повелитель обещал, что сделает это в последнюю очередь, но, к сожалению, не всё в нашей империи зависит от Повелителя.

Мы быстро шли по просторному, хорошо освещённому тоннелю, который вёл куда-то вперёд с небольшим подъёмом. Долго ничего не менялось, но вдруг, впереди замелькали огни. Маргус сделал нам знак остановиться, а сам направился туда, где мелькали огни. Мы, на всякий случай, положили руки на рукояти наших мечей и стали ждать.

Не прошло и пяти минут, как жрец вернулся и сделал нам знак идти за ним. Вскоре мы подошли к железной решётке, которая перегораживала тоннель. В решётке имелась калитка, которую стерегли два вооружённых жреца в плащах отороченных серебряным узором. Как я понял, за решёткой располагалась территория, принадлежащая Обсерватории, мы пришли.

Мы сидели в трапезной монастыря, притулившегося к отвесному склону горы, на плоской вершине которой величественно возвышалась пирамида Обсерватории, яростно сверкая своим хрустальным шаром. Свет, исходящий от шара, был настолько ярок, что отблески его плясали на столешнице стола, за которым мы сидели, раскрашивали лица сидящих за столом в какие-то экзотические цвета, делая их похожими на дикарей с далёких южных островов в океане.

Мы, это мой Учитель, которого зовут Странник, его друзья и ученики Джон Мильтон и Марк, трое жрецов ордена Обсерватории и я Кувай, дракон и наследник империи Повелителей драконов. Мы временно обосновались в монастыре при Обсерватории. Завтра утром, как сказал Маргус, мы должны будем пройти испытание, при котором сама Обсерватория определит степень нашего допуска к её тайнам. Сейчас же мы ужинаем, что бы пораньше лечь спать – в последние дни спать нам пришлось очень мало, поэтому засиживаться мы не собирались. Как сказал Маргус, нам очень повезло. Только мы пересекли границу Обсерватории, явилась имперская стража и перекрыла проход; да, отец сдержал своё слово.

Маргус поселил нас в гостевых комнатах монастыря, а вечером пригласил на ужин. Все были усталыми, все клевали

носами, так что застолья не вышло, только учитель что-то увлечённо рассказывал Маргусу.

Сначала всех поразило освещение, которым освещалась трапезная монастыря. Ещё бы, свет здесь исходил от самой Обсерватории, однако усталость не позволила нам полностью насладиться чудесным зрелищем. Мы очень быстро закончили свою трапезу и разошлись по своим кельям, только Учитель продолжал оживлённо беседовать с Маргусом.

Только я добрался до кровати, как сразу же уснул, я бы даже сказал, провалился в сон. Сон, который я увидел в ту первую мою ночь в Обсерватории, оказался очень ярким, не очень понятным и явно вещим. Вообще, сны в Обсерватории всегда были яркими и интересными, но всё же они не идут ни в какое сравнение с тем самым первым сном.

Я увидел себя, как бы со стороны, идущим по каким-то дворцовым коридорам, дворца, следует сказать достаточно мрачного. На мне парадные доспехи, ярко сияющие в свете факелов. На груди, на массивной цепи висит знак Повелителя драконов. В руке я держу шлем, выполненный в форме головы дракона, украшенный роскошным плюмажем из красных перьев. Судя по всему, я возвращаюсь с какой-то важной встречи.

Следующий фрагмент – я выхожу из дворца, когда ко мне подходят вооружённые люди и требуют отдать им мой меч. Меня охватывает лютное бешенство, как они, эти плебеи осмелились.... Я обнажаю меч и начинаю яростно отбивать-

ся от наседающих со всех сторон врагов, почему-то напрочь забыв, как об Искусстве, так и о Магии. Врагов всё больше, а я всё так же тупо продолжаю отмахиваться железкой, и уже начинаю чувствовать, что силы мои кончаются.

В следующем фрагменте, я стою на маленьком свободном пяточке пространства радиусом в пределах достижения моего меча, а всё пространство вокруг заполнено врагами. Я из последних сил вяло отмахиваюсь и уже ясно понимаю, что это мои последние силы, что ещё чуть-чуть и со мной всё будет кончено. И вот, когда уже в сердце моё стало закрадываться отчаянье, в небе над моей головой раздался яростный боевой клич атакующего дракона и я, увидел, что с неба на врагов моих падает чёрный дракон Яргуст, извергая на головы врагов потоки огня.

Потом я вижу панораму огромного города, который объят огнём, а в небе над городом кружат два дракона – чёрный, цвета воронёной стали и золотой, цвета червонного золота, поливая город потоками пламени. Из города происходит массовый исход его жителей, но драконы не обращают внимания на беженцев, всё их внимание сосредоточено на небольшом пяточке перед дворцом, где из последних сил держали оборону, применяя какую-то странную магию, кучка людей в серых плащах с капюшонами. Вместе с ними, хотя и продолжали сражаться, но уже как-то обречённо были люди в богатых доспехах аристократов. Я видел, что все они уже обречены, но жалости к ним, впрочем, как и какого-ли-

бо злорадства не испытывал.

Затем мы с Яргустом стояли на высоком утёсе нависающим над городом. Внизу лежал догорающий в драконьем огне обречённый город, который покинули его жители. Вдали за городом яростно пылала Обсерватория и я уже знал, что нам делать. К нам подошли двое, высокие с властными чертами мужчина и женщина, Повелители драконов, мои отец и мать. Яргуст склонился в низком поклоне, я же шагнул им навстречу.

Картина подёрнулась туманом, и я увидел себя летящим вместе с Яргустом над какой-то серой равниной. Сразу же вспомнился тот давний сон, который приснился мне в Трактире-на-перекрёстке, только теперь мной владела не ярость отчаяния, а бурное веселье. Так бывает, когда долго к чему-то готовишься и вот, наконец, оно происходит и ты безмерно рад тому, что кончилось ожидание, и ты опять занят делом, делом чертовски важным и безмерно интересным.

И так, мы с Яргустом летим над равниной покрытой серой травой. Внизу, прощаясь, машут нам руками Учитель, Джон и Марк. В это мгновение я остро ощущаю, что с ними я разлучаюсь, при этом так надолго, что можно сказать навсегда. Яргуст в полёте улыбается мне своими жгуче-чёрными глазами, и я опять понимаю, что и с ним я скоро расстанусь почти навсегда. Лютая тоска наваливается на меня, и я просыпаюсь.

Проснувшись, долго лежу с открытыми глазами, глядя в

потолок, где играют лёгкие сполохи. Я вспоминаю, что мы в Обсерватории и спокойно опять засыпаю, на этот раз без сновидений.

Утром меня разбудил Марк. Он посоветовал мне побыстрее привести себя в порядок и идти в трапезную, где нас ждёт Странник.

– Похоже, что они с Маргусом так и не ложились, – сказал он перед тем, как уйти.

Я быстро привёл себя в порядок и пошёл в трапезную. Настроение моё явно находилось под воздействием увиденного мной этой ночью сна. Поэтому я был задумчив и отрешён, да и не мудрено. События последних дней, предательство братьев, встреча с отцом, наконец, Обсерватория и этот странный, явно вещий, сон, поневоле будешь задумчивым и отрешённым.

В трапезной я застал Марка и Джона, которые за обе щёки уплетали завтрак. Учитель и Маргус сидели там же, где мы оставили их накануне. Похоже, они действительно просидели всю ночь, хотя по их виду сказать это было бы сложно.

– Быстрее завтракай, – сказал Учитель. – Иначе рискуешь остаться голодным. У нас сегодня предстоит много дел.

Я внял рекомендации Учителя и с аппетитом съел свой завтрак. Пока мы завтракали, Учитель и жрец только пили вино и о чём-то тихо беседовали.

Как только мы закончили завтракать, Учитель обратился к нам с речью, смысл которой сводился к тому, что все мы сей-

час должны пройти испытание, которое с нами проведёт сама Обсерватория. По его результатам будет определена роль каждого из нас в предстоящей работе, которая должна будет обезопасить Обсерваторию от происков Серой империи.

Сказанное учителем всех нас очень заинтересовало, так что мы с нетерпением ожидали начала испытания. Кроме того, я помнил просьбу Повелителя упросить Учителя помочь жрецам Обсерватории в разработке защиты Обсерватории от попыток Серой империи её захватить, и теперь понял, что именно этим он и намерен заняться с нашей помощью.

– Испытание очень простое, – стал отвечать на наши вопросы Маргус. – Суть его заключается в том, что все мы спустимся на нижний, известный нам уровень Обсерватории и пойдём по радиальному коридору в направлении центрального силового луча, что проходит от шара вниз по пирамиде. Всё вроде бы просто, однако совсем не просто. Дело в том, что пройти этот коридор до конца ещё никому не удалось. Нет, там нет никаких ловушек или опасностей. Просто в какой-то момент, перед идущим, возникает невидимая, но совершенно непреодолимая преграда. Никто не знает, где кого остановят, но каждого где-то остановят. У нас даже Верховным жрецом становится тот, кого Обсерватория пропустит дальше всех соискателей.

Мы с интересом выслушали жреца и готовы были приступить к испытанию.

– Пожалуйста, запомните, – сделал последний инструктаж

жрец. – Если возникнет преграда, не пытайтесь преодолеть её силой или, применяя Искусство, это ни к чему не приведёт и может оскорбить Обсерваторию. Не забывайте, что Обсерватория обладает собственным сознанием и является, в некотором роде, личностью. Поэтому давайте не будем её обижать.

Мы, конечно, вовсе не собирались как-либо обижать Обсерваторию, а вот узнать степень её доверия к каждому из нас, нам бы очень хотелось.

Маргус, повёл нас к входу в гору, на которой стояла пирамида с сияющим шаром на вершине. Мы вошли через калитку в массивных вечно закрытых воротах сделанных из какого-то неизвестного мне металла. За входом нас встретил дежурный жрец, который с поклоном вручил каждому из нас масляный фонарь и сказал при этом, что если кто из нас упрётся в преграду, то в этом случае не стоит мешкать, а сразу же нужно идти обратно, что бы ни возвращаться потом в темноте.

– Вообще-то обычно здесь хорошее освещение, – сказал Маргус. – Но вот, когда наступает испытание, свет сам собой гаснет и приходится пользоваться переносными светильниками. Правда, по окончанию испытаний, свет снова загорается. Почему это так, никто не знает.

Мы шли по полого спускающемуся куда-то вглубь горы тоннелю, который, как, оказалось, был вовсе не вырублен, а скорее выжжен в скальном массиве. Кроме того, что тоннель

плавно уходил в глубину, он ещё также плавно поворачивал по часовой стрелке, образуя спираль. Идти было легко, ноги сами несли под уклон. Я подумал, что обратный путь вряд ли будет так лёгок.

Шли мы достаточно долго, по моим прикидкам не менее часа, когда уклон внезапно закончился. Мы очутились в небольшом помещении, из которого вели две двери, обе закрытые.

– Теперь придётся подождать, пока откроется правая дверь, – торжественно объявил Верховный жрец Обсерватории. – Как только правая дверь откроется, все заходят в проход и идут, не останавливаясь и не оглядываясь. Если кого остановит сама Обсерватория, следует повернуться кругом и возвращаться тем же путём.

Стоило только Маргусу закончить говорить, как правая дверь совершенно бесшумно открылась и мы, один за другим шагнули в тёмный проход. Первым шёл Маргус, за ним Учитель, за Учителем Джон, за ним я, а замыкал нашу компанию, как всегда, Марк.

Идти было не сложно, впереди маячила спина Джона, проход был прямой, как стрела, так что не заблудишься. Так продолжалось минут десять или около того. Вдруг я заметил, что спина Джона стала приближаться, это говорило о том, что он начал тормозить. Сам я пока ничего не чувствовал, однако только стоило мне поравняться с Джоном, как ноги мои налились свинцом, а в грудь мягко упёрлась невидимая

рука, не позволяя сделать больше ни шагу. Только мы вдвоём развернулись, что бы возвращаться назад, как нас обошёл Марк, приветливо помахав нам рукой.

Было немного обидно, однако ничего не поделаешь, пришлось возвращаться. Возвращение, к нашему с Джоном удивлению, оказалось ничуть не труднее дороги сюда и, спустя примерно час, мы вышли к выходу из тоннеля, где уселись на лавочку, ожидая возвращения остальных.

Разговаривать не хотелось, поэтому мы оба сидели молча, углубившись в себя. Сначала я никаких изменений в себе не заметил, но, спустя примерно минуту, я впал в состояние сходное с трансом. Я вдруг увидел себя на плоской вершине высокого горного пика. Прямо подо мной клубились сплошные облака. Над моей головой простиралось какое-то странное небо цвета морской воды. Солнца не было, но было достаточно светло. На вершине я был не один, прямо передо мной лежал, положив рогатую голову на передние лапы, дракон цвета червонного золота. Глаза его были закрыты, он спал или искусно делал вид, что спит. Во всяком случае, стоило мне посмотреть на него, как дракон открыл глаза. О, это было чудо. Огромные, перечёркнутые вертикальными зрачками, глаза дракона буквально пылали яростным зелёным огнём, а ещё из них лучилась сила и эта сила была мне хорошо знакома. Ещё бы мне было её не узнать – это была моя собственная сила.

Я сразу вспомнил то давнее видение, когда надорвавшись

в первом своём выходе из Сегурии, я оказался в этом же самом месте в образе золотого дракона, за что получил нагоняй от хозяина этого места.

Золотой дракон молча смотрел на меня, и в меня стал вливаться мощный поток силы, которая стала заполнять каждую клетку моего тела. От этого мне стало так хорошо, что даже захотелось смеяться, но я прекрасно понимал, что смеяться тут вовсе неуместно, и потому сдерживался.

– Привет тебе, Кувай, – зазвучал во мне голос дракона, на этот раз пропитанный тонкой иронией. – Мне, надо полагать, представляться не стоит, ведь мы с тобой единое целое. Не правда ли? Правда, между нами целая пропасть времени, но разве время когда-нибудь могло кого-нибудь разделить? Ты тот, кем был я, а я тот, кем будешь ты. Кстати, с чего ты взял, что здесь неуместно смеяться?

Он замолчал, и я услышал, как он смеётся. Спустя мгновение я тоже начал смеяться, и так, со смехом пришёл в себя. Рядом со мной сидел, явно находясь в трансе, подобном тому, в котором только что прибывал я, Джон. На лице его застыла блаженная улыбка, видимо Обсерватория каждому из нас показывало что-то одновременно очень важное и радостное.

Я размышлял над загадкой своего видения, когда вернулся Марк и почти сразу за ним Маргус. Тут пришёл в себя и Джон, сохранив на своём лице блаженную улыбку.

– Если бы сам не видел, ни за что бы, ни поверил, – с

неподдельным изумлением сказал жрец. – Странник свободно пересёк рубеж, который способны достичь лишь Верховные жрецы ордена Обсерватории и пошёл дальше. Я не удивлюсь, если он сумеет пройти и за вторую дверь.

Все мы с удивлением смотрели на жреца, ничего не понимая. Не знаю, как другие, но я понял лишь то, что Учитель прошёл туда, куда ещё никто из людей не заходил, за какую-то вторую дверь. Что это значит и чем это грозит Учителю, я понятия не имел.

Маргус, видимо по нашим лицам определив, что мы ничего не понимаем, сжалился над нами и дал пояснения своим словам, хотя, судя по всему, он и сам о происшедшем и о последствиях этого происшествия, имел только самые общие представления.

Рассказ его сводился к тому, что коридор, где мы сегодня были, ведёт прямо к потоку силы, что непрерывно протекает от приёмного шара по вертикальной оси пирамиды и уходит куда-то в бесконечность, пронзая пласты реальности этого и множество других миров. Непосредственно перед потоком силы находится вторая дверь, которую никто ещё не достигал, а уж, тем более, никто не заглядывал за вторую дверь. Мы и о самой двери-то знаем только из общей трёхмерной модели Обсерватории, которую оставили нам творцы этого чуда. Позже вы сможете познакомиться с ней в монастыре.

– Теперь, пожалуй, самое неприятное для всех нас, – с печалью сказал жрец, как-то виновато глядя нам в глаза. – Ни

я, никто другой не знаем, что теперь будет со Странником. Я даже не знаю, сможет ли он вернуться, да и жив ли он до сих пор, хотя, скорее всего, жив – никто никогда не слышал, что бы Обсерватория кого-нибудь убила, так что он, наверняка, жив.

Мы все приуныли, да и было от чего. Все мы любили Учителя и уж, точно никак не ожидали, что потеряем его так нелепо. Самое страшное было то, что мы были бессильны, что-либо предпринять, для того что бы выручить нашего Учителя и друга. Оставалось только ждать в надежде, что Учитель вернётся. Вот мы и ждали. Ждать пришлось долго. Почему-то всегда так, когда чего-то очень сильно ждёшь, время, как назло, почти не движется, словно застывает. И вот, когда у всех нас кончалось терпение, в тоннеле вдруг загорелся свет. Просто сами собой загорелись светильники, и я сразу же вспомнил слова жреца, когда он говорил, что по окончании испытания свет в тоннеле загорается сам. Значит, испытание закончилось, и Странник сейчас вернётся.

В тот момент, когда вспыхнул свет, я явственно почувствовал толчок Древней силы – Учитель возвращался. Марк и Джон тоже почувствовали возвращение Учителя и даже хотели идти ему на встречу, но тут он сам появился в тоннеле.

Отправляясь во дворец Повелителей, я был готов ко всему. Прекрасно понимая, с каким врагом мы имеем дело и на что этот враг способен, я сам решил встретиться с Повелителем – никогда не любил рисковать другими.

Лишённый воли жрец вёл меня по каким-то подземным коридорам, настолько запутанным, что уже минут через десять я махнул рукой на свои попытки запоминать дорогу и положился на надёжность моих заклятий, крепко удерживающих волю предателя. Шли мы не более полчаса и как-то незаметно оказались во дворце.

На выходе из подземного прохода нас остановила стража, но мой проводник показал караульным какой-то медальон и они, отсалютовав нам, беспрепятственно дали нам пройти во дворец.

Дворец Повелителей драконов, если и поразил меня, так только своей мрачностью и безлюдьем. За весь, достаточно длинный путь нам не встретился ни один придворный, кроме караулов, которые при виде медальона, незамедлительно пропускали нас. Наконец, мы очутились возле высоких дверей, украшенных роскошной резьбой, главным элементом которой были изображения драконов. У дверей дежурили гвардейцы, которые, только взглянув на медальон, отсалютовав, распахнули перед нами двери, предлагая войти, что

мы и сделали.

Мы оказались в небольшом, на удивление уютном кабинете, сплошь уставленном книжными шкафами, битком набитыми толстенными фолиантами. При других обстоятельствах, с каким удовольствием порылся бы я в этих книгах, но....

В центре кабинета стоял массивный стол, за которым сидел и что-то писал высокий сухощавый человек преклонного возраста с красивым лицом, на котором навсегда впечаталось выражение сурового высокомерия. Судя по массивному медальону с изображением дракона, передо мной был сам Повелитель. Что удивительно, хотя я его никогда до этого не видел, но именно таким себе его и представлял. Ещё я подумал, что Кувай с годами станет очень на него похожим.

При нашем появлении Повелитель отложил своё перо и встал нам на встречу, смотрел он при этом лишь на меня. На жреца он даже не глянул, словно того здесь и вовсе не было.

Жрец, войдя, склонился в низком поясном поклоне, да так и остался, видимо ожидая разрешения, выпрямить спину. Я, не являясь подданным империи, ограничился лёгким наклоном головы. Повелитель смотрел мне прямо в глаза, и на лице его явно читалась высшая степень удивления. Это продолжалось долю секунды, он быстро справился с собой, и лицо его снова приняло привычное высокомерно-суровое выражение. Да, этот человек умел владеть собой.

– С кем имею честь? – спросил он низким голосом, в ко-

тором я сумел уловить лёгкое волнение, которое Повелитель тщетно старался скрыть.

– Странник, учитель вашего сына, Кувая, ходящий по мирам, – просто представился я и сделал ещё один поклон головой.

– К тому же носитель Древней силы, – улыбнувшись одними глазами, дополнил моё представление Повелитель. – Я вижу, Куваю повезло с учителями. Однако уберём отсюда вот это.

Он с презрительным выражением лица указал на согбенную фигуру жреца. Он негромко хлопнул в ладони, открылась скрытая за книжным шкафом дверь, откуда вышло два жреца Обсерватории, которые, не говоря ни слова, ухватили за руки так и не распрямившегося жреца и увели с собой.

– Рад познакомиться, Странник, – просто сказал Повелитель, когда дверь за жрецами закрылась.

Он сделал шаг ко мне и протянул руку для рукопожатия. Я сделал встречное движение, и наши руки сомкнулись в крепком мужском рукопожатии. Рука повелителя оказалась на удивление крепкой и в этот момент между нами завязалась какая-то мистическая связь, которая проявилась в том, что я сразу же стал доверять этому человеку. Спросите – при чём здесь мистика? А разве не мистика эта моя внезапная доверчивость? Это я-то, человек не склонный доверять никому, и вдруг, поверивший человеку известному своим коварством. Хотя, конечно, нет в этом никакой мистики, про-

сто я сумел рассмотреть за маской Повелителя, великую душу очень честного и ответственного человека, привыкшего оставаться верным своему долгу в любых обстоятельствах.

– Значит, ты всё же понял мой замысел, – толи спросил, толи констатировал факт Повелитель. – Иначе ты бы не пришёл сюда, а постарался бы поскорей увести отсюда Кувая. Да, ты понял всё правильно и тебе за это огромное спасибо. Я рад, что наши пути пересеклись, жаль только, что время сейчас не очень располагает к судьбоносным встречам. –

Я ничего не стал говорить. Зачем, что-то говорить, когда уже всё и так понятно, а лишние слова могут только навредить, попади они в непотребные уши.

Повелитель вызвал слугу и спустя минуту мы сидели за кубком вина. Повелитель вдруг попросил меня рассказать о Кувае, и я, с минуту подумав, начал рассказывать, начав с самой первой встречи, когда мы с Джоном на вершине горы впервые увидели золотого дракона. Я рассказал о наших с Куваем дальних путешествиях, о том, как он рос и превращался в мужчину, в общем, рассказывал обо всём, что знал о младшем сыне Повелителя. Повелитель внимательно слушал меня, не перебивая.

Когда я закончил свой рассказ, отец Кувая минут пять сидел молча, видимо осмысливая услышанное. Потом задал несколько уточняющих вопросов, последний из которых звучал примерно так:

– А почему ты, уважаемый Странник, не рассказал о том,

как прошёл обряд приведения к присяге наследнику престола? – спросил он как-то, между прочим.

– Я вовсе не являюсь вашим подданным, Повелитель, – ответил я с достоинством. – Поэтому я присутствовал на этом обряде только в качестве гостя и не считаю себя вправе рассказывать что-либо о нём. Если же вам интересно, я скажу, что присягнули ему все жители Сегурии. Не присягали только демон Минг, Джон Мильтон и я, потому что все мы не являемся вашими подданными.

– А я бы многое отдал, что бы вы были моими подданными, – с чувством сказал Повелитель. – Если же тебя как-нибудь оскорбили мои вопросы, то прошу меня простить, у меня не было намеренья обидеть тебя.

– Нет, ты ничем не обидел меня, – ответил я на его извинения. – А, что касается твоего предложения стать подданным империи, отвечу тебе сразу и решительно – нет, моя независимость мне слишком дорога.

– Очень жаль, – искренне сказал Повелитель. – Ну, надеюсь, надёжными союзниками мы можем быть?

– Конечно, ведь у нас общий враг, – ответил я. – Однако засиживаться у тебя в гостях, нет время. Давай определимся, где и когда ты сможешь встретиться с Куваем.

– Знаешь, Странник, – проникновенно заговорил Повелитель. – Я подумал, что являться Куваю во дворец чересчур опасно. Здесь я вряд ли смогу обеспечить ему безопасность. Поэтому я сам отправлюсь с тобой, что бы поговорить с сы-

ном. Сейчас придёт Верховный жрец Обсерватории Маргус и Крон, с которым ты, как я знаю, знаком. Этим людям я полностью доверяю.

— А как же тот жрец, которого привёл Крон и который наврал вместе с твоими детьми нам с три короба, — с иронией спросил я. — Ладно, мои мальчишки, они привыкли доверять людям, но он попытался обмануть меня, а это со мной уже очень давно не проходит.

— Вот поэтому Крон и привёл именно его, — с улыбкой ответил Повелитель. — Он является одним из главарей заговора, но при этом непроходимо глуп, поэтому лучшего кандидата, что бы ты почувствовал обман, и придумать было нельзя. Но теперь с ним покончено, его забрали жрецы Обсерватории, так что мы его больше не увидим. Кстати, твои чары, наложенные на него, дали мне знать, что ты всё понял и разоблачил негодяев.

Я лишний раз убедился, с каким умным человеком в лице Повелителя, свела меня судьба. Его же решение самому явиться в гостиницу, где мы скрывались, показалось мне очень разумным. Сказать по правде, уж очень не хотелось мне тащить Кувая во дворец, полный коварных ловушек.

Мы с Повелителем пили прекрасное вино, ожидая прихода Верховного жреца Обсерватории, когда один из шкафов совершенно бесшумно отъехал в сторону и через открывшуюся дверь в кабинет вошёл Крон в сопровождении старого жреца, коим и был Верховный жрец Обсерватории Маргус.

Мы познакомились, выпили по кубку вина и стали собираться в дорогу. Прежде всего, Повелитель мастерски создал собственного фантома, который тут же уселся за стол и стал что-то писать.

– Вот теперь какое-то время соглядатаи за мной будут уверены, что я работаю в своём кабинете, а мы можем отлучиться, – сказал Повелитель и, закутавшись в чёрный плащ, шагнул в дверь, через которую вошли Крон и Маргус. Шкаф за нашими спинами бесшумно встал на место.

Без всяких приключений дошли мы до гостиницы, и я свёл Кувая с отцом. Сам же я направился к Джону и Марку, нужно было расспросить их, что им удалось узнать при допросе братьев Кувая. То, что они мне рассказали, было, конечно, интересно, но ничего особо нового я не узнал – обычный путь, коим следует практически каждый подлец и предатель, наверное, со времён Иуды.

Пришёл Крон и сказал, что сейчас в гостиницу нагрянут стражники, которые ищут нас, так что нам надо быстро уходить. Он проводит Повелителя, а нас отведёт в обсерваторию Маргус, где мы до поры укроемся. Позже, когда ажиотаж с вашими поисками утихнет, нас выведут из города.

Мы дождались, когда Повелитель в сопровождении Крона удалился, и быстро собрались в дорогу. К этому времени во входную дверь уже стучали стражники, поэтому мы все быстро последовали за портье и его мальчишкой в подвал, где вышли через секретный выход.

Братьев Кувая я решил оставить запертыми в комнате, где их найдут стражники. Сковывающие заклятия я немного ослабил, что бы они с трудом, но могли двигаться. Это будет им хорошим наказанием. Где-то через месяц, заклятия погаснут, и они смогут вновь творить свои мерзости.

Мы шли по подземным коридорам, которые петляли и двоились. Вёл нас портье, который вместе со своим мальчишкой вместе с нами покинул гостиницу. Наконец, мы очутились в освещённом тоннеле, где расстались с портье. Он со своим неразлучным мальчишкой ушёл куда-то вправо, а мы пошли налево, ведомые Маргусом.

Шли мы достаточно быстро, и это позволило нам вовремя проскочить на территорию Обсерватории, куда стражникам хода не было. Только мы прошли металлическую решётку, отделяющую землю Обсерватории от земли Повелителей драконов, как по тоннелю протопали стражники и наглухо перекрыли проход.

Мы сидим с Маргусом за столом в трапезной монастыря при Обсерватории. Стоит глубокая ночь, но в трапезной светло, причём свет здесь переливается всеми цветами радуги – этот свет исходит от хрустального шара, который венчает собой вершину пирамиды Обсерватории. Все ушли спать. За последние дни мои ребята так устали, что буквально валились с ног, поэтому быстро поужинали и отправились спать, тем боле, что на завтра назначено испытание Обсерваторией.

Мне же совершенно не хочется спать. Так бывает, когда

множество серьёзных событий происходят в относительно короткий отрезок времени. Тогда перевозбуждённый организм просто не в состоянии спать. В такое время лучше всего помогает хорошее застолье в совокупности с интересной беседой, чем мы с Верховным жрецом Обсерватории и занимались.

Речь шла о возможных способах обезопасить Обсерваторию от завладения ей Серой империей. Жрец довольно подробно описал мне три способа, которыми они думали решить эту задачу. Первый из них, на мой взгляд, самый ненадёжный, это создать надёжное войско, способное дать отпор любой попытке захватить Обсерваторию. Ненадёжность этого способа заключается в ненадёжности самого человека. Я очень сильно сомневаюсь, что можно найти хотя бы десяток надёжных людей, к которым адепты Серой империи не смогли бы подобрать ключика. А уж целое войско, это вообще фантастика. Ведь достаточно одного предателя и всё может погибнуть.

Второй способ, хотя и более трудоёмкий, но значительно надёжней первого, в общих чертах сводился к тому, что бы окружить Обсерваторию кольцом мощных охранных заклятий, которые будут подпитываться силой самой Обсерватории. Тут возникали определённые трудности. Во-первых, любую, даже самую мощную защиту, при достаточно упорной осаде, можно преодолеть, а во-вторых, захочет ли сама Обсерватория тратить проходящую через него силу на под-

держание этой самой защиты.

Наконец, третий вариант, который мне понравился больше, чем остальные, заключался в том, что бы перенести Обсерваторию вообще из этого мира в какой-нибудь другой, где её не сможет достать Серая империя. Этот способ, при всей его сложности, был самым надёжным, только я внёс в него некоторые дополнения и изменения. Я был против переноса Обсерватории в какой-либо из миров созданных Творцом, куда рано или поздно может добраться Серая империя. Для Обсерватории я предложил создать искусственный мир, наподобие вотчин Мастеров Высокого Искусства, хотя тут возникало множество трудностей, одной из главнейших среди них является трудность вписать этот мир в общую структуру Мироздания.

В заключение нашего разговора, я спросил Маргуса, а почему бы нам не спросить мнение самой Обсерватории, раз она обладает собственным сознанием?

– Как-то мы об этом не подумали, – удивлённый моим вопросом после минутного раздумья ответил жрец. – Да, и как её спросить?

– Ну, об этом мы подумаем после того, как пройдем испытание, – ответил я. – Почему-то мне кажется, что Обсерватория сама выйдет на контакт с нами, а то как-то нехорошо, получается, решаем судьбу сознательного существа, а его мнения даже не спрашиваем. За разговором кончилась ночь, наступило время завтрака. Группы жрецов заполнили

трапезную, при этом каждый из них кланялся мне и Маргусу. Появились Джон и Марк, чуть позже пришёл сонный Кувай. Я посоветовал им хорошо позавтракать, что бы на испытаниях не проголодаться. Я, конечно, шутил. Мои ученики прошедшие огонь и воду, не боялись остаться голодными, но у меня было в это время какое-то приподнятое настроение, хотелось смеяться и шутить. Я уже знал, хотя не знал, откуда, что испытания, предстоящие нам, помогут мне окончательно овладеть Древней памятью, то есть всё вспомнить. Завтракать не хотелось, и мы с Маргусом просто пили вино, ожидая, когда все закончат трапезу.

Сразу же после завтрака, Маргус пригласил нас на испытание в Обсерваторию. Мы вышли во двор, и я наконец-то при дневном освещении сумел рассмотреть Обсерваторию во всей красе, правда для этого мне пришлось задрать голову. Маргус не торопил, давая нам возможность хорошенько рассмотреть объект их поклонения.

Мы пошли, направляясь в сторону врезанных прямо в отвесный склон огромных ворот, которые тускло блестели в лучах восходящего солнца. Путь оказался недлинным и вскоре мы вошли в гору, через калитку, прорезанную в воротах.

Оказавшись внутри горы, я испытал целый комплекс очень сильных ощущений. Целая лавина чувств налетела на меня и, как положено лавине подхватила и потащила куда-то вперёд. Я не сопротивлялся, впрочем, даже если бы я попробовал сопротивляться, у меня вряд ли бы это получилось.

Преобладали в этой лавине чувство радости и чувство узнавания. Было такое ощущение, что когда-то бесконечно давно, я всё это видел. Мало того, я сам непосредственно участвовал в создании этого чуда, и от осознания этого, радость переполняла меня, хотелось петь и делать какие-то глупости, словно детство вернулось ко мне. Радость сменилась лютой злобой, стоило мне осознать, что всему этому угрожает смертельная опасность.

На смену злобе пришло твёрдое убеждение того, что я обязательно найду способ спасти Обсерваторию и уничтожить Серую империю. Как только это произошло, на меня накатило такое спокойствие, что все чувства моментально затихли, осталось только ожидание какого-то чуда, как бывает в детстве, когда на Новый год ждёшь Деда Мороза.

Я очнулся как раз тогда, когда жрец подавал горящую лампу, которую я машинально взял, хотя нужды в ней для меня абсолютно не было, я всё прекрасно видел. Маргус давал наставления, как надо себя вести при прохождении испытания, но я его не слушал. Зачем, когда я все и так знал.

Пока мы спускались, в душе моей происходили какие-то странные процессы. Было такое ощущение, словно ты пытаешься проснуться, а проснуться никак не можешь. Нет, это не было похоже на кошмар, когда, кажется, что если вот сейчас в этот самый момент не проснёшься – умрёшь. Это скорее было похоже на то, как чувство долга, присущее человеку, пытается вырвать вас из прекрасного цветного сна. Вы

сопротивляетесь, цепляетесь за осколки начинающего разваливаться сна, пытаетесь сохранить его хотя бы в памяти своей, а голос долга приказывает сию минуту проснуться, и почему-то этот голос каждый раз оказывался сильнее.

В этом состоянии и прошёл весь спуск. Наконец, мы оказались в помещении, где имелись две закрытые двери. Я знал, что нам нужно в правую, но необходимо ждать, когда эта дверь сама откроется. Дверь открылась, когда я полностью проснулся, причём проснулся абсолютно спокойным, с твёрдым знанием того, что меня ожидает впереди.

Первым шагнул в открывшийся проход Маргус. Это почему-то вызвало у меня лёгкое раздражение. Я считал, сам не знаю почему, что первым должен идти я. Стоило мне лишь вступить в проход, раздражение моё улетучилось, зато появилась совершенно несвойственная мне робость, так бывает, когда ты направляешься в дом, где не бывал уже очень-очень давно и не знаешь, как и кто тебя там встретит.

Я шёл и с каждым шагом с меня словно сваливался накопившийся за многие тысячелетия груз. Груз открытий и разочарований, находок и потерь, радости и горя, а самое главное, груз непонимания самого себя. Плечи мои расправлялись, я, словно становился выше ростом.

Спина идущего впереди Маргуса вдруг остановилась, так что я, задумавшись, чуть было не налетел на него. Вовремя среагировав, я обошёл его и пошёл дальше. Спустя минуту, я услышал его удивлённый возглас, но не придал этому значе-

ния, для меня было вполне естественно, что я пошёл дальше.

Я уже знал, что все сошли с дистанции, причём Кувай и Джон практически вместе. Удивил меня Марк, который прошёл наравне с Верховным жрецом, так что вполне мог занять место Маргуса. Теперь я шёл один, не испытывая никаких затруднений, наоборот, с каждым шагом мне становилось всё легче и легче.

Наконец, коридор кончился. Передо мной была дверь, точная копия той, которая вела в этот коридор, и дверь была закрыта. Но, что значит закрытая дверь, если я твёрдо решил войти, ведь там, за этой дверью был я. Я, это самая важная, часть меня, потерянная много тысяч лет назад, которую я столько искал и уже начал терять надежду найти. И вот, когда остался последний шаг, разве удержит меня какая-то дверь?

Только я собрался разнести проклятую дверь, как она сама распахнулась передо мной, словно приглашая войти. И я вошёл....

После нашей встречи со Странником, жизнь моя стала настолько насыщенной событиями, так радикально поменялась, что я почувствовал себя совершенно другим человеком. Словно я настоящий до этого времени спал глубоким сном, а вместо меня жил, совершал какие-то поступки, страдал и радовался, грустил и смеялся совершенно другой человек, которого и человеком-то можно было назвать весьма условно.

Да, позвольте представиться, Джон Мильтон, эсквайр, владетель Мильтон-Хауса. Долгое время я жил, как живут в нашем мире помещики среднего достатка, хотя по молодости душа моя всячески противилась этому образу жизни. Поэтому молодые годы я провёл в путешествиях и вернулся домой, только когда отец мой был при смерти.

Поневоле мне пришлось остаться дома и заняться хозяйством. Как ни странно, со временем я втянулся, и это мне даже стало нравиться. В общем, жил я как большинство моих соседей. У многих из них были взрослые дочери, как говорится, на выданье, а я был завидный жених, поэтому меня постоянно стремились затащить в гости, но тут у них вышла промашка. Дело в том, что во-первых, я был по натуре человеком не компанейским и предпочитал книгу шумным компаниям, а во-вторых, я был убеждённым холостяком. Нет, не

подумайте, что я сторонился женщин, вовсе нет, а вот связывать свою судьбу с какой-нибудь из них я не желал. Скорее всего, причиной этому было то, что до сих пор я не встречал женщины, которую полюбил бы по-настоящему.

Была в то время у меня ещё одна странная особенность. Временами на меня нападала какая-то непонятная тоска, меня в это время постоянно куда-то тянуло, всё окружающее казалось мне серым и не интересным. Тогда я брал ружьё и целыми днями бродил по окрестным холмам, делая вид, что охочусь. На самом же деле я искал. Вы спросите, что я искал? Честно говоря, сам не знаю, однако упорно продолжал искать.

Вот, как-то осенью со мной случилась очень удивительная история. Я, как всегда по осени, бродил в холмах недалеко от имения и вдруг, попал в какую-то совершенно незнакомую мне местность, чем-то напоминающую Шотландию. Я от неожиданности испугался, и видение пропало, но, тем не менее, всё это привело к тому, что однажды я встретил своего друга и Учителя, который оказался ходящим-по-мирам. Эта встреча полностью перевернуло мою жизнь.

Странник взял меня в первый поход по мирам, в котором мы шли по следам людей, забравших из имения одного большого старика, которого я подобрал во время моего спонтанного выхода в другой мир. Я сразу же понял, что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к вот этой настоящей жизни, которую я узнал, встретившись со Странником.

Мало того, в лице Странника я обрёл настоящего друга, друга, о котором раньше мог только мечтать. С тех пор мы прошли с ним множество дорог, обрели друзей, среди которых были волшебники, драконы и демоны. Побывали в таких местах, о которых человеку даже подумать невозможно, и вот теперь оказались в монастыре при Обсерватории, удивительном строении стоящим недалеко от столицы империи Повелителей драконов.

Сейчас раннее утро, скорее даже очень поздняя ночь. Сегодня у нас испытание Обсерваторией, а я проснулся не свет не зоря и сижу, пишу эти записки. Я с ранней юности веду дневник, в который записываю всё, на мой взгляд, важное, что произошло со мной. Обычно я пишу регулярно, но после того, как моя жизнь превратилась в сплошные приключения, я взял за правило записывать самое важное в форме коротких записок, что бы потом, когда представится возможность переписать в дневник. Записки, написанные по свежим впечатлениям, позволяют более точно записать то или иное событие в дневник.

Причиной, заставившей меня встать в такую рань и заняться записями, был сон, который приснился мне сегодня ночью. Таких ярких и реалистичных снов мне раньше видеть не приходилось; я сразу же понял, что это сон вещий, поэтому и решил его записать, пока события и чувства были ещё свежи. Все знают, какими неуловимыми бывают сновиденья, если сразу не запишешь, забудутся, и потом ни за что

не вспомнишь. Вот поэтому, только продрвав глаза, я сразу же принялся записывать.

За последние два дня, я так устал, что добравшись до постели, сразу же провалился в сон. Я оказался в какой-то холмистой местности, покрытой густой травой. Рядом был Странник. Мы стояли на вершине холма, а вся равнина до самого горизонта была покрыта серыми всадниками. На душе было на удивление радостно, словно вид серых полчищ мог радовать.

Внутри меня, словно пружина, была сконцентрирована сила, которая только ждала команды, что бы освободиться, и смести всё, что окажется на её пути.

– Ну, что же, дружище Джон, давай, твоё время, – спокойно сказал Странник и положил мне руку на плечо.

Я отпустил силу, и по полчищу серых всадников прошла волна огня, многоголосый предсмертный вой потряс воздух, а земля заметно задрожала.

– Хороший удар, – похвалил Странник.

Прошла рябь, и этот фрагмент сменился на другой. В этот раз мы со Странником находились в какой-то унылой плоской местности, покрытой странной серой травой. Вся атмосфера этого места внушало уныние, казалось, что даже воздух здесь пропитан унынием.

Я, еле переставляя ноги от усталости, брёл по равнине покрытой серой травой. Во рту пересохло, в глазах плавали разноцветные круги, разбавляя окружающую серость, пра-

вый бок сильно болел. Ещё бы ему не болеть, когда пропустил такой удар.

Впереди тяжело шагал Странник, время от времени раздавая удары, небольшим отрядам серых всадников, которые, словно мухи, в отдалении кружили вокруг нас. Мы довольно долго поднимались на невысокий, с очень пологими склонами холм, и дело было вовсе не в том, что склон был слишком длинным, а в том, что я еле переставлял ноги, буквально выбиваясь из сил. Мой друг, тоже был не в лучшей форме, а, кроме того, он подстраивался под мой темп передвижения, потому что моё передвижение сложно было назвать ходьбой.

На вершине холма Странник остановился, а я просто повалился на землю без сил. С холма хорошо было видно как вся округа буквально кишела летучими отрядами серых всадников, которые, познакомившись с нашими ударами, старались не скапливаться в более крупные отряды и особо не приближаться к нам.

– Держись, друг Джон, – подбодрил меня Странник. – Сейчас я открою проход в одно очень уютное место, где я тебя подлечу, и ты снова станешь молодцом.

Он занялся своими манипуляциями, а я, прикрыв глаза, отдыхал. Внутренним взором увидел я живописный городок на берегу какого-то большого водоёма, судя по наличию порта, забитого парусными судами, моря. И голос во мне отчётливо произнёс, что здесь я очень надолго расстанусь с моим другом и Учителем, что отсюда начнётся мой достаточно

длинный, полный опасных приключений путь.

Когда на холме засиял всеми цветами радуги открывшийся проход, я находился в полубессознательном состоянии, да так, что Страннику пришлось поднимать меня и почти волоком тащить в проход. В этот момент я окончательно потерял сознание. Странное, скажу я вам, ощущение, терять сознание во сне.

Во сне сознание моё медленно возвращается. Я вижу себя сидящим на сочной траве на каком-то возвышенном месте, а внизу во всей своей красе лежит тот самый городок на берегу моря, который я видел перед тем, как потерять сознание.

– Это Зурбан, – с лёгкой грустью говорит мой друг. – Запомни это название. Придёт время, и ты надолго поселишься здесь. Ты станешь знаменитым проводником по серым равнинам, и в своё время, внесёшь свою долю в общее дело. Тогда мы встретимся вновь.

Его слова вызвали во мне лёгкую панику – как же так, почему, я не хочу.

– Смирись, Джон, – печально сказал Странник, словно подслушал мои мысли. – Все мы вынуждены порой делать то, что нам вовсе не хочется. Однако каждый из нас, едва вступил на путь между мирами, взял на себя некие обязанности, а теперь уже близко время, когда каждый из нас должен выполнить эти обязанности. И мы их выполним, иначе перестанем быть самими собой. Что же касается разлуки, то без разлук не было бы и встреч, а чем длиннее разлука, тем

желанней и радостней встреча.

Я хотел что-то ответить Учителю, но в этот момент проснулся. Келья, где я ночевал, освещалась переливчивым светом всех цветов радуги, сначала показавшимся мне светом открытого перехода. Потом я вспомнил, что нахожусь в монастыре при Обсерватории. Быстро встав с постели, я поспешил записать этот мой сон, надеясь при случае рассказать о нём Страннику.

Меня зовут Марк, родом я из империи Повелителей. Родителей своих я не помню; с самого раннего детства я был при Верховном жреце империи Ляргусе, сначала мальчиком на побегушках, а, когда подрос, стал его секретарём. Жрец был человеком очень требовательным, но ко мне относился душевно, по крайней мере, никогда зря ко мне не придирился.

Судьбой своей я, в общем, был доволен, рассчитывая прослужить секретарём до самой старости. Одно только напрягало, я очень хотел изучать Высокое Искусство, тем более, что Ляргус был настоящим Мастером, но он по какой-то причине учить меня не хотел. Только много позже я понял причину его нежелания обучить меня Искусству.

Наступил день, который полностью поменял мою жизнь, причём настолько радикально, что раньше я о таких переменах даже мечтать не смел. В этот день у Повелителей родился давно предсказанный во многих пророчествах «роковой ребёнок».

Этому событию предшествовало несколько странных поручений Ляргуса, которые он отдал мне за пару дней до рождения этого ребёнка. Он сказал, что вызвал Азара и поручил мне встретить его как подобает. Азар, если вы о нём ничего не слышали, является Мастером Высокого Искусства, име-

ющий собственную вотчину, которая называется Сегурией. Он считается лучшим учеником Ляргуса.

Кроме встречи Азара, я должен был подобрать двух надёжных мужчин из числа слуг и найти кормилицу для младенца. Последнее поручение показалось мне странным, но не в моих правилах оценивать поручения старого жреца.

Отдав мне распоряжения, он отправился во дворец и вернулся оттуда лишь на другой день, очень озабоченным и с грудным ребёнком на руках. Так я впервые увидел Кувая, того самого «рокового ребёнка» младшего сына Повелителей и «последнего дракона».

Передав младенца кормилице, Ляргус сразу же приступил к медитации, которая продолжалась более суток и была прервана лишь прибытием Азара. Когда Ляргус пришёл в себя, он первым делом велел, что бы я, двое отобранных слуг и кормилица с младенцем были в любой момент готовы отправиться в дорогу.

– Послушай, мой мальчик, – как никогда тепло заговорил старый жрец. – Наступают трудные времена, и сейчас будущее всех нас зависит от вот этого ребёнка. Я бы очень хотел, что бы ты отправился вместе с Азаром в его вотчину и помог бы ему вырастить Кувая. Мне очень не хочется с тобой расставаться, но я знаю, что ты можешь именно в Сегурии оказать максимальную помощь в нашем общем деле. Я договарюсь с Азаром, и он будет учить тебя Искусству, ты ведь давно об этом мечтал. А сейчас иди, собирайся в дорогу, завтра

на рассвете ты выведешь Азара через подземелье за город.

Он пошёл к Азару, а я отправился отдавать необходимые распоряжения и собираться в дорогу. Во мне боролись сразу два противоположных чувства. Грусть от того, что мне придётся, судя по всему, навсегда покинуть столицу, город, где я родился и прожил всю свою жизнь, боролась с чувством радости от того, что меня ждёт интересная, полная приключений жизнь, а главное, это то, что я смогу учиться Искусству, да ещё у настоящего Мастера.

События развивались так стремительно, что мы были вынуждены уже вечером бежать из города, охваченного мятежом. С тех пор судьба связала меня с малышом Куваем и Азаром. Позже у меня появились друзья, которые стали для меня настоящей семьёй.

Теперь, вспоминая то время, я понимаю, как мне повезло в этой жизни. Я пережил такие приключения, о которых не мог даже и помыслить; я побывал в Трактире-на-перекрёстке и участвовал в спасении Ляргуса, мы встретились со Странником и его другом и учеником Джоном Мильтоном, а вот сейчас мы находимся в монастыре при Обсерватории, и утром нам предстоит испытание Обсерваторией. Мы, это Странник, который стал моим учителем после Азара, Кувай, Джон и я.

Я проснулся в отведённой мне для ночлега келье, когда до рассвета было ещё очень далеко, и долго лежал с открытыми глазами, глядя на играющие на потолке блики, произ-

водимые Обсерваторией. Мне приснился очень яркий, явно вещий, сон, который так крепко засел в моём сознании, что даже спустя много лет, я помнил мельчайшие детали его и переживал пережитые в нём чувства так же ярко, как и тогда. Но тогда этого я ещё не знал, а просто лежал, стараясь продлить только что пережитые чувства.

Когда я с вечера лёг спать, то был настолько усталым, что стоило моей голове коснуться подушки, как я сразу же провалился в сон.

Я оказался в какой-то очень живописной местности. Со мной были Странник и Джон. Мы сидели у небольшого костерка, что бездымно горел на поляне, окружённой древней дубравой слегка тронутой дыханием осени. Мы пили вино и ели мясо, по-видимому, это был обычный привал, совмещённый с обедом. На душе было тоскливо, словно я что-то потерял или очень скоро должен потерять.

Я смотрю на друзей и вижу, что они сильно постарели. Если Странник, который уже очень давно выглядел старым, почти не изменился, то Джон стал совсем седой, да и волосы его заметно поредели. Он отпустил небольшую, аккуратно постриженную бороду и стал похож на престарелого аристократа, выбравшегося на пикник.

Себя я не вижу, но понимаю, что и я тоже постарел, видимо мне показывают ситуацию далёкого будущего. Куда и откуда мы идём, почему нас только трое, я не знаю. Бывает так, мелькнёт видение и исчезнет, а что это и зачем мне это пока-

зывают – поди, разберись. И остаётся загадка, зачем мне это показали, потом это видение ты забываешь, и вдруг совсем для тебя неожиданно происходит ситуация и ты отчётливо понимаешь, что это ты уже когда-то видел. Проку от этого, честно говоря, особого нет, однако такие моменты придают нашей жизни лёгкий флёр тайны, заставляя нас любить её ещё больше.

Мы едим молча. Так бывает, когда люди, долго пребывающие вместе, перестают нуждаться в словах. Действительно, зачем слова, когда мы так хорошо знаем друг друга, что достаточно взгляда или жеста и всё ясно.

Окончив трапезу, мы тушим костёр и трогаемся в путь. Впереди идёт Странник, чья походка по-прежнему легка, за ним Джон, а за ним я. Я понимаю, что в таком порядке мы ходим уже не один год. Поднявшись на поросший столетними дубами холм, мы оказываемся на развалинах какого-то толи храма, толи капища. Здесь Странник останавливается и снимает свою котомку. Мы тоже избавляемся от груза, и я вдруг с ужасом понимаю, что вот сейчас наступает время расставания, причём расставания, которое можно сравнить со смертью, такую бездну времени предстоит нам прожить порознь.

– Не грусти, друг мой Марк, – с улыбкой говорит Странник, даже не скрывая, что читает мои мысли. – Да, разлука будет долгой, но она в своё время кончится, как кончается всё. Ты пока, что будешь с Джоном и работы у вас, как гово-

риться выше крыши. Кроме того не забывайте о ветрах времени, уже пора научиться ими пользоваться.

Я прекрасно понял всё, что сказал мне Учитель, и на душе стало чуть-чуть легче. Действительно, не зря же последние годы мы посвятили работе со временем, так что пользоваться потоками и ветрами времени мы худо-бедно умели.

– Джон, дружище, – продолжил разговор Странник. – Постарайтесь с Марком хорошо освоить те роли, которые вам предстоит сыграть. Больше работайте со временем и внешностью. Я вас найду, когда придёт время действовать.

Сейчас я открою проход в Мильтон-Хаус. Там оптимальный для решения нашей задачи поток времени, поэтому ожидать вам придётся не более года. Он замолчал и начал открывать проход. Проход открылся на удивление быстро. Сколько раз видел, да и сам открывал проходы, но никак не могу привыкнуть к той красоте, которая всякий раз сопровождает это явление. Не прошло и минуты, а на холме, переливаясь всеми цветами радуги, открылся проход. Пришло время прощаться.

Странник крепко обнял каждого из нас и молча подтолкнул к проходу. Береги себя, Учитель, одновременно сказали Джон и я. Он только махнул рукой, когда мы шагнули в проход.

На миг стало темно, потом сон продолжился. Я вижу себя со стороны лежащим в пароконной повозке, которая во весь опор мчится по какой-то унылой равнине поросшей

странной серой травой. Я ребёнок, которому от силы года три. Кроме меня в повозке ещё несколько ребятишек примерно того же возраста, все мальчишки. Повозкой правит какой-то верзила зверской внешности. За повозкой, в которой везут меня, следует ещё две такие же. Караван сопровождают несколько всадников. Никто из детей не связан, все спят, видимо опоенные каким-то сонным зельем. Впереди, куда движется наш караван, на самом горизонте виднеется какое-то достаточно крупное серое строение; монастырь, услужливо подсказывает мне сознание. При виде монастыря, меня охватывает жуткая тоска, словно я умерший смотрю на собственную могилу и не могу оторвать взгляда. Мне хочется заплакать, но я не могу. Кажется, ещё чуть-чуть и сердце моё разорвётся. В этот момент я просыпаюсь.

Дверь, что отделяла меня от моего прошлого, открылась как раз в тот момент, когда я собирался разнести её в щепки. С волнением в сердце переступил я заветный порог с полной уверенностью, что я уже знаю, какая судьба ожидает меня там.

Стоило сделать мне три шага, как душа моя без сожаления оставила тело моё и устремилась в поток силы, что пронзал Обсерваторию. Океан чувств сопровождающихся яркими образами поглотил меня, я растворился в нём и он повлёк меня куда-то сквозь пространство и время. Я испытывал благодатное чувство, сходное с пребыванием плода в чреве матери. Сколько это продолжалось не скажу, как не скажу, что за образы я видел, это касается только меня, скажу лишь одно, я полностью вспомнил себя. Вспомнив себя, я абсолютно успокоился; мне стало понятно, что теперь делать. Я с благодарностью вспомнил недавний разговор со Смертью, и она тут же предстала перед моим внутренним взором.

– Я рада за тебя, Странник, – с улыбкой сказала Смерть. – Вот теперь ты стал прежним, и мы продолжим наше сотрудничество. Сейчас мне недосуг, но позже мы увидимся. Привет тебе от сестры.

Она вновь улыбнулась и растаяла в воздухе, я же, теперь твёрдо зная, что мне делать, устремился к своему прошло-

му. О, это был великолепный полёт, полёт развоплощения, многократно проделанный мной в прошлом, за практически бесконечный период моего бытия. Для воплощённых людей я умер, и тело моё безжизненным трупом лежало в подземелье Обсерватории.

Я летел, пронзая собой миры и они, подобно стайкам испуганных светлячков разлетались от меня в разные стороны. Сколько продолжался полёт, я сказать не могу, время здесь не имело ничего общего с, привычным для нас, линейным временем. Оно здесь было скручено в жгуты, завязывалось узлами, образовывало петли и выкидывало ещё не такие фортели. Наконец мой полёт завершился.

Я оказался в очень хорошо знакомом мне месте, настолько знакомым, насколько может быть знакома твоя собственная Родина. Вокруг меня было пространство полное света, и сам я был светом. Навстречу мне проявлялись высокие человекоподобные фигуры, с гигантскими крыльями за спиной. От фигур исходил радужный свет, и при виде их в душе стало тепло и уютно – я дома, а люди, встречающие меня – мои родные, по-настоящему родные братья и сёстры, которых я уже очень давно не видел, разве что во сне, но там я их не мог узнать.

Не буду до поры говорить о том, что рассказали мне мои родичи, эта информация не для широкой публики. Важно то, что теперь я четко знал, как можно остановить Серую империю, в образовании и развитии которой, как оказалось,

частично виновны и мы сами.

Я многое понял о моих друзьях и их роли в нашем общем деле. Я узнал, на что каждый из них способен и какую конкретно роль они способны сыграть в общей игре.

Ещё я узнал, причём от самой Обсерватории, способ, с помощью которого мы уберёжем её от захвата адептами Серой империи, потому, что в случае её подпадания под влияние серых, Мироздание ожидает подлинная катастрофа, вплоть до того, что будет вынужден вмешаться сам Творец.

Как ни хорошо было дома, но пора возвращаться туда, где меня ждут друзья, где я ещё нужен, где нас, прошу прощения за пафос, ждут великие дела.

Возвращение, как обычно, заняло значительно меньше времени, чем потребовалось на путешествие на Родину, и было, опять же, как всегда, очень болезненным. Тело моё свела жестокая судорога, каждый сустав моего тела выворачивало. Кроме того на тело моё навалилась такая тяжесть, словно на меня сверху положили неподъёмную каменную плиту. Все эти удовольствия продолжались примерно около часа, не знаю, мне было не до наблюдений за временем.

Когда страдания мои закончились, и я смог встать на ноги, я был так вымотан, что каждый шаг давался мне с трудом, плюс ко всему меня ещё мотало из стороны в сторону, так что мне пришлось идти, опираясь на стену прохода. К тому же лампа, с которой я пришёл сюда, при падении погасла, и мне пришлось идти в полной темноте, а что бы при-

менить заклятие ночного виденья, просто не осталось сил. Заблудиться я не боялся, так как коридор здесь нигде не раздваивался. Так я и брёл потихоньку, преодолевая страшную усталость.

Вдруг загорелся свет, и я понял, что испытание закончилось. Идти дальше стало легче, и вскоре я добрёл до первой двери, где меня встретили встревоженные друзья, которые думали, что я погиб. Увидев, в каком я состоянии, они не стали задавать мне никаких вопросов, а подхватили меня под руки и помогли добраться до моей кельи, где я тут же рухнул на кровать и сразу же уснул.

Проспал я, как оказалось, почти двенадцать часов и проснулся страшно голодным, но зато прекрасно отдохнувшим. Я встал, привёл себя в порядок и направился в трапезную, надеясь утолить голод. На душе было так спокойно, как обычно бывает, когда после долгой напряжённой работы, наконец-то становится виден результат, а таким результатом стал реальный план противостояния Серой империи и, как часть этого общего плана, план спасения Обсерватории. Я, конечно, вовсе не собирался раскрывать все свои планы, но то, что касается Обсерватории, я был намерен озвучить.

В трапезной я застал своих друзей, которые занимались тем, что сокращали запасы монастырского вина. При виде меня, они бурно выразили свою радость и тут же принялись меня кормить и поить. Я не стал заставлять их уговаривать меня и отдал должное еде и питью. Закончив трапе-

зу и не спеша, потягивая вино, я с интересом наблюдал за своими друзьями, которые, сгорая от нетерпения услышать мой рассказ, старались сохранить достоинство, старательно делая вид, как будто им вовсе не интересно, что я им расскажу.

Пришёл Маргус, который почему-то смотрел на меня так, словно перед ним прямо сейчас предстал сам Творец. Его взгляд, в котором смешались удивление, страх и обожание, спустя минуту начал действовать мне на нервы.

– Как ты себя чувствуешь, Странник? – очень почтительно спросил жрец.

– Прекрасно, – ответил я. – А почему ты так на меня смотришь?

Мой вопрос застал жреца врасплох. Он явно растерялся и сразу не мог сообразить, что мне ответить. Что бы разрядить создавшееся напряжение, я налил всем вина и предложил выпить. Мы выпили, но потребовалось ещё не меньше пяти минут, что бы он смог ответить на мой простой вопрос.

– Ты спрашиваешь меня почему я так на тебя смотрю? – повторил мой вопрос Маргус. – А как ещё я могу смотреть на человека, если он действительно человек, который вот так запросто прошёл до второй двери, а потом ещё и шагнул за неё. Ещё за всю известную историю Обсерватории ни один человек не смог сделать этого. Отметка, которую достигают соискатели должности Верховного жреца, находится примерно посередине между первой и второй дверями. Так

Джон и Кувай достигли уровня среднего жреца, а вот Марк, хоть сейчас может претендовать на должность Верховного жреца, мы дошли с ним до одной и той же отметки. То, что ты сделал, показывает, что твоя природа родственна природе Обсерватории, а раз так, то смотреть на тебя я могу только с великим почтением.

Выслушав жреца, я даже присвистнул. Этого ещё не хватало, не допусти Творец, что бы жрецы начали мне поклоняться. А вообще-то жрец сумел сделать очень верные выводы, впредь нужно быть поосторожней. О том, кто я на самом деле до поры никому знать не нужно.

– Учитель, – просительно обратился ко мне Кувай, который, по всей видимости, как самый младший был делегирован Марком и Джоном, что бы хоть что-то от меня узнать. – Ты ведь нам расскажешь, что с тобой было?

– Конечно, расскажу, – со смехом ответил я. – Только не сейчас и не здесь. Скажу лишь одно, похоже ответ на вопрос, что делать с Обсерваторией мы всё же получили.

Жрец с надеждой посмотрел на меня, а затем спросил:

– Значит, твоё испытание дало результат? Где и когда мы сможем об этом поговорить?

– Тут необходимо соблюсти условия строжайшей секретности, – ответил я Маргусу. – Во-первых, необходимо подобрать помещение, которое можно полностью изолировать, как от магического, так и физического прослушивания. Во-вторых, прежде, чем мы сможем действовать, необходимо

очистить Орден Обсерватории от предателей, работающих на Серую империю. Надеюсь, ты не думаешь, что предатель был только один?

– Конечно, не думаю, – с грустью сказал жрец. – Ещё бы знать, как это сделать.

– Нет ничего проще, – ответил я. – Необходимо сегодня же провести испытание Обсерваторией для всех жрецов. Сама обсерватория покажет, кто есть кто. Кстати, она сама подала эту идею. Так что, проведи испытание прямо сейчас, а уже потом будет серьёзный разговор.

– Хорошо, будь, по-твоему, – с радостью сказал Маргус. – Я сейчас этим и займусь. А поговорить мы сможем в моём кабинете, там есть для этого все условия. Только один вопрос, что делать с теми, кого Обсерватория не примет?

– Думаю, что особых репрессий не требуется, – ответил я. – Заприте их пока где-нибудь, а потом их следует просто изгнать, но только тогда, когда это будет нам полезно. -

Он, воспрянув духом, ушёл проводить испытания монахам, а мы продолжили наше застолье.

Поздно вечером мы сидели в личном кабинете Маргуса. Я поставил магическую защиту от подслушивания. Маргус только недавно закончил испытание своих подопечных и теперь выглядел несколько удручённым, ещё бы, если примерно треть его людей оказалась так или иначе связанной с Серой империей. На наше счастье, теперь они все выявлены, причём самой Обсерваторией, и закрыты в подземной тюрь-

ме, вход в которую я дополнительно перекрыл мощным заклятием, так что за то, что никому из них не удастся сбежать, можно было ручаться.

Наступило время рассказать, о том, что поведала мне Обсерватория. Рассказывать о том, что я побывал на Родине и встречался с родными братьями и сёстрами, которые, как и я, в своё время имели непосредственное отношение к Обсерватории, я говорить, конечно, не собирался. Может быть, когда-нибудь я расскажу и об этой встрече, но не сейчас.

Мы удобно разместились за круглым столом, на котором стояли разнообразные закуски, фрукты и, конечно, вино. Вообще я уже давно заметил, что большинству ходящих-по-мирам, свойственна такая особенность. Они способны питаться в пути чем попало, а то, зачастую, и вовсе голодать, но если выпадает возможность, они не прочь посидеть за столом, хорошо покушать и выпить. По-видимому, это своеобразная компенсация за долгие дни вынужденных голодовок. Я со своими друзьями в этом отношении не был исключением, поэтому любой, даже самый серьёзный разговор у нас обязательно сопровождался застольем.

– Друзья мои, – начал я, после того, как все выпили по бокалу вина. – Я, наверное, замучил вас своим молчанием, но на это, как вы теперь и сами видите, были веские причины. Сейчас мы здесь все свои и я могу свободно говорить. Однако вынужден предупредить, что всё, что вы сейчас услышите, должно остаться строго между нами. Даже, если мы ре-

шим реализовывать те предложения, что вы услышите и возникнет нужда привлечь к этому других людей, то они должны знать эту информацию только в объёме, необходимом для реализации данной конкретной задачи. Надеюсь, это всем ясно?

Сделав паузу, что бы все осознали моё предупреждение о сохранении тайны, я продолжил.

– Обсерватория, так же как и мы с вами, прекрасно осознаёт опасность, которая угрожает всем нам со стороны Серой империи, – продолжил я свою речь.

Обсерватория, как она утверждает, вполне может сама за себя постоять, однако в этом случае, последствия для этого мира будут просто катастрофическими. Она этого не желает, поэтому, в общем-то, приняла наш третий вариант. Если вы помните, он предусматривает перемещение Обсерватории в некий другой мир, причём мир, созданный нами, наподобие вотчины Мастеров. Она само перемещение берёт на себя, за нами же создание возвратного заклęcia и мира, куда она будет перемещаться.

Я сделал передышку, что бы перевести дух и промочить горло.

– Уважаемый, Странник, – воспользовался паузой жрец. – Будь добр, расскажи подробнее о предложении Обсерватории, особенно расскажи, что такое возвратное заклęcie.

– Конечно, расскажу, уважаемый Маргус, – успокоил я жреца. – Общий замысел Обсерватории заключается в том,

что она перемещается в созданный нами мир только на время необходимое для ликвидации опасности со стороны Седьмой империи, после чего она с помощью возвратного заклятия возвращается обратно на своё место.

— Так значит, она намерена покинуть наш мир лишь на время? — переспросил жрец. — Очень хорошо. Меня, в связи с этим, волнует судьба моего ордена; я всё же являюсь его главой. Что же будет с моими жрецами??

— Именно из-за этого и требуется возвратное заклятие, — стал объяснять я, хлебнув вина. — Дело в том, что Обсерватория не намерена расставаться с нами, но что бы у неё была возможность взять вас с собой и потом вернуть обратно и необходимо возвратное заклятие. Она вообще озабочена спасением духовной элиты империи, поэтому главной задачей при подготовке эвакуации Обсерватории со стороны вашего ордена будет отбор этой самой элиты. Происходить это должно примерно так. Вы и ваши жрецы, которые теперь должны проходить испытание не реже, чем раз в месяц, отбирают подходящих, на их взгляд, кандидатов, которых позже проверяет сама Обсерватория. Отобранные кандидаты продолжают жить так же, как жили ранее, но когда начнётся перенос, они тоже будут перенесены. Естественно, посвящать в детали никого не нужно, особенно кандидатов из числа элиты. Они вообще не должны ничего знать, о предстоящей операции по переносу.

Я сделал передышку, что бы промочить горло и дать моим

слушателям время осмыслить услышанное.

– Обязательным условием, при котором Обсерватория совершит перенос, является, участие в этом деле обоих Повелителей, иными словами, Повелители драконов должны быть спасены, потому что империя должна будет возродиться, но произойдёт это только через пятьдесят тысяч лет по времени этого мира, – сделал я заявление и стал наблюдать, как на него среагируют слушатели.

Реакция не заставила меня ждать. Сначала, примерно минуту, они все, кроме Кувая, сидели с открытыми от удивления ртами, затем, видимо до них дошло, разразились бурными аплодисментами, а Кувай предложил выпить за то, что Обсерватория в своей заботе о возрождении империи, не забыла и о нынешних повелителях.

После того, как все успокоились, мы перешли к обсуждению деталей грандиозного замысла, который, как я теперь понимал, был задуман, целую бездну веков тому назад. Все присутствующие с энтузиазмом взялись за обсуждение поэтапного плана реализации этого замысла.

Прежде всего, я рассказал, что на всё, про всё, нам отведено лишь пять лет, а дел столько, что на раскачку его просто нет. Все решили, что бы общее руководство операцией, я взял на себя. Отказываться было бы глупо, только я один из всех здесь присутствующих полностью представлял реальный масштаб задачи, стоящий перед нами, поэтому я согласился и сразу же начал действовать.

– Уважаемый, Маргус, – начал я распределять обязанности. – Вам придётся заняться предварительным подбором кандидатов, их испытанием, а так же изоляцией, агентов Серой империи, которых будет разоблачать Обсерватория. Кувай и Джон займутся расчётом общей структуры будущего возвратного заклęcia, тем более, что именно Куваю придётся запускать это заклęcie, ибо последний акт трагедии империи Повелителей драконов будет играть он. Кроме того сама Обсерватория выбрала их для создания заклęcia, это и показал результат испытания, ну и, наконец, заодно я проверю, как вы освоили прикладную магию, особенно в разделе – конструирование новых заклęтий. Надеюсь, что вы меня не разочаруете.

– А, что буду делать я? – несколько испуганно, спросил Марк.

– Ну, а мы с тобой займёмся созданием пространства, куда переместится Обсерватория. Недаром она пропустила тебя так далеко, – объяснил я Марку нашу совместную задачу.

Ещё около часа мы обсуждали мелкие нюансы предстоящего дела. После того, как всё было обговорено, весь оставшийся вечер мы посвятили самому банальному пьянству, что бы с утра с головой погрузиться в очень кропотливую работу, от которой во многом будет зависеть будущее этого мира, а значит и жизнь миллиардов живых существ, обитающих в нём.

Мы быстро уходили на север, стараясь как можно дальше оторваться от погони, которая буквально висела на наших плечах. Погоня началась спустя час, после того, как Крон вывел нас подземным ходом далеко за стены города, города, который, не смотря на все неприятности, которые всем нам пришлось пережить здесь, заставил себя полюбить, тем более что здесь я вновь обрёл родителей.

Мы, конечно, легко могли бы уничтожить погоню, но Учитель строго настрого запретил применять оружие, а тем более магию или Искусство, не желая проливать кровь ни в чём неповинных гвардейцев. Я был целиком и полностью с ним согласен. Если раньше я не считал империю своей Родиной, скорее это была Сегурия, то теперь, когда с моих глаз спала пелена лжи, я, не переставая любить Сегурию, любил империю Повелителей драконов. Мне вовсе не хотелось проливать кровь своих соотечественников. Поэтому мы уже несколько часов бежали, стараясь как можно дальше уйти от столицы, где, не привлекая лишнего внимания, можно было открыть проход, ведущий к границе Сегурии.

Вообще, последние десять дней мы жили в бешеной гонке со временем. Причиной её была неумолимо приближающаяся дата моей свадьбы с Ниннэль, а опаздывать на собственную свадьбу, тем более свадьбу с любимой женщиной,

как-то неприлично. Мои друзья полностью прониклись моим беспокойством и старались делать всё, что им поручал учитель, без всяких проволочек, отыгрываясь тем, что постоянно подтрунивали надо мной и моей невестой, причём настолько безобидно, что совершенно не возникало даже желание обидеться.

Мы с Джоном Мильтоном занимались разработкой возвратного заклятия, сделать которую поручил нам Учитель. Сказать, что задачка была сложной, значит, ничего не сказать, она была, на мой взгляд, просто невыполнимой. Во всяком случае, в нашем мире такое ещё никто не делал.

Вот тут-то на выручку пришёл характер Джона, который настолько доверял своему другу и учителю, что ни минуту не сомневался в том, что мы эту задачу решим.

Общую структуру возвратного заклятия мы для начала решили разделить на две части. Первую половину её, которая должна была отправить Обсерваторию в другой мир, взялся разрабатывать я, а вторую, отвечающую за её возвращение, Джон. Мы с воодушевлением взялись за работу и очень быстро запутались и зашли в тупик. Дело в том, что до этого мы выполняли более простые учебные задачи, а тут нужно было учесть, сопоставить и сбалансировать столько факторов, что мы буквально начали тонуть в этом море информации, связанной с нашей задачей. Скрепя сердце, мы вынуждены были обратиться к Учителю.

Каждый вечер мы собирались в трапезной, где ужинали,

пили вино и разговаривали. К этому времени все жрецы уже заканчивали ужин, и трапезная передавалась в наше полное распоряжение. Учитель ставил защиту от лишних ушей, и мы могли спокойно разговаривать о наших делах.

Так вот, это было, по-моему, на третий вечер, как мы приступили к своей работе. Совсем запутавшись, мы вынуждены были обратиться за помощью к Страннику. Он внимательно выслушал наши жалобы, и пристально посмотрел на нас. Смотрел он не меньше пяти минут, причём так, словно перед ним вдруг оказалась какая-то невиданная диковинка, которая здесь оказаться ну никак не могла. Я и Джон под этим взглядом готовы были провалиться сквозь землю или сделаться маленькими-маленькими, что бы укрыться от глаз Учителя. После этого он засмеялся, да не просто засмеялся, а буквально закатился смехом, так что слёзы потекли из глаз его. Смеялся он довольно долго (он вообще любил посмеяться), затем, сразу же, без всяких переходов, стал очень серьёзным.

– Друзья мои, – сказал он очень серьёзно. – Я, конечно, понимаю, что задача, которую вам необходимо решить, чрезвычайно сложная. Так зачем же вы её усложняете? Сама Обсерватория выбрала, что бы вы работали вместе, а вы и без того трудную задачу, сделали вдвойне трудней, разделив единую задачу на две части, потому и запутались вы. А ведь это всего лишь зеркало. Решите половину и разверните, вот всё и сложится.

Больше ничего объяснять он не посчитал нужным, и занялся беседой с Марком. Мы же с Джоном не рискнули вновь спрашивать его, что бы в его глазах не выглядеть совсем уж законченными идиотами.

Ночью мне не спалось. Я ворочался с боку на бок, но глаза упорно не желали закрываться. В голове непрестанно крутилась одна и та же мысль – что имел в виду Учитель. Наконец, терпение моё лопнуло, я встал и направился в келью Джона, понимая, что он тоже не спит. Подойдя к его двери, я тихо постучал и тут же получил приглашение войти.

Джон сидел за столом и что-то писал. Как оказалось, он даже не ложился, а занимался расчётами по решению нашей задачи.

– Знаешь, друг Кувай, – задумчиво сказал Джон, – Кажется, я понял, что сказал Учитель. Помнишь, он сказал о зеркале.?

– Конечно, помню, – ответил я.

– Понимаешь, наша ошибка в том, что разделив общую задачу на две, мы вовсе не получили две половины, которые вдвое меньше целой, а получили две задачи, каждая из которых равна этой одной начальной задаче, – стал рассказывать Джон. – А ведь всё оказывается предельно просто. Посмотри, эти две половины задачи, по сути, являются повторением друг друга, только зеркально повернутом. Нам с тобой нужно было навалиться на первую половину, например на заклятие перемещения Обсерватории из этого мира, а потом просто

зеркально её повернуть и общая задача была бы решена.

– А, что нам мешает заняться этим прямо сейчас? – спросил я. – Если ты не очень хочешь спать, тогда начнём, времени и так мало.

Джон был не против, и мы углубились в сложнейшие расчёты. Мы так увлеклись, что даже не пошли завтракать, однако наши усилия увенчались успехом – в общих чертах задача была решена. Конечно, оставалось решить ещё кучу мелких задач, но это уже было лишь делом времени.

Встретившись за обедом с Учителем, мы показали ему наши выкладки. Он быстро пробежал глазами нашу записку и широко улыбнулся, потом, повернувшись к Марку, с которым последнее время просто не разлучался, и сказал:

– Вот видишь, Марк. Стоит только чуть-чуть их пристыдить, как работоспособность у этой парочки резко возрастает.

После этого он вернул наши записи и посоветовал ускорить работу, потому что дня через два-три, нам придется возвращаться в Сегурию. К тому времени мы должны показать ему подробную схему заклятия перемещения. Они же с Марком должны ещё раз сходить в Обсерваторию, что бы кое-что уточнить, а потом проведём общее совещание, где наметим наши дальнейшие действия, а уж затем – домой.

Три дня пролетели, как три часа, так сильно мы были заняты. Свою задачу мы с Джоном всё же решили, а все частности предстояло решить за те пять лет, что отводила нам

судьба, до момента применения этого небывалого заклęcia, которое будет действовать не менее пятидесяти тысяч лет, и от которого зависит судьба нашего мира. Учитель и Марк ещё раз сходили в Обсерваторию и вернулись оттуда спустя почти сутки. Где они были и что делали, об этом они ничего не рассказывали, только Марк, и без того серьёзный, стал ещё серьёзней.

Наконец, мы собрались, как сказал Учитель, на итоговое совещание. Был поздний вечер, и трапезная, как всегда в таких случаях, была изолирована заклęciaми от возможного подслушивания. На столе, тоже как всегда, вино и закуски. За столом всё те же персонажи, то есть мы. С итоговым словом выступил Учитель, коротко обозначив, что удалось сделать и что ещё предстоит сделать всем нам и ещё тысячам и тысячам людей и демонов, которые зачастую даже не будут осознавать этого, что бы спасти наш мир от серой заразы. Не буду полностью передавать его речь, скажу лишь, что он отметил то, что возвратное заклęcie в общих чертах готово, остаётся решить несколько частных задач и насытить заклęcie силой, но здесь времени хватает.

Что касается создания пространства, куда будет перемещена Обсерватория, то здесь вся теоритическая часть сделана, а к практической реализации Учитель и Марк приступят позже, уже после возвращения в Сегурию.

Затем Маргус рассказал, как идут дела с подбором кандидатов. Здесь всё тоже шло согласно намеченному плану.

В общем, наша экспедиция в столицу империи прошла продуктивно, подвёл итог Учитель.

Теперь нам просто необходимо оговорить некоторые вопросы нашего возвращения в Сегурию и организацию связи с тобой, уважаемый Маргус.

– Первым делом необходимо устроить так, что бы из города мы выбрались по возможности незаметно, а погоня, которая, как я думаю (на слове думаю, он сделал ударение) начнётся только после того, как мы окажемся за стенами города, – стал излагать свои мысли Учитель. – Очень хочется избежать бессмысленного кровопролития. Кроме того, необходимо будет подсказать Правителям, что бы после нашего ухода они ещё больше ужесточили своё правление, при этом по какой-то странной закономерности жертвами их репрессий должны становиться в большинстве своём люди в той или иной степени поражённые серой немочью. Это усилит в городе уровень страха и побудит многих простых людей, которые ни в чём не виноваты, бежать из города. Этим мы достигнем минимизации лишних жертв, при перемещении Обсерватории. Когда через пять лет, столица вместе с оставшимися жителями погибнет, в ней должны погибнуть в большинстве своём люди так или иначе связанные с Серой империей, а простые подданные по большей части спасутся. Что же касается связи, то я сам буду посещать вас через Обсерваторию. Да, чуть не забыл. Тех жрецов, которые оказались связанными с Серой империей, ты выпусти, но только после

того, как мы покинем город. Вот, пожалуй, и всё, что я хотел сказать.

Он замолчал и выпил вина. Мы дружно поддержали его. На душе моей присутствовали два чувства, которые, хотя и противоположны по направленности, удивительным образом создавали достаточно приятное чувство уравновешенности. Грусть и радость сплелись в моей душе, образовав тот неповторимый узор, который и порождает это приятное чувство. Грусть человека, помеченного Обсерваторией, которому предстоит собственными руками уничтожить город, где он появился на свет, мешалась во мне с радостью, что благодаря этому будут спасены миллионы людей и демонов, что империя получит шанс на возрождение, и, наконец, радость от того, что скоро встречу с возлюбленной Ниннэль.

Маргус заверил Учителя, что сделает всё, что нужно, и что он очень благодарен всем нам за неоценимую помощь, которую мы оказали его ордену, империи, да и всему нашему миру. Завтра утром придёт Крон. Он лично выведет вас за стены города. Ну, ладно, это будет завтра, а сегодня я предлагаю хорошенько выпить, закусить и просто поговорить. Кто знает, удастся ли когда-нибудь ещё собраться вот так, как сегодня. Так воспользуемся возможностью, что сегодня дарит нам судьба. Ну, мы и воспользовались.

Утром, как и договаривались, пришёл Крон и мы, наскоро позавтракав и простившись со старым жрецом, последовали за нашим проводником. Без всяких приключений, двигаясь

подземными ходами, мы вышли на поверхность, километрах в трёх от городских стен. Тепло попрощавшись с Кроном, мы быстрым шагом пошли на север, стараясь как можно дальше и как можно быстрее удалиться от города. Шли мы по бездорожью, старательно избегая людных дорог. Часа через три быстрой ходьбы, мы оказались на вершине довольно высокого холма, где решили передохнуть. Быстро перекусив, мы собрались идти дальше, когда Учитель, который внимательно всматривался в пройденный нами путь, обратил наше внимание на цепочку всадников, которые явно двигались по нашим следам. Погоня началась.

– Да, Маргус молодец, всё сделал, как нельзя лучше, – довольным голосом сказал Учитель и засмеялся. – Теперь, друзья нам предстоит хорошенько побегать.

Сказав это, он сам подал нам пример, бросившись бежать вниз по склону, держа направление всё так же на север. Мы бросились следом, стараясь не отставать от нашего вождя, который, не смотря на его возраст, припустил так, что нам стоило больших усилий не отставать от него. Вот мы и бежали.

Однако, как не выносливы мы были, лошади были всё же выносливей и быстрее. Расстояние между нами хоть и медленно, но всё же сокращалось. Я понимал, что убежать нам без боя вряд ли удастся, и внутренне уже приготовился к бою. В это время в моей голове зазвучал голос Учителя, который сказал, что бы я обернулся драконом и разогнал всад-

ников, но очень аккуратно, что бы никто ни пострадал.

Дважды просить меня не потребовалось. Я тут же, прямо на бегу обернулся драконом и не спеша полетел на встречу всадникам, которые, заметив меня, довольно заметно придержали коней. Я очень осторожно плюнул перед ними огнём, и на этом погоня закончилась. Гвардейцы не стали испытывать судьбу, а дружно повернули коней и во весь опор поскакали восвояси. Это было так не похоже на имперских конных гвардейцев, подлинной элиты имперской армии, что не сложно было понять – они выполняют приказ пославшего их в погоню; перед моим внутренним взором на миг мелькнуло лицо Повелителя. Я развернулся и полетел к друзьям, которые устроили привал прямо посередине лужайки, по которой они только что бежали. Всё, мы возвращаемся.

Глава 2. Мосты сожжены

Давно готова гильотина, но не готова голова,
А жизнь – упрямая скотина, твердит, что всё вокруг слова.
Любовь и ненависть с подлянкой стоят, как очередь в кино,

Мы все воюем нынче с пьянкой, но перед боем пьем вино.
Мы, как солдаты из окопа, встаём однажды в полный рост,
И пусть не брали Перекопа, но за собой разрушим мост.

Пушай всю жизнь мы землю роём, наш быт нехитрый
очень прост,

Пушай немного мы стоим, но всё ж разрушим этот
мост.

А жизнь мычит своё обратно, как будто тянет кто за хвост,
И на душе моей отвратно – давно я сжёг последний
мост....

Уже третий день, как мы вернулись в Сегурию, а душа моя
не на месте. Всё вроде хорошо, даже тайком удалось увидеть-
ся с Ниннэль, а на сердце как-то тревожно. Я чувствую, что
со мной что-то происходит, а вот что именно, понять не мо-
гу. Через месяц моя свадьба, а радости особой нет. Вроде всё
хорошо и мы с Ниннэль любим друг друга, а думы мои вовсе
не праздничные.

В который раз вспоминаю события последних дней, надеясь в них найти причину своего состояния. Вроде ничего тревожного не случилось, разве что намеренье Учителя вместе с Джоном отправиться к границам Серой империи, хотя он клятвенно заверил, что к моей свадьбе они обязательно вернуться. Зная Учителя, я ничуть не сомневался, что он сдержит своё слово. Нет, причина не в этом, хотя чуточку обидно, что они уходят без меня.

А может причина в том, что Учитель вчера сильно повздорил с Азаром и Ляргусом, заявив, что их стратегия борьбы с Серой империей никуда не годится, а лишь оттягивает на неопределённый срок всеобщий конец. До настоящей ссоры, конечно, не дошло, но разошлись они явно недовольными друг другом. Нет, вряд ли, они и раньше серьёзно спорили, так что причина моей тревоги вовсе не в этом.

В конце концов, мне надоело мучиться от непонимания самого себя, и я решил серьёзно поговорить с Учителем, пока он ещё здесь. Не откладывая дело в долгий ящик, я направился к Учителю. Подойдя к двери комнаты, которую занимал Учитель, я постучал и, получив приглашение войти, открыл дверь.

Странник сидел за столом и что-то писал. Увидев меня, он широко улыбнулся и отложил свою работу в сторону.

– Учитель, – сказал я. – Я совсем запутался. Помоги мне.

Он внимательно посмотрел на меня, затем улыбнулся и просто сказал: Я слушаю тебя, сынок.

Меня словно прорвало. Я начал говорить обо всём, что тревожило меня в последнее время. Учитель внимательно слушал меня, ни разу не перебив, и в глазах его светилось искреннее участие ко мне.

Когда я закончил свою исповедь, Учитель налил вина и предложил выпить. Когда мы выпили, начал говорить Учитель, и речь его была насквозь пропитана сочувствием ко мне вперемешку с тонкой иронией.

– Я выслушал тебя, сынок, – стал говорить Учитель. – Мне понятно твоё состояние, хотя бы по тому, что когда-то и сам переживал его, как впрочем, большинство людей во все времена. У тебя это выглядит более обострённо только потому, что задачи, возложенные на тебя судьбой, более тяжёлые, чем у большинства людей. Состояние твоё можно определить, как осознание себя взрослым, когда ты начинаешь ощущать груз своей личной ответственности, как за собственную судьбу, так и за судьбы многих людей, которых ты возможно никогда и не узнаешь. Вспомни, до нашего похода в столицу, ты всегда ходил в группе, где старшим был или Азар, или я. Нет, ты честно выполнял то, что ты должен был делать, но всё равно, вся полнота ответственности лежала на старшем группы. Ты был взрослым в составе команды, но ребёнком в несении реальной ответственности. Теперь же, когда ты встретился с отцом, пережил предательство братьев, понял, что тебе предстоит для спасения Обсерватории, а тем самым и империи, на тебя легла тяжесть ответственности, да

такая, которая доставалась далеко не каждому. Тем более, учти, что спасение Обсерватории полностью ложится на тебя, мы лишь подготовим все необходимые условия. Кстати, я с Джоном отправляюсь к границам Серой империи, специально для того, что бы выиграть те самые пять лет, о которых я говорил. Не буду вдаваться в подробности, но после нашего ухода из столицы, серые могут ускорить попытку захвата Обсерватории. Ты же наверняка понимаешь, какой интерес представляет для серых такой источник силы, как Обсерватория. Поэтому они постараются сделать всё, что бы овладеть ей. Они далеко не глупы и разоблачение их агентов может подтолкнуть их на ускорение вторжения, а мы пока не готовы. Поэтому я хочу встретить их на дальних подступах и показать им Древнюю силу, да и Джону пора испытать себя в боевой магии.

Он замолчал, переводя дух и собираясь с мыслями. Я налил вина, и он с благодарностью принял бокал. На душе моей стало гораздо спокойней, от понимания того, что со мной происходит. Осталась только лёгкая встревоженность, но это, судя по всему, теперь будет со мной до конца моих дней, как символ моей взрослости.

– Кроме того, – продолжил Учитель. – Тебя посетила любовь, что само по себе является великим даром Творца, и ты решил взять на себя ответственность за эту любовь, за любимую женщину, за будущих детей. Эта ответственность ничуть не легче. Всё это и создало то состояние духа, с каким

ты пришёл ко мне. Теперь, как я вижу, у тебя осталась лишь лёгкая тревога и это хорошо. Значит, ты окончательно стал взрослым.

Он встал, показывая, что разговор закончен. Я тоже встал, и мы крепко обнялись.

– Ты говоришь, что ваш поход достаточно опасен, – сказал я. – Так почему бы вам не взять меня с собой?

Странник посмотрел на меня тем же самым взглядом, которым он смотрел на меня и Джона, когда мы пришли к нему со своей нерешённой задачей. От этого взгляда мне опять захотелось провалиться сквозь землю.

– Видимо я слишком рано посчитал тебя взрослым, – с укоризной сказал Учитель. – Уйди с глаз моих и пока не поймешь, не показывайся мне на глаза.

Сначала я опешил, а потом сознание моё заработало быстро-быстро, и я понял, какой же я тупица. Действительно, все мои друзья стараются, что бы я, когда придёт время, смог выполнить то, что должен, а я, как малый ребёнок, капризничаю. На мне полусырое заклятие, с которым ещё работать и работать. Кроме того нужно контролировать строительство дома, моего первого в жизни собственного дома, куда я скоро приведу свою будущую жену. Учитель с Джоном отправляются в опасную экспедицию, где рискуя жизнью, будут пытаться, хотя бы на время остановить Серую империю, а я своими проблемами его расстраиваю. Мне стало очень стыдно.

– Ну, кажется, понял, – ворчливо сказал Учитель. – Зна-

чит, ты не безнадёжен.

Он встал, подошёл ко мне и крепко обнял. После этого повернул меня лицом к двери и легонько подтолкнул, давая понять, что мне пора уходить.

Я вернулся из столицы империи драконов другим человеком. Главными итогами этой, пусть короткой, но очень насыщенной событиями экспедиции. Главными достижениями её, на мой взгляд, явилось то, что я, наконец-то, полностью вспомнил себя, был разоблачён гигантский по своим масштабам, как в пространстве, так и во времени, заговор Серой империи и в заключение стало более-менее ясно, как противостоят Серой империи.

Совершенно по-другому видел я теперь наши попытки противостоят агрессии серых. Если раньше всё казалось просто и понятно, вот враг, вот мы, ура, стенка на стенку, сила соломой ломит и тому подобное, то теперь это казалось, по меньшей мере, наивным. Оказывается мы, и понятия не имели, какой силе мы пытались противостоят. Эта сила была столь масштабна, что забеспокоились даже такие вселенские силы, как Жизнь и Смерть, которые, кстати сказать, сами говорили мне об этом.

Я прекрасно понимал Ляргуса и Азара, которые были по-своему правы, пытаюсь противопоставить силе Серой империи силу империи Повелителей драконов, это было закономерно. У них за спиной были конкретные миры с миллионами людей и демонов и задача их, как впрочем, и Повелителей, защитить эти миры. Поэтому они были просто неспо-

собны думать о чём-то более масштабным, чем их вотчины, а задачу нужно было решать в масштабе Мироздания. Я понимал, что в этом деле особо рассчитывать на Ляргуса и Азара не приходится, у них своих забот выше крыши, но всё же поговорить с ними, что бы донести своё виденье проблемы я был должен.

Я и Джон, в отличие от наших друзей, вообще не принадлежали этому миру, мало того, мы не принадлежали даже этому времени. Нашим родным мирам, которые отстоят от этого мира бездной расстояния и времени, угроза серой заразы так же актуальна, как и для империи Повелителей драконов. Мало того, мой родной мир уже процентов на восемьдесят захвачен серой немочью. Поэтому мы не меньше обитателей этого мира заинтересованы в том, что бы остановить серую империю, а если получится, то и уничтожить.

Теперь, когда у меня полностью пробудилась Древняя память, я знал, как много миров Мироздания попали под власть Серой империи. Так же я знал, что большинство этих миров яростно сопротивлялось, иногда даже объединившись с другими мирами, но рано или поздно они были захвачены. Из этого положения дел можно сделать два вывода. Первый вывод – Серая империя непобедима, а второй – Серую империю можно победить, но не привычными методами борьбы. Первое просто невозможно – в Мироздании нет непобедимых. Значит, остаётся второе, и задача лишь в том, что бы найти подходящий способ борьбы.

Можно спросить, а стоит ли противостоять Серой империи, если она такая непобедимая, ведь множество миров, попали под власть серых и вроде бы ничего? Тут ответ, во всяком случае, для меня, как и тех людей, которые видели, во что превращаются миры, покорённые Серой империей, однозначен – этого нельзя допустить.

Когда я думал, что Серую империю следует уничтожить, я вовсе не считал, что уничтожение этой империи должно сопровождаться поголовным уничтожением её подданных. Нет, под уничтожением империи я считал только уничтожение той идеологии, которая и породила Серую империю.

Движимый этими соображениями, я решил поговорить с Ляргусом и Азаром о моих предложениях первоочередных действий против Серой империи, которые я подготовил, осмыслив реальное положение дел. Особенно напрягал меня тот узел, что завязали вокруг Обсерватории адепты серых и местные предатели. У меня были очень веские основания беспокоиться, что серые могут нанести там удар в любой момент. Конечно, Обсерватория сама сможет о себе позаботиться, но тогда мир империи Повелителей драконов обречён, он будет просто уничтожен и никто не спасётся. Эта гибель будет столь разрушительна, что погибнет ещё много миров и, скорее всего, погибнет и Сегурия. Всё это я хотел донести до моих друзей и ради этого и затеял разговор буквально в тот же вечер, когда мы благополучно вернулись.

Вечером, как всегда, когда кто-нибудь возвращался из

экспедиции за пределы Сегурии, был организован торжественный ужин, а проще говоря, хорошее застолье. Как всегда, собралось много народа, было много речей, много вкусной еды и много самых разнообразных, на любой вкус, напитков. Поздно вечером, скорее даже ранней ночью, когда на небе уже зажглись звёзды, за столом остались только мы, четверо виновников торжества, Ляргус, Азар и Яргуст.

Я намеренно ограничил себя в вине, поэтому голова моя была абсолютно чистой, словно я и не провёл за столом несколько часов.

– Теперь, когда мы остались одни, нужно серьёзно поговорить, особенно в свете тех новых знаний, что мы получили в столице, – завёл я разговор. – Кстати, Азар, у тебя ещё осталась водка? Серьёзный разговор требует серьёзного напитка.

– Конечно, – со смехом ответил Азар. – Сейчас распоряжусь.

Принесли водку. Разлив её по рюмкам, я встал и предложил тост, содержание которого сводилось к тому, что приближаются великие испытания для всех нас, и я желаю, что бы при любых условиях мы оставались собой и никогда не предавали себя. Тост с воодушевлением был поддержан. Когда все выпили и закусили, я попросил слова.

– Положение дел столь серьёзно, что трагических событий можно ждать со дня на день, – заговорил я.

После вступления я поведал присутствующим все мои размышления по поводу противостояния с Серой импери-

ей. Судя по их реакции, почти всё из сказанного мной было для них новостью, а некоторые мои откровения буквально потрясли их. Здесь я не буду повторять мой рассказ, вы его уже знаете, а скажу лишь о его окончании.

– Учитывая то, что времени практически не остаётся, – заявил я в заключение моей речи. – Предлагаю не позднее, чем послезавтра, отправиться к границам Серой империи и показать часть нашей силы. Я знаю место, где серые начали вторжение в один из миров. Очень удобно. Армия вторжения, совершенно неожиданно получает такой отпор, что почти вся гибнет. Остатки её бегут обратно в империю и доносят до своих начальников эту тревожную весть. Руководство империи, уверяю вас, люди явно не глупые, они остановят вторжение, пока не разберутся, что за новый противник у них появился. Пока то да сё, пройдёт время, которое нам необходимо, как воздух. С нашей стороны существует лишь одна трудность, так дозировать нашу силу, что бы ни разрушить весь тот мир. С собой я беру только Джона. Я отправлюсь туда в любом случае. Если ты, Ляргус, и ты, Азар, отправитесь с нами, будет хорошо, если же нет, и так сойдёт, сил у нас хватит. Просто я хочу помочь вам обрести опыт прямых столкновений с серыми всадниками.

Я закончил и выпил стопку, переводя дух. Я практически знал, что ни Ляргус, ни Азар меня не поддержат. Так оно и вышло.

– Позволь тебе ответить, уважаемый Странник, – взял

слово Ляргус. – То, что ты поведал нам, конечно, очень тревожно, но, на мой взгляд, не стоит драматизировать. Зная нашу силу, Серая империя ещё не скоро решиться напасть на нас. То, что ты предлагаешь, может спровоцировать серых на агрессию раньше, чем они намереваются это сделать. Так что я категорически против этого похода и не приму в нём участия.

Я выслушал старого жреца спокойно и даже с некоторой благодарностью. Я боялся, что он, как старый умудрённый опытом политик, начнёт крутить вокруг да около, не говоря ни да, ни нет. Поэтому я был ему благодарен за прямой отказ поддержать моё предложение. Он сейчас никак не мог позволить себе какие-либо вылазки, тем более сейчас, когда наше посещение столицы расшевелило осиное гнездо, образованное из адептов и местных предателей.

– Я тебя прекрасно понимаю, друг Ляргус, – спокойно сказал я. – Спасибо, что ответил прямо и не стал юлить. Ну, что же, в принципе, моё предложение было мотивировано скорее вежливостью, чем какой-то необходимостью. Задуманное мы с Джоном в состоянии сделать и вдвоём, что я, по большому счёту, изначально и собирался сделать, но поразмыслив, я понял, что если бы я не сделал этого предложения, у вас был бы повод на нас обидеться.

– Всё, что ты рассказал, совершенно меняет моё представление о положении дел в нашем противостоянии с Серой империей, – вступил в мой диалог с Ляргусом Азар. – Заяв-

ляю сразу же, что при этой обстановке, ваш рейд к границам Серой империи, будет не только бесполезным, но даже вредным, поскольку он может спровоцировать агрессию серых против нас, а мы ещё не готовы дать им достойный ответ. Поэтому я не пойду с тобой, Странник и постараюсь отговорить тебя от этой авантюры.

Я видел, что Азар крайне недоволен моим предложением и готов пойти на всё, что бы сорвать мои намеренья. Он даже перестал подбирать выражения, обвинив меня в авантюризме.

Я спокойно слушал его аргументы, которые сводились к тому, что они уже не одно десятилетие изучают серых и ищут способы им противостоять, а я просто выскочка, который, только соприкоснувшись с проблемой, тут же решил, что всё понял и начинал опрометчиво действовать, не давая себе отчёта, что этим могу навлечь на всех нас беду.

Вначале я никак не мог понять причину такого бурного неприятия моего предложения со стороны Азара, но немного подумав, пришёл к выводу, который, как показало будущее, был абсолютно справедлив.

Я понял одно, что, как Азар, так и Ляргус, за долгие годы привыкли считать борьбу с серыми своим личным делом и очень ревниво отнеслись к тому, если кто-то помимо их старался найти способ борьбы с Серой империей. Как они могли ещё реагировать на то, что какой-то пришлый, за относительно короткий срок узнал о серых гораздо больше, чем

они. Теперь я знал, что встретившись со мной и рассмотрев во мне дремлющую до поры Древнюю силу, они захотели использовать меня вслепую. Да, тогда я почти ничего о себе не знал, но после того, что достаточно варварским способом во мне была пробуждена Древняя сила, а вместе с ней и память, я перестал быть послушным орудием в их руках.

Помню разговор, когда я упрекнул их в том, что они, назвавшись моими друзьями, стремились воспользоваться мной в своих целях. Тогда он мне клятвенно пообещали больше так не поступать, а вот теперь я столкнулся с проявлением того же самого, только на более тонком уровне. Ну, что же, раз вы с одного раза не понимаете, придётся вам преподнести ещё один урок, который вряд ли вам понравится и может даже привести к разрыву, но лучше чётко представлять себе с кем имеешь дело, чем пребывать в иллюзии, что здесь вокруг тебя одни друзья. Однако раскрывать свои карты я не спешил – мне было важно узнать, как поведут себя в этой ситуации мои ученики, которые пока молчали.

– Я полностью согласен с Учителем и готов отправиться с ним куда угодно, – первым прервал молчание Марк. – Я, конечно, очень уважаю вас (поклон в сторону Ляргуса и Азара), но совершенно не понимаю вашей нерешительности. Один говорит, что не надо связываться с серыми всадниками, потому, что они пока нападают не на нас, и если мы будем сидеть тихо может быть и вообще не нападут. Другой говорит, что он лучше знает, как противостоять Серой им-

перии, но пока мы не готовы, поэтому не надо высовывать-ся. Если бы я не знал вас так давно, я бы мог посчитать вас трусами. Надеюсь, что это не так.

Он замолчал, но по всему было видно, что у него ещё много есть чего сказать, но он пока решил ограничиться тем, что сказал.

– Мальчишка, – подскочил со своего места Азар, которого слова Марка, судя по всему, буквально взбесили. Он был весь красный, его буквально трясло от негодования. – Ты смеешь обвинять нас в трусости, нас, которые столько сделали для понимания того, как противостоять Серой империи.

Ляргус осторожно тронул Азара за рукав, стремясь успокоить. Тот опустил на своё место, но по всему было видно, что внутри он весь кипит.

Что бы разрядить обстановку, я налил всем водки и предложил выпить. Моё предложение поддержали, даже Азар, хотя и не очень охотно.

– Позволь, уважаемый Азар, ответить мне за Марка, – сказал я, обращаясь к Азару. Получив согласие, я продолжил. – Твой аргумент, что ты и Ляргус, давно занимаетесь серыми и это якобы даёт вам какие-то преимущества перед другими, не выдерживает никакой критики. Да, вы давно этим занимаетесь, спору нет. Вопрос в другом, а много ли вы узнали? Насколько я знаю, вы занимались тем, что издали подсматривали за серыми всадниками. За всё время обменяться ударами с серыми всадниками удалось лишь Ляргусу, и то

он после этого еле выжил. Почему же вы не могли рассмотреть магию серых, которую они применяют, что бы подавить психику всякого, оказавшегося у них на пути? Так, что хвалиться вам особо нечем. Вот ты говорил, что мой рейд может спровоцировать вторжение серых. Что же, вполне допускаю, но ведь рано или поздно это произойдёт. Ты это знаешь так же хорошо, как и я. И, что вы сможете им предоставить, кроме прямого столкновения, победа в котором практически невозможна?

Что касается молодости Марка, так это скоро пройдёт и не солидно тебе попрекать его молодостью.

– Тебе легко говорить, – со злостью и обидой сказал Азар. – Ты сам по себе, за тобой не стоят миллионы живых душ. Попробуй оказаться на моём месте, когда за тобой империя или Сегурия, сразу бы стал осторожней.

– Ты, что считаешь меня безродным бродягой? – спросил я, с трудом сдерживая раздражение. – За мной мой родной мир, хотя я и оставил его уже давно. Кроме того тысячи миров, которым угрожает Серая империя и которым вы, мудрые и могучие ни разу не оказали реальной помощи, трясясь за свою шкуру. Я и свой-то мир оставил и осел здесь, потому что прекрасно вижу, что именно здесь существуют реальные возможности не только остановить серых, но и уничтожить Серую империю, как государство.

Закончив, я выпил рюмку и занялся закуской, что бы немного успокоиться. Явная агрессивность Азара мне очень

не понравилась, а самое главное, было непонятно, почему моё, достаточно разумное предложение было принято в штыки. Как можно разрабатывать методы борьбы с серыми, ни разу не вступив с ним в прямое столкновение? Вопросов было больше, чем ответов.

– Не надо ссориться, друзья, – вместо Азара стал отвечать мне Ляргус. – Все мы заинтересованы в том, что бы остановить серых. Да, каждый из нас имеет своё мнение по этому вопросу, но это не должно посорить нас. Серые только этого и ждут. Давайте послушаем, что думают по этому поводу наши драконы, а уж потом примем приемлемое решение.

Первым заговорил Кувай, которому сделать это было особенно трудно. Я его прекрасно понимал. Он, по сути оказался между двух огней. С одной стороны были самые близкие до сих пор люди, которые спасли и вырастили его и которые, плюс ко всему, его по-настоящему любили.

– Давайте не будем ссориться, – с грустью заговорил Кувай. – Сейчас наоборот нужно держаться всем вместе. Я вас всех люблю, все вы мне дороги и поэтому ничью сторону я принимать, не намерен. Дело в том, что я теперь твёрдо знаю свою судьбу и мою роль в судьбе империи, и знаю так же, что Странник делает всё, что бы помочь мне в моём, отнюдь не простом деле. Если вы, Ляргус и Азар, считаете, что лучшим способом борьбы с Серой империей является оборона, ваше право, но Странник, Джон, Марк и я считаем, что оборона обречена на поражение. Мы ведь делаем одно дело, поэто-

му разница наших взглядов не должна ему быть во вред. Я, не смотря на то, что скоро моя свадьба непременно пойду с Учителем.

Молодец, Кувай, сказал достаточно твёрдо всё, что нужно и при этом никого не обидел. Интересно, что скажет Яргуст.

– Уважаемые Ляргус и Азар, – спокойно заговорил Яргуст. – Я, конечно, по сравнению с вами ещё молод, но я отлично понимаю, что вы просто боитесь прямого столкновения с серыми всадниками. Вы, что намерены всю жизнь маневрировать? Лично я за то, что бы показать серым нашу силу и поэтому полностью на стороне Странника и его учеников. Кстати, вы ведь присягали Куваю и по закону должны повиноваться ему, как Повелителю. Он молодец, не стал требовать от вас подчинения, но я верен присяге и если Кувай пойдёт, то и я последую за ним.

Такого оборота не ожидал не только я, но и Ляргус с Азаром, я уж не говорю по Кувая. Интересно, как теперь поведут себя наши оппоненты.

Ляргус с Азаром довольно долго хранили молчание, я тоже молчал, да и ученики мои словно онемели. За столом повисла напряжённая тишина. Чтобы как-то снять напряжение, я налил всем и предложил выпить. Все согласились, одни с радостью, другие, подавив раздражение. Все выпили и стали закусывать. После этого, я ещё подождал, надеясь, что либо Ляргус, либо Азар, что-нибудь скажут, но они, насупившись, молчали. Понять их не сложно; кому понравится,

когда все, кого они считали своими, вдруг отворачиваются от вас. Ну, что же, видно этот разговор придётся заканчивать мне.

— Я услышал мнение каждого, и благодарен всем за это, — сказал я. — В общем-то, я услышал примерно то, что и ожидал. Я знаю, что уважаемые Ляргус и Азар, озабоченные безопасностью империи и Сегурии, очень болезненно воспринимают всё, что касается борьбы с Серой империей, считая её своим личным делом. Отсюда несколько агрессивное восприятие других взглядов на эту проблему. Однако, борьба эта не может быть монополией кого-либо, так как угроза, исходящая от серых, направлена против всех миров Мироздания, а значит, в борьбе с ней должен участвовать любой, кто понимает эту угрозу, в том числе и я. К стати, мой родной мир уже практически находится в зависимости от Серой империи, так что я не менее вас заинтересован в разгроме её. Я для себя всё решил и послезавтра с Джоном отправляюсь преподавать серым всадникам хороший урок, что бы выиграть так необходимые нам пять лет. Если вас это не устраивает, мы с Джоном можем покинуть Сегурию хоть сейчас, но обещаю, что как бы там дальше не сложились наши дела, мы никогда не будем вам врагами, до тех пор, пока вы сами не станете нам врагами.

Мои слова вызвали у всех, кроме Джона, бурю возмущения. Особенно были возмущены Марк, Кувай и Яргуст — ещё бы, бросаю их, чуть ли не предаю. Мне пришлось дать им

некоторые разъяснения.

– Что это вы так завозмущались? – спросил я. – Вам, что заняться нечем? Насколько я помню, у тебя, Марк хватит дел с подготовкой пространства для перемещения Обсерватории. К нашему возвращению, всё должно быть готово, я проверю. У тебя, Кувай на носу свадьба. Ты, что хочешь оскорбить свою возлюбленную, если мы вдруг опоздаем к сроку? Кроме того, заклятие переноса остаётся за тобой. Ну, а ты, благородный Яргуст, должен остаться здесь, что бы эти благородные господа (я указал на Ляргуса и Азара) не чувствовали себя покинутыми всеми. Время твоего подвига ещё впереди и оно уже не за горами, уверяю тебя.

Мои слова несколько успокоили горячие головы моих учеников, по крайней мере, они перестали думать обо мне, как о предателе. Время было позднее, я предложил выпить всем, как говориться, «на посошок» и разойтись ночевать. Все со мной согласились и дружно выпили.

Рано утром ко мне постучались. Я, несколько удивлённый столь ранним визитом, открыл дверь и обнаружил за ней Ляргуса и Азара. Примерно это я и ожидал. Я поздоровался и предложил им войти, что они, поздоровавшись в ответ, и сделали.

Войдя в комнату, они первым делом поставили на стол солидный кувшин, по виду которого любой, даже абсолютно лишённый интуиции человек мог догадаться, что там вино. Да, интересно начинается утро.

– Я прошу у тебя прощения за мою недостойную несдержанность вчера вечером, – первым делом извинился Азар. – Сам не знаю, что на меня нашло. –

– Извинения приняты, – ответил я. – Соответственно прошу вас обоих простить меня, за то, что вчера я позволил себе излишнюю резкость.

На этом официальная часть была закончена. Мы выпили мировую и, как-то сам собой завязался вчерашний разговор, только сейчас не было между нами того напряжения, которое возникло вчера. Причину этого напряжения я хорошо знал, не зря же я попросил Азара выставить водку, которая, как все мы знаем, способна развязывать языки.

– Я вынужден извиниться перед вами за ту небольшую хитрость, которую я применил вчера, – сказал я. – Дело в том, что мне было очень важно услышать то, что вы действительно думаете, а не дипломатическую чушь, и это вчера мне удалось.

– Что же это за хитрость? – с интересом спросил Ляргус.

– Всё предельно просто, – с улыбкой ответил я. – Для этого я и предложил выпить водки. В нашем мире водка является не просто спиртным напитком, ей приписывают даже мистические свойства. Она способна развязывать языки, недаром у нас даже существует поговорка – «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Вот она всем нам и развязала языки.

Мои собеседники удивлённо переглянулись.

– Нужно взять это в будущем на вооружение, – со смехом сказал Ляргус.

– Меня волнует ещё одно дело, о котором я вчера не стал говорить, – задумчиво сказал я. – Но вы обязательно должны знать эту информацию, потому что она касается Сегурии. Я подозреваю, что здесь в Сегурии завёлся агент Серой империи.

Услышав мои слова, Азар даже вскочил со своего стула.

– Откуда такая информация? – спросил, вдруг осипшим голосом, Азар. – Ты можешь рассказать подробнее?

– Могу, хотя я и сам знаю об этом немного, почти ничего, – ответил я, прекрасно понимая Азара, для которого безопасность Сегурии была превыше всего. – Во-первых в империи слишком хорошо осведомлены обо всём, что происходит здесь. Кроме того, когда мы отправились в столицу, нас уже ждали братья Кувая, которые, как вы уже знаете, предали серым. Их предупредили, а ведь время нашего посещения столицы знали только мы трое. До сих пор не могу понять, как это вышло, поэтому делаю вывод, что среди нас предатель.

Последние слова я произнёс, выразительно глядя на старого Ляргуса. Он заметил мой взгляд и тоже в упор посмотрел на меня. Азар ошарашено смотрел то на меня, то на Ляргуса. Наконец до него что-то дошло и он так же, как и я стал смотреть на Ляргуса. Тот, какое-то время молчал, затем вздохнув, начал говорить, и то, что он говорил, полностью

подтверждало мои предположения.

– От тебя, Странник ничего не утаишь, – начал говорить старый жрец. – Ты ведь знаешь о замысле Повелителей. Я являюсь одним из исполнителей этого замысла, поэтому Повелители в курсе того, что касается их сына Кувая. Да, это я держал связь с Повелителями, это они сами дали мне регалии, для обряда с Куваем. Тут они преследовали сразу две цели. Первая – сделать всё так, что бы Кувай стал законным наследником престола Повелителей драконов. Вторая задача, должна закрыть доступ к праву на престол претендующему на него Роггу, который до рождения Кувая считался наследником, но с рождением его, утратил это право. Если он, каким-либо путём попытается короноваться, то без регалий, которые теперь хранятся в Сегурии, это невозможно. Как мы сейчас видим, обе эти задачи решены, и твоя роль в этом, Странник, несомненна. Что же касается того, что вас ожидали в столице отнюдь не друзья, сделано было специально. Как ты знаешь, по легенде злобные, безумные Повелители только и думают, как бы погубить собственных детей и в первую очередь Кувая. Естественно, если бы вас встретили люди Повелителей, они должны были бы сразу арестовать вас, а скорее всего, просто убить. Поэтому хитрым путём, через Маргуса, который поручил агенту серых, передать братьям, что бы они встретили вас, Повелители организовали встречу, рассчитывая, что попавшие в опалу братья вызовут у вас полное доверие. Зная подлый характер братьев, да и

вообще агентов серой империи Повелитель велел им захватить вас и доставить к нему. После вашей встречи, он устроил бы вам побег, да так, что серые ничего бы не заподозрили. Кроме того, он обрушил бы своё гнев на виновных, которые, по воле случая, оказались бы так или иначе связаны с Серой империей. Ты и Джон чуть было не сорвали этот план, и Повелителю пришлось импровизировать. Особенно опасным было то, что ты сумел разгадать замысел, как серых, так и Повелителя, но ты сделал всё правильно. Вот и всё что я хотел сказать.

Они ещё немного посидели и ушли. Потом явился Кувай с претензией на то, что бы я взял его с собой. Пришлось ему привести вчерашние аргументы и он, как мне показалось, всё понял, хотя я в этом до конца не уверен. Всё, завтра можно уходить, причём уходить с лёгким сердцем.

Завтра у меня свадьба. Вроде бы всё готово, приехало множество гостей, я с нетерпением жду момента встречи с моей Ниннэль, вроде всё хорошо, а на душе всё равно, как-то тревожно. На свадьбу прибыла целая делегация демонов, во главе с Глюдом, как всегда очень эмоциональным и поэтому шумным. Прибыли неразлучные Грымз и Беннет, вместе с которыми был и мой друг Минг, весь такой нарядный и буквально раздувшийся от важности. Из столицы приехали послы от моих родителей, конечно неофициальные, которые привезли подарки тщательно упакованные, что бы никто до времени не мог подсмотреть, что это. Посольство империи возглавлял Крон, который очень тепло со мной поздоровался и спросил, где он может увидеть Странника. Я ответил, что Учитель ещё не вернулся из своей экспедиции, но на свадьбу он обещал непременно вернуться.

Именно отсутствие Учителя и Джона, ушедших к границам Серой империи, и порождало во мне ту тревогу, которая портила мне предсвадебное настроение. Понимая головой, что Учитель сам прекрасно знает, что делает и кого берёт с собой в свои экспедиции, но в душе моей, где-то в самой её глубине, копошилось чувство, что я предал Учителя, не проявив достаточной настойчивости, что бы склонить его взять меня с собой. Однако, что сделано, то сделано и сейчас уже

ничего не изменишь. Остаётся надеяться, что Странник всегда держит слово и вернётся в срок. То, что они целы и здоровы, я не сомневался. Хорошо зная возможности Учителя, да и Джон тоже парень не промах, я был за них спокоен.

Буквально три дня назад, Азар заявил, что его наблюдатели отмечают резкое сокращение активности Серой империи. Из многих миров выводятся серые всадники, куда-то пропали серые монахи. Ходят слухи о каком-то массовым побоище в одном из миров, где серые всадники претерпели полный разгром. Все мы ни минуты не сомневались, что это дело рук наших друзей. Меня порадовало то, что Учитель в очередной раз оказался прав. Его план выиграть время, похоже, блестяще удался. Остаётся надеяться, что они успеют к свадьбе.

На вечер был назначено застолье, где собираться все мои друзья мужского пола. Это будет, моя последняя холостая попойка, на которой, согласно древнему обычаю, собираются только мужчины и молодые парни и хорошенько напиваются. Я в душе не терял надежды, что Учитель и Джон не пропустят столь увлекательного мероприятия.

До вечера было ещё далеко и, перепоручив встречать гостей Азару и Яргусту, я отправился к себе. Нужно было ещё раз проверить вычисления, которые я сделал для заклятия переноса, что бы, когда я покажу их Учителю, мне не краснеть, если вдруг обнаружится какая-нибудь ошибка.

Уже в который раз всё проверив, и не обнаружив оши-

бок, я мысленно создал многомерную модель будущего заклѣтия и вывел её в нашу реальность, примерно так, как в своё время, жрец показывал нам модель Обсерватории. Над моим столом засверкала зеленовато-голубым светом чрезвычайно сложная структура, напоминающая паутину, охватывающую множество миров, где каждая нить была образована сложным переплетением потоков времени и сил, где в местах пересечений этих нитей, подобно прекрасным бриллиантам сверкали события, которые должны произойти при реализации этого уникального заклѣтия.

Я смотрел на эту, созданную Джоном и мной красоту и душа моя ликовала. Сознание уносило меня куда-то в непредставимые дали. Мириады миров проносились перед моим внутренним взором. Я видел чудесные места полные гармонии, Я видел хаос в его ужасающей красоте. На моих глазах рушилась реальность, а на её месте возникала совершенно новая реальность, формы которой невозможно представить нашему убогому воображению. Вся эта красота затягивала в себя, исчезали пространство и время, создавалось впечатление, что это заклѣтие было всегда во мне, а я всегда был в нём, от него невозможно было оторваться. Сделав над собой серьёзное усилие, я погасил модель заклѣтия, лишѣний раз, убедившись, что всё сделано правильно. Остаётся лишь насытить заклѣтие силой, но это уже дело техники.

Я так увлѣкся, что даже пропустил обед, но это не страшно, впереди вечернее застолье, так что там наверстаю. До ве-

вчера оставалось часа два, и я решил немного вздремнуть, что бы за столом выглядеть свежим, не дело, если будущий жених выглядит заморенным.

Стоило мне только прилечь, как я тут же провалился в сон. О, это был чудесный сон, это был сон похожий на сказку или это была сказка похожая на сон, во сне никогда не поймаешь. Я куда-то летел, не спеша, взмахивая крыльями. Подо мной медленно проплывал роскошный широколиственный лес, рассечённый довольно широкой многоводной рекой, величаво кативший свои воды куда-то вдаль. На душе моей был такой подъём, от которого было впору петь, что я и делал, правда, про себя. Никогда не считал себя певцом, хотя петь любил, но только тогда, когда меня никто не мог услышать. Ещё бы мне было не петь, когда рядом со мной летела, переливаясь как гигантская жемчужина, стройная драконица – моя Ниннэль.

Откуда и куда мы летели, я не знал, да это в тот момент мне было безразлично. Мы просто наслаждались полётом, тёплым воздухом, пропитанном запахами леса и реки, наслаждались своей молодостью и друг другом. Мы были счастливы и хотели, что бы и другие чувствовали то же самое, что и мы.

Внезапно всё изменилось. Подул резкий холодный ветер, принёсший с собой запах плесени и какой-то кислый привкус, запах смерти, так хорошо мне знакомый. Это его мне и моим друзьям пришлось вволю нанюхаться, шагая по мёрт-

вым телам, проходя через разорённые войной деревни и города, шагая по следам серых всадников. Так пахла Серая империя. Навстречу нам, со стороны, куда мы летели, надвигалась серая туча, закрывая собой солнце.

– Что это? – испуганно спросила Ниннэль.

– Это надвигается то, что хочет убить нашу любовь, убить наших будущих детей, убить наше будущее. Это надвигается Серая империя, – ответил я своей любимой.

– Милый, мне страшно. Останови её или всё будет напрасно, – умоляюще произнесла Ниннэль.

– Я сделаю всё, что бы её не было, – просто ответил я, чувствуя, как во мне начал поднимать голову гнев.

Туча, к тому времени, заняла весь горизонт и наполовину закрыла солнце. Вдруг тучу рассекли две яркие молнии, и она в страхе начала уползать за горизонт. Вновь стало голубым небо и засверкало солнце.

– Что это было? – удивлённо спросила Ниннэль.

– Это мой Учитель и Джон Мильтон сражаются с Серой империей, – ответил я.

– А почему ты не с ними? – спросила с укоризной Ниннэль.

Меня обдала волна стыда, и я проснулся. Как, оказалось, проснулся я вовремя; ещё немного и я проспал бы свою холостяцкую вечеринку. Я быстро оделся в праздничную одежду и спустился во двор, где были накрыты столы и уже музыканты настраивали свои инструменты – какая холостяцкая

вечеринка без музыки и хорошей песни.

Я находился под впечатленьем недавнего сна, а сказать проще, меня обжигал, нет, это слишком мягко сказано, меня буквально сжигал стыд, охвативший меня во сне. Действительно, мы сейчас будем пьянствовать, петь песни, веселиться, а Странник и Джон сейчас, может быть, надрывая жилы, стараются уйти от погони. Что-то я сомневаюсь, что серые всадники так просто их выпустят, не постаравшись отомстить за свой разгром. Вот в таком состоянии я и явился на собственную холостяцкую вечеринку. Людей было ещё немного, в основном были слуги накрывающие столы. Я подошёл к распорядителю и сделал ему заказ. Он, выслушав заказ, слегка удивлённо посмотрел на меня, затем с поклоном пообещал всё сделать в лучшем виде. Осмотрев накрытые столы, я отправился в комнату, где поселили Минга. Давно я не видел своего друга-демона и хотел с ним поговорить наедине; потом, когда начнётся застолье, будет уже не до душевных разговоров.

Подойдя к комнате, где поселился Минг, я постучал, и, услышав в ответ рычание, открыл дверь и вошёл в комнату. Минга я застал за одеванием праздничного камзола ядовито-зелёного цвета, который удивительно ему шёл. Раньше я за молодым демоном не замечал склонности к следованию моде, но, видимо, действительно, всё течёт, всё изменяется, меняется и мой друг. Он заметно повзрослел, у него даже проросли небольшие рожки, которые, кстати сказать, ему

очень шли.

– Что нового у вас на границе? – спросил я, наблюдая, как демон рассматривает себя в зеркале.

– Да, ничего там нового, – ответил Минг. – Всё, как всегда. Немного воюем, немного торгуем, в общем, скукотища. Я теперь надолго сюда. Меня пригласил Странник. Сказал, что я ему нужен для какого-то дела, но какого не сказал. А я, что, я всегда с радостью помочь такому человеку, да и поучиться у него для меня великая честь. Чувствую, что его наука всем нам очень скоро понадобится.

– Ты так считаешь? – спросил я, крайне заинтересованный рассказом Минга. – Интересно, что Учитель задумал? У тебя есть какие-нибудь догадки?

– Догадок-то сколько угодно, только, что толку. Разве когда угадаешь, что у Странника на уме? – ответил демон, заканчивая свой туалет.

– Это точно, – согласился я с ним. – Ну, ладно, если ты закончил наряжаться, пойдём встречать гостей.

Мы вышли из комнаты и направились к месту проведения вечеринки.

– А почему Странник ушёл только с Джоном? Почему больше никого не взял? – спросил на ходу Минг.

– Ну, ты же знаешь Странника, – уклончиво ответил я. – Если он что решил, ни за что не отступится. Кстати, он обещал к свадьбе вернуться.

– Ну, раз обещал, обязательно вернётся, – уверенно за-

явил демон.

Мне бы его уверенность, подумал я. На душе было не уютно, словно я кого-то предал или обманул. Ещё эта вечеринка при таком настроении. Но ничего не поделаешь, гости уже собираются, да и отменить такое мероприятие не возможно – обычаи здесь соблюдаются свято.

Наконец гости собрались, но начинать вечер я не спешил. Не хватало четверых самых важных гостей, а именно: Ляргуса, Азара, Глюда и Грымза, а без них начинать было бы просто не вежливо. Ушедший за ними Яргуст тоже пропал. Напряжение за столами нарастало. Оно просто не могло не нарастать. Представьте себе небольшую толпу мужиков, которые собрались выпить, сидящих за накрытыми столами и вместо того, что бы заниматься делом, ради которого они здесь собрались, чего-то ждут. Вот такое положение сложилось в самом начале моей холостяцкой пирушки.

Наконец пришёл Яргуст и сказал, что можно начинать, мол, отсутствующие задерживаются по уважительной причине, они извиняются, что заставили себя ждать. Его слова вызвали за столами оживление. Тогда я встал на правах хозяина вечера и произнёс приветственный тост, как того требовал обычай.

– Дорогие друзья, – стал говорить я. – Я от всего сердца благодарю вас за то, что вы почтили меня своим присутствием на этом вечере, где я последний раз выступаю как холостяк. Прошу простить некоторую задержку, но я думаю, что

она будет компенсирована вашими возросшими аппетитом и жаждой. Здесь я, с вашего разрешения, позволю себе немного отступить от обычая. Хотя первый тост полагается за всех присутствующих здесь, я предлагаю выпить за тех, кого сейчас нет с нами, кто может быть, в этот момент сражается с серыми всадниками, сражается за всех нас. Я предлагаю всем выпить, причём выпить настоящий мужской напиток – водку за моего Учителя Странника и моего друга Джона. Выпить за их здоровье и счастливое возвращение к нам.

Пока я произносил свой тост, слуги всем налили по полной стопке водки. Я поднял свою и лихо опрокинул её в рот. То же сделали и остальные. Многие из присутствующих пили водку впервые, поэтому реакция их была очень разная, и всё это было так комично, что после выпивки, все вместо того, что бы закусывать начали смеяться. Этот смех, плюс действие водки, сломали последние рубежи напряжения. Водка пробудила в присутствующих буквально зверский аппетит, так что минут десять-пятнадцать за столом было слышно только чавканье и чмоканье жующих людей. Грянула музыка и вечеринка началась.

Я сидел вместе с Мингом, остальные сели, кто, где хотел. Как-то так получилось, что демоны, послы из столицы империи Повелителей драконов и мои будущие родственники драконы из рода белого облака оказались за моим столом, причём демоны перемешались с драконами. По правую руку от меня оставались свободные места, предназначенные для

отсутствующих, причем два места ближайшие ко мне я забронировал для Учителя и Джона, меня так и не оставила надежда, что они всё же сегодня присоединятся к нам.

После первого тоста мы выпили за всех присутствующих, потом все выпили за меня, потом за мою невесту, а потом демоны хором запели, производя невообразимый шум, в котором всё же при желании можно было расслышать некую мелодию. Люди, видя, что демоны запели, то же затянули какую-то балладу, так что за столами было нечто отдалённо напоминающее конец света в его апогее. В самый разгар этого сумасшествия, случилось чудо, наконец-то пришли Ляргус и Азар вместе с демонами, а с ними живые и здоровые шли Учитель и Джон.

Тут началось настоящее столпотворение. Все кинулись обнимать вновь пришедших, так что я смог обнять Учителя и Джона только минут через пятнадцать, ведь не расталкивать же людей на самом деле. Учитель был, как всегда спокоен и уверен в себе, правда, выглядел немного усталым. Когда мы обнялись, я почувствовал, что в нём буквально бурлила сила, да ещё он весь пропах дымом, словно погорелец на пожаре. Дымом пахнул и Джон, да, плюс к этому, на его левой щеке появился свежий шрам.

Когда все расселись по своим местам, я сделал всем знак наполнить бокалы. Себе, Учителю и Джону я лично налил водки, и, встав, произнёс тост за вернувшихся из дальней экспедиции. Все встали и выпили снова. Учитель, вы-

пив свою рюмку, с аппетитом стал поглощать жареное мясо. Джон от него не отставал, так что по всему было видно, что оба сильно проголодались. Как потом стало ясно из рассказа Джона, Странник о своём походе ничего не стал рассказывать, они не ели последние три дня, было не до этого.

Учитель с удовольствием выпивал и закусывал, так, словно это не он только что вернулся из опаснейшего предприятия, словно он и не покидал почти на месяц Сегурию, а вот так просидел всё это время за столом, выпивая и закусывая. На фоне хорошо одетых гостей Учитель и Джон выглядели оборванцами. Их дорожная одежда, вся пропахла дымом, была вся в пыли, пятнах крови и явно прожжённых прорехах. По всему было видно, что им не дали даже переодеться, а сразу провели к столу. Учителя его внешний вид совершенно не волновал, ему вообще было наплевать, как он выглядит. Джон же сначала немного стеснялся своего вида, но выпив, расслабился и стал себя вести как обычно.

Я смотрел на дорогих мне людей и чувство тревоги в душе моей, как-то незаметно исчезло, а место её заняла приятная теплота, что, зародившись где-то в глубине сердца, постепенно разлилась по всему организму, от чего мне стало так хорошо, как давно уже не бывало.

Вечеринка шла своим чередом. Вино лилось рекой, песни сменились плясками, здесь опять отличились демоны. Они так лихо отплясывали, что пыль стояла столбом.

Постепенно застолье вступило в ту стадию, когда бурное

веселье постепенно переходит в фазу задушевных бесед и тихих задумчивых песен. Гости, как-то сами собой разбились на небольшие группы, в которых шли разговоры о том, что волновало этих людей и демонов. Одни вспоминали покинутую Родину, другие мечтали о том, что и к ним придёт большая любовь, как ко мне, да мало ли о чём могут говорить подвыпившие люди, собравшиеся на дружескую пирушку.

За столом, где сидел я, тоже собрался свой кружок единомышленников. Многие, неуверенные в своих силах, разошлись по домам, что бы завтра присутствовать на свадьбе со свежими головами. Ушли Ляргус с Глюдом, причём последний был в сильном подпитии. Ушёл мой будущий тесть, сославшись на то, что завтра ему предстоит нелёгкий день.

За столом остались, помимо меня, Учитель, Джон, Минг, Марк, Яргуст, Азар, Грымз, Беннет и ещё три молодых дракона. Яргуст где-то раздобыл гитару, и сидел с ней, наигрывая мелодию какой-то старинной баллады. Джон, что-то рассказывал, и его внимательно слушали все, кто находился за столом, все, кроме Странника и меня.

Я не слушал Джона вовсе не потому, что мне был не интересен его рассказ о сражениях с серыми всадниками; его я послушаю потом, когда мы окажемся с Джоном наедине. Сейчас мне гораздо интереснее был Учитель, который сидел за столом с таким отсутствующим лицом, словно находился вовсе не здесь, а где-то очень далеко. Веки его были полуприпущены, так что создавалось впечатление, что он спит,

хотя, хорошо зная его, я понимал, что он ни в коем случае не спит. Дух его явно находился в каких-то безднах толи, пространства, толи времени, разве узнаешь.

Я мелкими глотками пил вино из бокала и временами, исподтишка наблюдал за Учителем. Так продолжалось уже довольно долго, когда вдруг он широко открыл глаза и с улыбкой подмигнул мне.

– А ведь ты очень ждал меня, сынок, – толи спросил, толи констатировал факт, Странник и я вдруг осознал, что это первые его слова, с того самого момента, когда мы обнялись с ним при встрече. – Я всё же сдержал слово, хотя нам с Джоном пришлось изрядно постараться. Разве я мог позволить себе не явиться на свадьбу любимого ученика, да простят меня другие ученики.

– Конечно, ждал, Учитель, – горячо заговорил я. – Думаешь, почему я распорядился поставить водку?

– Я это понял и оценил, мой мальчик, – с улыбкой, от которой в сердце моём стало горячо-горячо.

Как ни странно, все заметили, что Странник заговорил. Поэтому разговоры сразу же стихли и все обратили внимание на Странника и меня. Появилось какое-то напряжённое ожидание, причём ожидание никто не знает чего. Разрядил возникшее напряжение сам Странник. Увидев у Яргуста гитару, он заявил, что хотел бы спеть, но сам играть не умеет, поэтому, если Яргуст сможет саккомпанировать, то он будет крайне ему обязан. Он встал и вместе с Яргустом отошёл в

сторону от стола, где они какое-то время о чём-то тихо говорили, причём Яргуст тихо перебирал гитарные струны.

Наконец, видимо посчитав, что репетиция окончена, они вернулись к столу и Странник попросил слова. Когда шум затих, Учитель заговорил.

— Когда-то, в годы моей молодости я очень увлекался песнями под гитару, — задумчиво говорил Странник. — В моём родном мире, Азар и Джон там побывали, эти песни назывались бардовскими, а людей, которые сочиняли эти песни, называли бардами. Пели эти песни у костров на ночёвках люди, которые большую часть жизни проводили в дорогах. Поэтому для ходящих по мирам эти песни должны прийтись по душе, а здесь я вижу большинство именно ходящих по мирам. Я хочу спеть вам одну такую песню из моей юности. Написал её, если мне не изменяет память, Юрий Визбор, был тогда такой знаменитый бард. Певец я, прямо скажу, ещё тот, поэтому прошу не судить меня строго. Песня, которая сейчас прозвучит, на мой взгляд, очень созвучна нашей общей судьбе.

Он кивнул Яргусту и тот начал исполнять простую на первый взгляд мелодию, которая при своей простоте вызвало в моей душе тревожное чувство, которое всегда испытываешь, отправляясь в дорогу. Нет, это не тревога, вызванная страхом предстоящих трудностей и опасностей, связанных с дорогой, вовсе нет. Попробуйте кого-нибудь из нас лишить этих дорожных трудностей и опасностей и мы заскучаем,

причём до такой степени, что, в конце концов, что сами создадим так недостающие нам в пути трудности и опасности. Все эти мысли пронеслись в моей голове в первые моменты звучания мелодии, исполняемой Яргустом.

Странник негромко запел своим чуть хрипловатым баритоном и, в общем-то, простые слова песни так меня захватили, что я на какое-то время просто выпал из нашей реальности.

Спокойно, дружище, спокойно,
У нас ещё всё впереди.
Пусть шпилем ночной колокольни
Беда ковыряет в груди.
Не путай конец и кончину,
Рассветы, как прежде трубят,
Кручина твоя не кончина,
А только ступень для тебя.

Я увидел себя парящим над столицей империи. Рядом летел Яргуст, а под нами бушевало пламя. Огромный город горел, а я и Яргуст время от времени добавляли огня. Совесть моя была чиста, большинство горожан уже покинуло город, а те же, что оставались так или иначе были связаны с Серой империей.

По этим истёртым ступеням,
По горю, разлуке, слезам,
Идём, схоронив нетерпенье,

В промытых ветрами глазах.
Виденья ведали ночные
У паперти северных гор,
Качали нас звёзды лесные
На чёрных глазищах озёр.

Я вместе с Яргустом поднимаюсь всё выше и выше, так что горящий внизу город становится похожим на горящий в ночи костёр. Наконец, мы достигаем какой-то точки, к которой неосознанно стремились. Я гляжу вниз и вижу, как на месте светящейся искорки, в которую превратилась пирамида Обсерватории, вспухает гигантский огненный пузырь взрыва и взрывная волна, словно огненная метла сметает с поверхности земли остатки некогда великолепного города, города, где я появился на свет и который так толком и не узнал.

Спокойно, дружище, спокойно,
И жить нам, и весело петь,
Ещё в предстоящие войны
Тебе предстоит уцелеть.
Уже и рассветы проснулись,
Что к жизни тебя возвратят,
Уже изготовлены пули,
Что мимо тебя просвистят.

Странник пел, а меня и Яргуста ломала взрывная волна,

порождённая взрывом, перенёсшим Обсерваторию Бог весть куда. Настигнув, она стала мять нас, швырять из стороны в сторону, стараясь бросить на скалы. Я испытывал одновременно ужас и восторг, мне было очень больно, и в то же время я испытывал наслаждение близкое к экстазу.

Странник закончил петь, стихли последние аккорды, а мы все продолжали сидеть молча, потрясённые этой, простой на первый взгляд, песней. У меня сложилось впечатление, что простые слова песни всколыхнули у каждого в душе нечто такое, что невозможно объяснить словами, но что имеется в душе у каждого настоящего мужчины, да и у настоящей женщины тоже. Что позволяет нам делать то, что мы все должны делать, потому, что если мы не будем следовать этому зову, идущему из самых глубин души, мы теряем право называться людьми.

Наконец оцепенение, вызванное песней, отпустило нас, и мы дружно зааплодировали. Были наполнены бокалы, и Учитель произнёс тост, который, как показало будущее, оказался пророческим.

— Друзья мои, — начал свой тост Учитель. — Мы здесь собрались с вами по крайне важному, но достаточно редкому поводу — завтра нам выпала честь присутствовать на обряде воссоединения двух, по-настоящему любящих сердец. Вы можете возразить, что, мол, за редкость — свадьба. Сам-то по себе обряд свадьбы, дело не редкое, это верно. Зато, когда соединяются две любви такого масштаба, как у Кувая и

Ниннэль, во истинно большая редкость и удача, которую дарит судьба только тем, кто достоин великой любви – любви, о которой будут слагаться легенды и баллады среди отдалённых наших потомков. Поэтому, это огромная удача присутствовать на воссоединении двух любящих сердец, чья судьба будет прекрасна и трагична, она станет тревожащей мечтой любого, чьё сердце посетит настоящая вселенская любовь, и миллионы юношей и девушек будут ворочаться в своих постелях, ибо мечта о такой любви не даст им спокойно спать. Она, эта любовь заставит настоящих мальчишек стремиться на край света, предпринимать самые невероятные авантюры, писать стихи, плакать по ночам, не понимая причины своих слёз.

Вы скажите, что таким счастливым стоит позавидовать и будете правы. Но это одна сторона медали, но существует и другая. В дополнении к великому счастью вселенской любви прилагается тяжёлая, зачастую трагичная судьба. Нашим же влюблённым предстоит во истинно великая судьба, как по масштабу, так и по своему трагизму. И всё равно, я рад, что завтра это произойдёт, потому, что считаю, что с такой любовью человек сможет преодолеть любые удары судьбы. Давайте выпьем за эту любовь и разойдёмся спать, что бы завтра со свежими головами присутствовать на торжестве вселенской любви.

Все дружно поддержали тост Учителя. После этого мы закончили вечеринку и стали расходиться. Учитель попросил

меня задержаться, и когда все разошлись, налил вина и, протянув мне бокал, заговорил тихим голосом, лицо его при этом было каким-то отсутствующим.

— Кувай, сынок, мне надо с тобой серьёзно поговорить. Боюсь, что потом нам это не удастся, потому что, как только закончатся свадебные торжества, я с Джоном и Марком покину Сегурию. Мы отправимся создавать вотчину для Обсерватории, а это, скажу я тебе, дело непростое и небыстрое. После этого мы вернёмся и займёмся подключением заклития перемещения, а это вообще дело долгое. Вся эта подготовительная работа, как раз и займет пять лет. Так что ты года три можешь спокойно заниматься собственной семьёй, мы без тебя справимся. Постарайся хорошо подготовить Ниннэль. Она девушка бойкая, а боевая драконица очень может пригодиться, но главное, родите себе наследника или наследницу.

Я был удивлён, тем, что Странник откуда-то узнал, что моя возлюбленная драконица. Увидев моё удивление, Учитель мне задорно подмигнул.

— Что, удивлён тем, что я разгадал твою страшную тайну? — спросил он меня со смехом. — Уж, если шила в мешке не утаишь, то драконицу и подавно.

Он заразительно засмеялся, а я всё никак не мог взять в толк, причём здесь какое-то шило, какой-то мешок и уж совсем непонятно, причём здесь моя Ниннэль. Видя моё недоумение, Учитель, закончив смеяться и вытерев выступившие

на глаза слёзы, объяснил мне, что это поговорка из его мира, смысл которой заключается в том, что невозможно скрыть очевидное. Я лишний раз убедился, что скрыть что-либо от людей, которые мне близки, просто невозможно.

Глава 3. Песнь любви дракона

В голове стихи и проза, на душе покой и тишь.
Бесконечная дорога, на которой ты стоишь.
Горы горизонт сломали, ветер за собой зовёт,
И сцепившиеся руками, отправляемся в полёт.

Наш полёт по кромке ветра, опрокинет горизонт,
И раскроется над нами космоса бескрайний зонт.
Звёздный ветер пожелает наши руки расцепить,
И предложит бесконечность нам из вечности испить.

Мы хлебнём с тобой разочек – закружится голова,
И отыщем по дороге позабытые слова.

Время вдруг в спираль свернётся – ты попробуй, разверни.

И смешаются созвездий бесконечные огни.

Небосклон подобен книге – постарайся прочитать.
Только буквы в этой книге нам вовек не сосчитать.
Вдруг распусят над нами в небе звёздные цветы,
И поймёшь, что в этом мире существуешь только ты.

Только так и не иначе сможешь этот путь пройти,

В одиночку, право слово, нам до неба не дойти.
И идти нам бесконечно, чтоб в руке была рука,
И расступятся пред нами и невзгоды, и века.

Звёзды падают на меня или я падаю в скопление звёзд, разве поймёшь когда летишь, пьяный от счастья, да и не хочется ничего понимать. Пусть всё будет, как будет и никак иначе. Ветер свистит в ушах, причём свист этот постоянно меняется от тихого, на грани слышимости, до пронзительного визга, переходящего в грозный рёв. Если начать прислушиваться, то в этих звуках ветра можно почувствовать какую-то странную мелодию, в которой сплетаются в невообразимый клубок радость, что бушует во мне и страх перед новой, такой долгожданной, но всё же пугающей меня ответственностью. Я торопился изо всех сил, хотя какой-то острой необходимости торопиться, в общем-то, не было. Всё это так, но я не мог не спешить и поэтому гнал себя вперёд, не жалея крыльев.

Впервые за последние три года я покинул Сегурию, что бы выполнить просьбу Учителя, который в это время залечивал раны в усадьбе своего и моего друга Джона Мильтона, после очередной своей экспедиции. С ним были, помимо Джона, Марк и Яргуст. Все они сразу же после моей свадьбы покинули Сегурию и с тех пор, а это уже три года, о них не было ни слуху, ни духу. Я уже начал волноваться за друзей, которые отправились в опасное путешествие без меня.

Помню наш разговор, когда мы прощались в Сегурии на холме, где обычно открывался проход. Провожать отряд в дорогу собиралась, наверное, половина населения вотчины, но Странник наотрез отказался от провожатых, заявив, что их провожу только я. Перед нами сиял открытый проход, который, как маленький осколок сошедшей с неба радуги, светился перед нами, приглашая вступить в него. При виде открывшегося прохода, в душе моей проснулась дремавшая до поры жажда приключений и властно позвала меня в дорогу, однако любовь моя к Ниннэль оказалась не менее властной и после недолгой борьбы жажда приключений сдалась и, как побитая собака спряталась где-то в глубинах моей души.

– Мы уходим готовить вотчину для Обсерватории, нужно же где-то поселить твоих родителей, когда с империей Повелителей драконов будет на время покончено, как-никак, а династия не должна прерываться, – с лёгкой грустью заговорил Учитель. – Сколько продлится наш поход – не знаю, но думаю, что никак не меньше трёх лет. Каких-то особых приключений или трудностей я не ожидаю, поэтому мы тебя и не берём с собой. Смотри, сынок, что бы к нашему возвращению я смог подержать на руках твоего сына или дочку, так что не теряй времени даром, потом, судя по всему, его у всех нас может и вовсе не быть. Возьми амулет вызова. Если понадобится я вызову тебя через него.

Сказав это, Учитель, надел мне на шею амулет, крепко обнял меня, затем, забросив за спину свою походную котомку,

и поправив оружие, он, не оглядываясь, шагнул в проход и исчез в радужном сиянии прохода.

После Странника ко мне подошёл Джон. Он тепло улыбнулся и, посоветовав мне не унывать, обнял меня и, взяв свои вещи, пошёл вслед за своим другом и учителем.

Марк, мой старший ангел-хранитель, вынесший в своё время меня из охваченной мятежом столицы, ласково взломатил рукой мои волосы, после чего по-отечески тепло обнял меня и, так, не проронив и слова, молча ушёл в проход.

В отличие от Джона и Марка, Яргуст, ещё один мой друг и хранитель, задержался для разговора со мной, тем более, что теперь мы стали с ним родственниками, всё же дядя моей жены.

– Жду от тебя внука, Кувай, – сказал он в своей привычной для него суровой манере. – Береги Ниннэль и не переживай, что мы уходим без тебя, твоё время ещё впереди.

Он обнял меня и шагнул в проход, который стал медленно гаснуть и вскоре совсем погас – проход закрылся.

Я летел проходом между мирами, и только ветер напевал мне в уши свою мелодию, которая вовсе не мешала мне предаваться воспоминаниям.

Сегодня рано утром дал о себе знать амулет Странника, который представлял собой обычный, невзрачного вида камень, весящий на простом кожаном шнурке. Я только что встал и как раз отправился умываться, когда камень на моей

груди вдруг раскалился до такой степени, что я от неожиданности чуть не вскрикнул. Быстро сняв с шеи амулет и зажав его в ладони правой руки, я настроился на ментальную связь. Контакт произошёл почти мгновенно, перед моим внутренним взором возникла небольшая плохо освещённая комната. В комнате на большой кровати лежал Учитель. Вид его напугал меня. Выглядел он таким больным, о каких говорят – краше в гроб кладут. Голова его была забинтована, глаза лихорадочно блестели, нос заострился, он весь как бы высох. Было видно, что ему здорово досталось.

– Здравствуй, Кувай, мальчик мой, – тихим голосом заговорил Учитель, было видно, что говорить ему очень тяжело. – Ты мне нужен. Мы находимся в имении Джона Милтон-Хаусе. Дело оказалось несколько сложнее, чем я ожидал. Я допустил ошибку и поплатился за это, хорошо хоть, что никто не погиб. Как сможешь быстрее приходи, время пока терпит, но всё же поспеши... -

Связь с ним оборвалась, видимо он потерял сознание. Я был до крайности удручён тем, что мои друзья пострадали и одновременно рад, что все живы. Больше всего меня поразило состояние Учителя. В моих глазах он был настолько силён, что временами казалось, будто он вовсе неуязвим. Уж, если ему так плохо, представляю, с чем они там столкнулись.

Не смотря на то, что мои друзья были ранены, наверняка ранены тяжело, меня всё равно охватила радость, ведь долгие три года от них не было ни слуха, ни духа, и я был рад

от того, что пусть раненные, но всё же живые друзья мои всё-таки дали о себе знать.

Отправиться в путь, для меня было пара пустяков, лишь одно вызывало у меня некоторое напряжение. Жена моя Ниннэль со дня на день должна была родить второго ребёнка, как я надеялся дочку, и оставить её в это время мне было как-то страшно. За маленького Матвея, которому шёл уже второй год, я был спокоен. Он уже ходил и начинал говорить, поэтому в окружении няnek и бабушек, которых у него было целых пять, находился в полной безопасности. А вот, как оставить жену, у которой со дня на день должны начаться роды, я просто не знал.

Проблему разрешила сама Ниннэль. Увидав, что я чем-то озабочен, она быстро, как умела только она, выведала у меня всё. Узнав, что произошло, она с достоинством истинной драконицы заявила мне, что она не кисейная барышня, а жена наследника Повелителей драконов и сама дракон. Что она вполне может родить и без меня, тем более что в этом деле от меня мало толка, а мой долг – мчаться на выручку друзьям и о ней не беспокоиться. Она ласково прижалась ко мне и поцеловала.

– Лети, мой милый, лети не жалея крыльев, – прошептала она мне на ухо. – Когда вернёшься, я встречу тебя с сыном и дочкой. Не бойся за меня, со мной всё будет хорошо, выполняй свой долг. Перед дорогой хорошо поешь. Перед уходом зайди попрощаться.

Она ещё раз поцеловала меня и ушла в свои покои, где по большей части находилась со времени, когда у неё стал заметен живот. Она хорошо знала и тщательно соблюдала древний обычай, по которому беременная женщина, как можно реже показывалась на глаза посторонних людей, поэтому она почти все время оставалась в своих покоях, никого из мужчин, кроме меня, туда не допуская.

Я же быстро собрался, тем более, что идти я решил налегке, не беря с собой даже походной котомки. Из оружия я взял только длинный кинжал, когда двигаться надо быстро, основная надежда на Искусство, а не на оружие, которое только мешает скорости передвижения. Одевшись, я плотно поел и пошёл попрощаться с женой и сыном. Ниннэль ласково обняла меня, поцеловала и, попросив меня быть осторожным, пожелала доброго пути и скорейшего возвращения.

Перед тем как уйти, я зашёл к Азару, где в это время как раз находился Ляргус. Рассказав им в общих чертах о сообщении Странника и попросив их присмотреть за семьёй, я быстрым шагом, почти бегом направился к холму, откуда обычно уходили во внешний мир. Сколько раз уходил и возвращался я этим путём, пожалуй, и не вспомнишь.

Оказавшись в мире империи Повелителей драконов, я сразу же обратился в дракона и взлетел на вершину горы, удивительно напоминающая своими очертаниями на рукотворную пирамиду. Оказавшись на её вершине, я незамедлительно стал открывать проход, но проход не простой, а спе-

циально разработанный мной для экстренных случаев.

Помню в мой первый выход с Азаром, Яргустом и Марком я чуть не погиб, когда мы летели сквозь миры, тоннелем открытым Азаром, для того, что бы успеть во время попасть в Трактир-на-перекрёстке. Тогда я, что бы успеть за Азаром почти, полностью истратил свои жизненные силы, и только усилия моих друзей, поделившихся со мной своей жизненной силой, спасли тогда меня.

Повзрослев, я задался мыслью разработать способ быстрого перемещения между мирами, более безопасный, чем те, которые существовали до этого времени. Довольно долго я делал расчёты и, наконец, мне удалось создать более-менее приемлемый способ для быстрого и безопасного перемещения по Мирозданию. Вот теперь мне представился случай испытать мою разработку.

Принцип её заключался в общих чертах в том, что для открытия прохода выбирается точка, желательно, что бы она находилась на высоте господствующей над окружающей местностью. Проход открывается не в другой мир, а на границу миров, иначе говоря, в междумирье по которому можно двигаться с огромной скоростью, расходуя минимум сил.

На моё счастье, я знал пространственно-временные координаты родного мира Джона Мильтона (в своё время Учитель учил нас вычислять траекторию движения из этого мира в какой-нибудь конкретный мир). Я запомнил координаты мира Джона и даже родного мира Странника. Поэтому

без особых хлопот рассчитал траекторию прямо до усадьбы Джона.

Примерно через полчаса, открытый проход засиял всеми цветами радуги. Не мешкая, я шагнул в проход, на ходу обращаясь в дракона. И вот теперь летел не жалея крыльев и только свист ветра и бешеная пляска звёзд сопровождали мой полёт.

Сколько времени я был в пути, не знаю, время здесь вообще ведёт себя подобно пьяному человеку – никогда не знаешь, какой финт оно выкинет в этот раз. Наконец, я почувствовал, что достиг своей цели и начал тормозить. Вот тут-то началось. Было такое ощущение, словно я попал в руки какого-то великана, который решил поиграть со мной, как с игрушкой. Меня то сжимало, то растягивало, то швыряло из стороны в сторону. Время от времени мне делалось так жарко, что казалось ещё чуть-чуть, и я превращусь в горсть пепла, а иногда я буквально превращался в ледяную сосульку. Самым страшным было то, что мне лишь с большим трудом удавалось сохранять образ дракона. Почему-то какая-то неодолимая сила стремилась вернуть мне человеческий облик, и лишь с помощью крайнего напряжения воли мне удавалось сохранять мой драконий облик.

Меня буквально выкинуло среди каких-то пологих холмов поросших низкорослым цветущим кустарником. Как я позже узнал от Джона, это был вереск. Я с трудом сумел затормозить перед самой землёй и не приземлился, а скорее

плюхнулся на землю подобно разжиревшему домашнему гусаку. Тьфу, какой позор для дракона! Хорошо ещё, что никто не видел, а то стыда не оберёшься. Да, способ конечно, хорош, но вот его окончание требует очень тщательно корректировки.

Я принял свой человеческий облик и устало растянулся на земле, восстанавливая силы. Какое-то время я просто отдыхал, наслаждаясь тёплой погодой и чудесным ароматом, который источал цветущий кустарник. Передохнув, я настроился на Учителя, что бы определить, куда мне идти. Оказалось, что он где-то совсем рядом, возможно даже в том доме, который я заметил, ещё кувыркаясь в воздухе.

Передохнув, я встал и пошёл в сторону, где я заметил большой дом. Пройдя метров двести, я вышел на хорошо утоптанную тропинку и бодро зашагал по ней, благо она вела в нужном мне направлении. Примерно через полчаса, я вышел на вершину невысокого холма, с которого открылся красивый вид на всю округу. Прямо передо мной расстился луг, покрытый изумрудно-зелёной травой, на котором паслась большая отара овец. Чуть дальше раскинулись огороженные изгородью поля, на которых колосились какие-то злаки. Между пастбищем и полями располагалась довольно крупная усадьба – большой каменный дом, крытый черепицей, сложенный из тёмного кирпича, окружённый хозяйственными постройками, который весь зарос высокими раскидистыми, явно очень старыми деревьями. От усадьбы, пе-

ресекая, поля была проложена хорошо наезженная дорога, которая бежала куда-то за горизонт. Сомнений не было – это родовая усадьба Джона Мильтона Милтон-Хаус, где меня ждут мои раненые друзья.

Я прибавил шагу, и спустя полчаса уже звонил в закрытые ворота усадьбы. Сначала никто не отзывался, затем отворилась калитка и какой-то старик, судя по всему привратник, довольно неприветливо спросил, что мне нужно.

– Это усадьба Милтон-Хаус? – со всей возможной вежливостью спросил я.

– Да, сэр, это действительно Милтон-Хаус, вы совершенно правы, по крайней мере, он носит это имя уже последние лет сто, – с достоинством ответил привратник, с брезгливым выражением на лице, которое говорило о том, что хозяину этого лица ужасно надоели все люди, и только его врождённая вежливость и чувство долга не позволяют послать меня подальше. – С кем имею честь говорить?

– Кувай, законный наследник престола империи Повелителей драконов, – представился я полным титулом.

– Так, что же вы, сэр, сразу не сказали, что это вы? – ворчливо сказал привратник. – Мне приказано, что как только вы появитесь, сразу же проводить к хозяину.

Он широко открыл калитку и пригласил меня войти. Как только я вошёл, он закрыл калитку, задвинул засов и, пригласив меня следовать за ним, пошёл к дому. Я последовал за ним, на ходу оглядывая сад, который был перед домом.

Сразу было видно, что здесь хороший садовник – сад был отменно ухожен. Привратник позвонил во входную дверь, которая почти сразу же открылась.

На пороге стоял и улыбался Джон, собственной персоной. Вид у него был, мягко сказать, не очень. На голове его была марлевая повязка, левую руку, по видимому сломанную, он держал у груди на привязи. Сразу было видно, что ему здорово досталось, однако вида он не подавал, а на его, пусть бледном, лице радостная улыбка смешалась с удивлением, видимо он никак не ожидал увидеть меня здесь так быстро.

Я аккуратно обнял его. Душа моя была переполнена радостью встречи с другом, с которым столько вместе пережито.

– Как там Учитель, Марк и Яргуст? – спросил я Джона, когда объятия наши, наконец, разомкнулись.

– Уже лучше, чем было, – ответил Джон. – Заходи ка в дом. Что стоять на пороге? Заходи и сам всё увидишь.

Он широко открыл входную дверь, пропуская меня вперёд. Я вошёл и оказался в довольно просторном холле обставленном без излишней роскоши, но с большим вкусом. Из холла на второй этаж вела широкая дубовая лестница. В холле, не смотря на тёплую погоду, жарко горел камин. Возле камина, кутаясь в шерстяные пледы, все в бинтах, сидели Марк и Яргуст.

Марк сильно осунулся, черты лица его заострились, а в глазах появился какой-то незнакомый блеск. Сразу было видно, что та переделка, в которую угодили мои друзья, мно-

гое в нём изменила, проявив вовне скрытое в нём до поры. Видимо эта пора пришла. Что касается Яргуста, я его смог узнать только, исходя из его роста. Кроме того Учителя я видел при ментальным контакте и знал, что лицо его не пострадало, а тут передо мной сидела мумия вся в бинтах. Видны были только глаза и рот. В отличие от Джона, у Яргуста была сломана правая рука, кроме того у него была сломана правая нога.

Увидев меня, Марк изобразил на своём лице такое изумление, что заподозрить его в лицемерии было просто невозможно. У него буквально отвалилась челюсть, и он какое-то время сидел с открытым ртом.

– Кувай, дружище, откуда ты здесь? – придя в себя, спросил Марк.

– Как это откуда? – теперь уже удивился я. – Учитель вызвал меня по ментальной связи и я, поспешил к вам.

– Этого не может быть, – заявил Марк. – Связь произошла не более часа назад. Я могу это утверждать, потому что лично при этом присутствовал, за какой-то час ты никак не мог добраться сюда.

– Я не знаю, сколько времени прошло с момента связи, но я здесь настоящий, а никакой-то там фантом, – возмутился я. – Просто я воспользовался новым способом быстрого перемещения, но я не знал, что при этом перемещение настолько быстро. А ты, что, посчитал меня за шпиона Серой империи? Создаётся впечатление, что мне здесь не рады. Ес-

ли так, я могу удалиться, только повидая Учителя.

– Ну, что ты, Кувай, – замахал здоровой рукой Марк. – Мы, конечно, рады тебе, и никто тебя не считает шпионом. Просто ты появился, как снег на голову. Как только появится возможность, обязательно поделишься с нами своим новым способом.

– Обязательно, только сначала доведу его до ума, а то он на выходе даёт сбой, – со смехом сказал я. – Теперь же я хочу повидаться с Учителем.

– Нет ничего проще, – ответил мне Джон. – Если ты не против, я тебя провожу. И вовсе не на правах хозяина, вовсе нет. Просто я во всей нашей компании самый подвижный.

Джон всегда отличался чувством юмора и мог шутить по любому поводу. Я не стал спрашивать о самочувствии друзей, но вовсе не из-за моей чёрствости. Просто все они были личностями, причём сильными личностями, поэтому спрашивать их о самочувствии считалось дурным тоном. Если захотят, сами расскажут, самое главное, что все они живы, а остальное приложится.

В сопровождении Джона я поднялся на второй этаж и, пройдя по коридору, вошёл в комнату, которую я видел при сеансе связи с Учителем.

Оказалось, что Учитель не спит. Он почувствовал меня в тот момент, когда я, кувыркаясь, влетел в этот мир и теперь с нетерпением ждал моего прихода. Он уже не лежал, а сидел на кровати. Увидев меня, он улыбнулся так, как умел только

он и, встав на ноги, шагнул ко мне. Я, видя его слабость, поспешил на встречу и мы крепко обнялись, причём я делал это осторожно, опасаясь нанести вред раненому, он же обнял меня так же крепко как всегда, словно был вовсе не ранен.

– Ну, ка, сынок, потрудись ответить, как тебе удалось так быстро очутиться здесь? – со своей привычной, несколько ворчливой интонацией, спросил Странник. – Что ты там ещё изобрёл? Ну, не томи, рассказывай.

Когда Учитель говорил так, ему невозможно было отказать, хотя, впрочем, отказать ему в чём-либо было практически невозможно, и когда он говорил по-другому. Я в общих чертах рассказал ему принцип скоростного перемещения по мирам, который его очень заинтересовал. Он даже дал несколько очень дельных советов, как снизить неприятности, которые я пережил на входе в этот мир.

– Ты, я вижу, времени даром не терял, – судя по всему, переходя к главному разговору, заговорил Учитель. – Расскажи, что у тебя на семейном фронте.

Я рассказал Учителю о том, что у меня теперь сын Матвей, который уже ходит и начал говорить, а Ниннэль ожидает второго ребёнка. Мы думаем, что будет дочь.

– Я же говорю, что ты времени даром не терял, – с улыбкой сказал Странник. – Тем более, дела обстоят так, что времени для спокойной семейной жизни почти не осталось. Пойми, мой мальчик, я ведь тебя вызвал вовсе не для того, что бы ты нас лечил, с этим мы бы справились и сами. Дело в

том, что Серая империя показала зубы, и теперь всё зависит, кто успеет – они, нанести свой удар по империи Повелителей драконов, считай по Обсерватории, или мы будем полностью готовы к переносу Обсерватории.

Он замолчал, углубившись в свои мысли. Я же спокойно ждал продолжения, внутренне готовый ко всему.

– Мы приготовили пространство, куда будет перемещена Обсерватория, – стал рассказывать Странник. – За основу был взят один из миров, граничащих с Серой империи, полностью лишённый этой империей жизни. Говоря проще, от мира осталось только пустое пространство. Конечно, весь этот мир нам был без надобности, поэтому я решил ограничиться небольшим фрагментом, изолировав его от остального пространства мира, иными словами, создать вотчину наподобие Сегурии. После того, как я и Джон показали силу серым всадникам, они словно исчезли, по крайней мере, пока мы искали подходящий мир вблизи границ Серой империи, мы не встретили ни одного их отряда. Вот этот-то и сослужило нам дурную службу, мы расслабились, и производили свою работу, почти не таясь, словно никакой Серой империи не было вообще. Серые оказались хитрей. Они очень осторожно, никак себя не проявляя, всё время наблюдали за нами. Мало того, они ещё готовили по нам сокрушительный удар, незаметно подтянув серых всадников и собрав множество магов. Мы же, ничего не подозревая работали в будущей вотчине. Дел оказалось очень много, поэтому мы

провозились практически три года, и, наконец, всё закончив, вышли из вотчины. Осталось только заклятием запечатать вход, что бы никто, кроме Обсерватории, не смог туда проникнуть.

Он сделал паузу, что бы передохнуть и дать мне время усвоить услышанное. Дальше мне всё было ясно. На месте серых я бы тоже устроил засаду у входа, потому что при переходе любой становится очень уязвимым.

– Не буду вдаваться в подробности, – продолжил свой рассказ Странник. – У выхода нас ждали. Удар был молниеносный, хорошо ещё, что все вы прошли неплохую подготовку, иначе всем нам настал бы конец. Спасла нас в очередной раз Древняя сила и если бы я по выходу не был бы занят наложением заклятия на вход в вотчину, последствия удара были бы легче. Нас спас Яргуст, который вышел из вотчины первым и сразу же обратился в дракона. Когда серые ударили, он принял основной удар на себя и тем самым смягчил последствия для всех остальных. На наше счастье драконы очень устойчивы к магическим ударам, поэтому Яргуст выжил, хотя, что бы привести его в сознание, стоило всем нам огромного труда. Я, на счастье успел запечатать вотчину и, теряя сознание, нанести сокрушительный ответный удар, который буквально испепелил наших врагов, по крайней мере, они нам больше не докучали. После этого было уже не интересно. С большим трудом мы вернули к жизни нашего героического дракона, в результате чего, я потерял сознание и пришёл в себя уже

здесь в Мильтон-Хаузе. Джон и Марк, как наименее пострадавшие, притащили нас сюда, потому что до Сегурии им было нас не дотащить. Сам удивляюсь, как это им удалось. Ну, вот вроде и всё о наших приключениях.

Прежде, чем перейти к изложению цели моего вызова, он сделал паузу, что бы собраться с силами. Я видел, насколько он слаб, и как тяжело ему говорить, поэтому терпеливо ждал, когда он сможет продолжить разговор.

– Теперь, Кувай, слушай меня внимательно, – наконец продолжил разговор Учитель. – Слушай и запоминай, речь пойдёт о твоей задаче, которую ты должен будешь выполнить и ради чего я призвал тебя сюда. Сейчас я передам тебе запирающее вотчину заклятие, которое ты должен будешь передать напрямую Обсерватории. Хорошенько запомни – только непосредственно самой Обсерватории и никак иначе. Как только Обсерватория получит ключи от вотчины, всё будет готово к переносу и в случае реального нападения Серой империи, тебе останется только включить заклятие переноса и Обсерватория станет недосыгаема для серых. Поэтому, как только покушаешь и отдохнёшь, если это необходимо, не медля отправляйся в столицу, и будет неплохо, если ты воспользуешься своим новым способом. В любом случае, нужно успеть опередить серых, хотя получив хорошую трёпку, они вряд ли прямо сейчас нападут на империю Повелителей драконов. Однако расслабляться никак нельзя, это наказуемо, как ты уже убедился на нашем примере. Вот, кажется и

всё, что я хотел тебе сказать. За нас не беспокойся, как только Яргусту станет лучше, мы отправимся в Сегурию, тем более у меня есть серьёзный разговор к Ляргусу и Азару. Отправляйся, сынок, я верь в тебя.

Он с усилием обнял меня и тяжело опустился на кровать, он был полностью вымотан. Пока мы с Учителем разговаривали, Джон распорядился об обеде и, спустившись в холл, я обнаружил там богато накрытый стол, за которым меня ожидали Джон и Марк. Яргуст же так и сидел на том же месте, где я его впервые увидел. При виде меня, он приветливо кивнул – вот и всё, что он сейчас мог.

Я обед решил совместить с отдыхом, поэтому застолье затянулось часа на два. После обеда я попрощался с друзьями и покинул Мильтон-Хаус, с твёрдым намерением когда-нибудь, при более благоприятных условиях, побывать здесь.

Ночь перед свадьбой я провёл как в бреду. После мальчишника, я направился в свою комнату с твёрдым намерением хорошо выспаться, но не тут-то было. Когда я шёл к себе, глаза мои прямо слипались – так хотелось спать, а стоило лечь в постель и они широко раскрылись, да так, что я никак не мог заставить их закрыться. Поэтому, помаявшись примерно час, я отказался от мысли уснуть и решил просто поваляться в постели, хотя бы для того, что бы отдохнуло тело, если уж голова отдыхать не желает.

Как-то незаметно для самого себя, я начал анализировать своё душевное состояние, которое в тот момент представляла собой какой-то винегрет из различных, порой прямо противоположных чувств, которые, при обычных условиях, одновременно присутствовать в одном человеке просто не могут. Это меня так заинтересовало, что я занялся настоящим психоанализом, хотя всегда к этому относился скептически. И так, что же со мной происходит? Недавно мы вернулись из столицы империи Повелителей драконов, где мне удалось встретиться с отцом, которого я никогда до этого не видел. Кроме того, Учителю удалось раскрыть грандиозный заговор Серой империи против нашего мира. Всё это, конечно, вызывало во мне определённые чувства, но они не шли ни в какое сравнение с той лавиной чувств и переживаний, что обруши-

ла на меня любовь к Ниннэль. Они, эти чувства, захватили меня, подобно бешеному течению горной реки и поволокли куда-то, куда известно только самой реке. Меня швыряло из стороны в сторону, переворачивало через голову, кружило на месте и лишь для того, что бы спустя мгновение, потащить дальше. Я всегда считал себя волевым человеком и никогда не позволял кому-либо манипулировать мной, а тут, стоит увидеть Ниннэль, и я превращаюсь в некое безвольное существо, готовое за один только ласковый взгляд или улыбку, сделать, что угодно, лишь бы возлюбленная моя была мной довольна.

Я провёл всю свою сознательную жизнь среди мужчин, которые, если когда-то и любили, то по этому поводу никогда не распространялись, поэтому опыта, как вести себя, когда влюблён, я не имел совершенно. Я прекрасно понимал, что со стороны моё поведение было, мягко сказать, не очень разумно, а проще я вёл себя как законченный идиот, что очень меня напрягало. По этому поводу я даже пытался разговаривать с моими друзьями, но они отнеслись к этому крайне несерьёзно и только смеялись. Некоторую ясность внёс только Учитель, сказав, что все влюблённые чаще всего ведут себя, как дураки и подобно остальным, весело рассмеялся. Отсмеявшись, он сказал, что когда человек влюбляется, он действительно на какое-то время теряет возможность адекватно воспринимать реальность. Если это чувство настоящее, то такое состояние скоро проходит и остаётся только одно

желание – как можно чаще видеть предмет своего обожания, просто смотреть на него, слушать его голос исполнять его желания. Позже, если эта любовь завершается браком, эти чувства сменяются более глубокими и при этом более спокойными, в общем, женишься – сам узнаешь.

Вспомнив слова Учителя, я определил состояние моих чувств, как вторую стадию по классификации Учителя. Хотел ли я, что бы нынешние мои чувства сменились на более спокойные? Не знаю. С одной стороны я уже изрядно устал от этого буйства чувств, а с другой стороны мне было жалко с ними расставаться.

И так, я выделил две группы чувств, имеющие разные источники или причины своего происхождения. Первая группа, в которой присутствовала радость, того, что наконец-то я понял истинное положение дел связанных напрямую с моим рождением и тем самым с моей судьбой. К этой радости примешивалась злость и желание отомстить Серой империи за мою, во многом исковерканную судьбу. К этому чувству примыкало, несколько гася горечь злости, жалость или скорее сожаление по поводу того, что я с самого рождения не знал материнской любви, не знал отца, и плюс ко всему всю свою сознательную жизнь почитал их злодеями.

Нет, пожалуйста, не подумайте, что я считал себя в чём-то ущемлённым или обиженным. Вовсе нет. Наоборот, я считал себя вполне успешным счастливым человеком, в отличие от очень многих, хорошо знающим то, что я хочу и способным

достигать своей цели. Жизнь моя, полная интереснейших, порой опасных приключений была, настолько захватывающе интересна, настолько мне нравилась, что мои взаимоотношения с родителями отступали куда-то на последнее место. Кроме того, лишённый с самого рождения родительской любви, я вовсе не испытывал в ней недостатка. Родительскую любовь мне с успехом заменила любовь тех, кто был со мной с моего первого вздоха в этом мире. Кто, зачастую с риском для собственной жизни, спасал меня, вынося из объятий мятежом столицы, кому хватило и до сих пор хватает терпения выносить мой нелёгкий нрав и терпеливо учить всему, что в будущем поможет мне исполнить свою судьбу. Так что обделённым я себя никак не считал.

Вторую группу чувств, самую обширную, где господствовали крайности, представляли чувства либо порождённые, либо так или иначе связанные с моей любовью. В этой группе обитали такие персонажи, как абсолютное обожание, и дикая ревность, всё сжигающая страсть и какая-то, совершенно не свойственная мне нерешительность. Все они пребывали в постоянном движении, внося в моё внутреннее состояние подлинный хаос.

Разделив свои чувства на две группы, я вдруг с удивлением обнаружил, что осталась ещё одна, пусть не такая многочисленная, как две предыдущие, группа, чувства в которой, как-то неприкаянно сбились в кучку, не зная к какой группе им примкнуть. Мне стало жалко их, поэтому я создал

для них отдельную, третью группу, в которую вошли чувство долга, чувство неизбежности, чувство разлуки и, ещё только зарождающиеся чувства понимания правоты всего, что со мной происходит и чувство прощения всех за тот вред, который они нанесли мне. Не знаю почему, но я твёрдо знал, что придёт время, и эта третья группа моих чувств будет главенствовать в душе моей, потеснив на второй план даже чувство любви, которое к тому времени станет по-настоящему взрослым и великодушно уступит своё первенство, но никогда не оставит меня.

Я так увлёкся разборкой с собственными чувствами, что даже не заметил, как уснул. Я увидел Ниннэль, но не нынешнюю юною девушку, почти девочку, а вполне взрослую молодую женщину, которая стояла на холме и махала мне рукой, явно прощаясь. Рядом с ней стояли мальчик лет пяти и девочка лет трёх, не более, а на руках она держала ещё одного ребёнка мальчика, которому не было ещё и года. Это зрелище моей семьи, провожающей меня в какой-то поход, подобно фотографии отпечатался в моей памяти, и поселило в душе моей, не скажу, что новое, но до этого времени мало востребованное мной, чувство моей нужности. Отныне я буду жить с твёрдой уверенностью в то, что, куда бы ни бросала меня судьба моя, что бы со мной не случилось, я буду знать и помнить, что где-то безмерно далеко, и в пространстве, и во времени есть четыре души, ближе и роднее которых у меня нет, и вряд ли когда будет. Я так же свято верил, что где бы

я ни был, я буду знать, что я нужен этим четверым вовсе не за то, что я могу им что-нибудь дать, а просто потому, что я просто живу вот такой, какой есть.

Я повернулся спиной к семье и шагнул в проход, что ярко сиял передо мной всеми цветами радуги и куда уже скрылись мои товарищи. В этот момент меня разбудили.

Разбудил меня, причём довольно бесцеремонно, мой друг Минг, разодетый, как говорится, в пух и прах. Происходило это так. Сначала, ещё находясь во сне, я услышал дикое рычание и посчитал, что на моих друзей по ту сторону прохода совершено нападение. Я хотел рвануться к ним, но тонкая ткань реальности сна уже начинала расползаться, возвращая меня к реальности бодрствования.

Просыпаясь, я не спешил сразу же открывать глаза, стараясь продлить те чудесные чувства, что подарил мне чудесный сон. Теперь я уже был твёрдо уверен, что Ниннэль подарит мне, по крайней мере, троих детей, и это знание вызвало во мне смешанное чувство умиления и гордости. К этим чувствам добавилась радость, когда возвращающееся ко мне сознание бодрствования, напомнило, что сегодня моя свадьба с Ниннэль. Ну, как тут не постараться продлить удовольствие? Вот я и старался, лёжа с закрытыми глазами и делая вид, что всё происходящее в комнате меня ни в коей мере не касается, хотя, конечно, прекрасно зная своего друга, понимал, что долго мне не продержаться.

– Ты посмотри на этого лентяя, – кому-то говорил демон,

голос которого спутать с кем-либо было просто невозможно. – А ещё дракон. Сегодня у него свадьба, все сбились с ног, готовя торжество, а он знай себе, дрыхнет и, судя по всему, если его не разбудить, Ниннэль так и останется в девках.

Он снова дико зарычал, что означает у демонов, как вы, наверное, помните, весёлый смех.

– Надо полагать, друг Минг, он вчера несколько перебрал водочки и теперь, что бы прийти в приличное состояние, ему просто необходимо выпить рюмочку, – услышал я голос, который явно принадлежал Джону. – Я специально прихватил с собой бутылочку, что бы привести его в норму.

– Вот-вот, подлечим его, а заодно и сами подлечимся, – согласился с Джоном демон.

Я услышал звук разливаемой по стаканам жидкости и понял, что отвертеться больше не получится, а то здесь прямо сейчас начнётся самая настоящая пьянка, в которой Джон и Минг были большие специалисты. Я всегда поражался, как много они могли выпить, сохраняя при этом ясность ума и твёрдость походки.

Пришлось открыть глаза. Я прекрасно понимал, что сегодня день моей свадьбы, а значит всё, что будет сегодня происходить, будет являться частью свадебного обряда, в том числе и вот эта намечающаяся утренняя пьянка моих друзей.

В обряд бракосочетания входило много обычаев, в том числе и такой, при котором ближайшие друзья жениха всячески отговаривают его от женитьбы, рассказывая, как хороша

свободная жизнь холостяка, соблазняют его выпивкой, предлагают познакомиться его с другими девушками, которые, по словам друзей, гораздо лучше избранницы жениха. Смысл этого обряда заключался в том, что бы проверить твёрдость намерений жениха. Я знал, что такие же испытания сейчас проходит и Ниннэль, однако был абсолютно уверен в ней. Надеюсь, что и она так же уверена во мне.

Первым моим желанием было – изгнать выпивох из комнаты и приступить к утренним процедурам, но не тут-то было. Согласно обычаю, грубость со стороны жениха считалась недопустимой, а вот искусителям разрешалось многое и они с удовольствием этим пользовались. Когда я наотрез отказался пить с ними, а жениху и невесте за весь день не полагалось ни есть, ни пить ничего кроме воды, они начали смеяться, каждый на свой манер, подняв при этом невообразимый шум.

На шум, как осы на мёд, в комнату мою буквально ввалились Яргуст и Марк, которые с энтузиазмом подключились к веселью Джона и Минга. В комнате стало тесно, так что одеваться мне пришлось под градом насмешек, многие из которых заставили бы покраснеть даже каменную статую. Кое-как одевшись и приведя себя в порядок, я отправился к Учителю в надежде, что он уже проснулся, пожелав веселящимся друзьям поберечь силы для свадебного застолья. На это они мне дружно спели цитату из песни, которую, подвыпив, любил петь Учитель и которую все мы выучили наизусть –

«...нас на бабу променял...».

Спустившись на первый этаж, я осторожно постучал в дверь комнаты, в который обитал Странник в промежутках между походами. Мне хотелось с ним поговорить, пока свадебная кутерьма не захватила всех нас, тогда уж ни о каком серьёзном разговоре и речи не будет. Поговорить я хотел по поводу одного моего сомнения, или, если уж быть до конца честным, страха, который, подобно отравленной стрелы, поразил меня в тот момент, когда я хотел выпроводить из комнаты друзей. Суть этого страха сводилась к тому, что я вдруг испугался – имею ли я право связывать мою судьбу, которая, если сказать честно, впереди была, мягко сказать, нелёгкая. Не совершу ли я подлость, втянув ту, которую я люблю в орбиту моей судьбы?

На моё счастье Учитель уже проснулся. На мой осторожный стук из-за двери раздалось ворчливое – входи. Я толкнул дверь и вошёл в комнату. Учитель сидел за столом и что-то писал. При моём появлении, он отложил рукопись, повернулся ко мне и улыбнулся.

– Доброе утро, сынок, – поздоровался он. – Какая нужда привела тебя ко мне в столь ранний час? Да, ты не стой у двери, проходи, присаживайся.

Я тоже поздоровался с ним и, подойдя к столу, занял предложенный Учителем стул. На какое-то время я задумался над вопросом, как мне лучше сформулировать цель моего посещения. Подумать было о чём – Учитель очень не любил

вопросов, которые спрашивающий не мог правильно сформулировать. Видя мои затруднения, Учитель пришёл мне на помощь.

– Ну, мой мальчик, говори, что тебя так взволновало в такой важный для тебя день? – с улыбкой, но в тоже время очень серьёзно спросил Странник. – Неужели тебя взволновал вопрос – имеешь ли ты право, в связи с твоей предстоящей судьбой, связывать свою жизнь с Ниннэль?

Он словно читал мои мысли (с него станется), настолько точно он сформулировал мой вопрос. Во мне словно прорвало какую-то сдерживающую чувства плотину и они, подобно горной лавины обрушились на Странника, грозя его погresti под собой. Но не тут-то было – Учитель был крепким орешком, и погребсти его под чем-либо было, ой как не просто. Когда я выложил перед Странником все свои сомнения, и, что греха таить, страхи, он очень серьёзно меня выслушал, затем на пару минут задумался и заговорил. Голос его, в котором явственно слышалась грусть по давно прошедшему, был тих, но в нём было столько силы и уверенности, что не услышать его было просто невозможно.

– Кувай, мальчик мой, – заговорил Учитель. – Ты вырос настоящим мужчиной и человеком, иначе ты не задал бы мне своего вопроса. Умение взять на себя ответственность не только за себя, но и за других, причём ответственность реальную, а отнюдь не формальную является главным показателем состоятельности мужчины и человека. Я рад за тебя, за

то, что, не смотря на свою молодость, ты уже состоялся, как мужчина, способный взять на себя ответственность за судьбу доверившейся тебе женщины, будущих детей. Ты мужчина, который готов встать на защиту не только себя и своих близких, но и всего Мироздания, что суждено тебе судьбой, а если так случиться, пожертвовать ради этого своей жизнью.

Он замолчал, видимо собираясь с мыслями. Я же находился в каком-то странном раздвоенном состоянии. С одной стороны, мне была лестна оценка, которую мне дал Учитель, а с другой, я ощущал какое-то стеснение, словно похвала, которая прозвучала в оценке меня, была незаслуженно мной присвоена. Я её определил, как некий аванс, данный мне Учителем на будущее.

– Как тебе поступить? Тебе и только тебе это решать, – продолжил Странник. – Но, прежде, чем решать, ты должен знать, что твоя любовь, это великий дар, данный тебе Творцом, как некая компенсация за ту великую и страшную судьбу, что ждёт тебя, мой мальчик. Ещё ты должен знать, что ты не оставлен один на один со своей судьбой, которую в одиночку никто не сможет вынести, столь велика её тяжесть и так много от её реализации зависит. Поэтому ты с самого рождения окружён людьми, которые любят тебя, каждый из которых готов взять, и берёт на себя свою часть груза, лежащего на твоих плечах по мере своих сил. Ты посмотри – твои родители, Азар и Ляргус, Яргуст, Джон и Марк, Минг, Грымз и Беннет, старина Глюд, ну и я, в меру своих сил, каждый по-

своему помогает нести тебе твою ношу. Добавь к этому ещё множество совершенно незнакомых тебе людей, демонов и других существ, о которых ты даже никогда и не слышал, да и, скорее всего, никогда и не услышишь. Вот и получается, что твоя судьба – это общая судьба Мироздания, просто ты выбран тем знаменосцем, который несёт своё знамя на острие атаки и, пожалуй, больше других рискует погибнуть.

Он опять замолчал, давая мне время осознать услышанное, а осознать было что. Учитель заставил меня взглянуть на судьбу мою с совершенно непривычной для меня стороны. Если раньше я считал себя, избранником судьбы, чуть ли ни миссией, то теперь увидел себя рядовым огромной армии, противостоящей наступлению Серой империи, правда рядовым, которому вручено знамя и приказано идти впереди. И эта привилегия, цена которой возможность погибнуть первым, единственное, что отличает меня от других.

– Ты, я гляжу, кое-что понял, – с грустью сказал Учитель. – А раз так, какое право ты имеешь отказать той, что готова подставить, и уже подставила своё плечо под общий груз, который ты присвоил себе? Я ответил на твой вопрос, а дальше решай сам. Впрочем, мы с тобой заговорились. Сейчас ко мне придут, да и тебе пора одеваться. Ты ещё не передумал жениться? – закончил он со смехом наш разговор.

Когда я встал, что бы уйти, он остановил меня, сказав, что одеваться для свадебного обряда я буду здесь. Я удивился, но расспрашивать его не стал, а лишь, пожав плечами, уселся

на свой стул.

Некоторое время мы посидели молча. Вдруг раздался стук в дверь, и Учитель предложил стучавшему войти. Дверь открылась, и на пороге оказался Крон, собственной персоной. Он принёс с собой какой-то объёмистый сверток, который он, войдя в комнату, аккуратно положил на стол, заблаговременно освобождённый Странником.

Мы тепло поздоровались. Крон после нашей последней встречи практически не изменился, если не считать, что он был одет в роскошный камзол и при парадной шпаге, это никак не вязалось с его привычным для меня обликом толи воина, толи бандита.

– Ты, я вижу, уже оделся для обряда бракосочетания, – сказал Учитель, обращаясь к Крону. – Прекрасно. Значит и нам пора.

Он встал, и, подойдя ко мне, протянул какой-то свёрток.

– Иди к себе и переоденься в это. Потом опять приходи сюда, – сказал он мне. – Долго там не задерживайся.

Я не стал задавать никаких вопросов. Зачем? Я целиком доверял учителю и привык не задавать лишних вопросов, если знал, что скоро и так сам всё узнаю.

Быстро пройдя в свою комнату, я обнаружил, что весёлая компания уже покинула её. Поэтому я не стал тратить время. Развернув свёрток, который мне подал Странник, я обнаружил в нём холщёвую рубаху без ворота, сшитые из того же материала штаны. К ним прилагались брюки, сшитые из

кожи грубой выделки и куртка из того же материала, такие обычно надевают под доспехи. Я быстро оделся, вся одежда оказалась пошита точно на меня, и отправился в комнату Учителя.

В комнате я застал целую компанию. Пока я переодевался, к Учителю и Крону присоединились Ляргус и Азар, все они мирно о чём-то беседовали, потягивая вино. Увидев меня, они оживились и наперебой стали предлагать мне выпить и хорошенько ещё раз подумать, стоит ли мне жениться и тем самым потерять свою свободу.

Я твёрдо отказался, как от предложения выпить, так и от предложения отказаться от женитьбы, прекрасно понимая, что всё это всего лишь часть свадебного обряда. Видя моё упорство, они выпили ещё по одной и Ляргус, встав, торжественно произнёс:

– Дорогой наш Кувай, – с чувством говорил старый жрец. – Нам четверым судьбой предназначено было наблюдать и принимать самое непосредственное участие в твоей жизни. Ты рос на наших глазах, и каждый из нас внёс свою лепту в то, что бы ты мог стать тем, чем ты стал. Сегодня ты окончательно становишься взрослым, ибо мужчина только тогда становится по-настоящему взрослым, когда способен взять на себя ответственность за свою будущую семью. Позволь нам совершить обряд одевания тебя, для свершения брачного обряда.

Я был несколько ошарашен. Сказать по правде, я не

очень-то хорошо знал обряды и обычаи, связанные со свадьбой, поэтому лишь в очередной раз пожал плечами и согласился с тем, что бы меня одели. Чем-то это напоминало мне обряд признания меня наследником престола Повелителей драконов.

Крон не спеша распаковывал свёрток, который он принёс с собой. В свёртке оказались парадные доспехи, которые буквально сияли позолотой. Я удивился – откуда такая роскошь, но очень скоро я всё узнал.

– Эти доспехи дарит тебе по случаю мой Повелитель и твой отец. Он от всей души поздравляет тебя и считает, что девушка из рода Белого облака является достойной для того, что бы породниться с родом Повелителей драконов. Род Белого облака является одним из древнейших и благороднейших родов империи, ничем не уступает роду Повелителей драконов. Он желает тебе и твоей будущей жене любви и много детишек. Так же он приказал мне выразить своё сожаление, что не сможет лично присутствовать на вашей свадьбе, – торжественно объяснил причину появления доспехов Крон.

Я мысленно поблагодарил отца за то, что он с огромным риском всё же смог послать мне весточку в виде такого роскошного подарка. Я вообще-то никогда не носил доспехов, да и к оружию, после долгого общения с Азаром и Странником, я теперь относился прохладно, однако, помимо того, что доспехи были подарком отца, они действительно были

великолепны. Покрытые тонкой гравировкой и достаточно толстым слоем червонного золота, они представляли собой настоящее произведение искусства.

Пока я занимался своими мыслями, Крон и Азар довольно ловко, видимо у них уже был определённый опыт, облачили меня в доспехи. Я сразу почувствовал, всю их тяжесть, к которой я совершенно не был привычным, в отличие, например, от Яргуста, который так любил носить доспехи, что, пожалуй, был способен в них даже спать.

Одевание доспехов заняло никак не меньше двадцати минут, которые мне показались целой вечностью. Завершил моё одевание парадный меч на расшитой золотой нитью перевязи и шлем в форме головы дракона, украшенный роскошным плюмажем из перьев какой-то экзотической птицы. Шлем я держал на сгибе правой руки. Сделав несколько шагов по комнате, я понял, что, хотя и с трудом, но ходить в таком наряде я всё-таки могу, а вот танцевать, это вряд ли.

– Потерпи, Кувай, – ободрил меня Ляргус. – В этом наряде ты будешь только на обряде венчания, а на свадебный обед наденешь, что-нибудь полегче.

Надев на меня кучу позолоченного железа, пусть даже такого красивого, но всё же железа, старейшины, впив по бокалу вина и отпуская в мой адрес достаточно двусмысленные шуточки, они отправились одевать праздничные одежды. Я остался стоять, как статуя, потому что сесть на стул я решительно не мог – не было опыта, а экспериментировать как-то

не хотелось – не хватало ещё упасть. Ушибиться я, конечно, не боялся – трудно ушибиться в доспехах, а вот если меня застанут валяющимся на полу, подобно перевёрнутой черепахе, было бы, на мой взгляд, верхом позора. Я представил, как будут смеяться вернувшиеся старейшины и, что бы ни доставить им такой возможности, предпочёл дожидаться их стоя.

Они вернулись примерно через полчаса разодетые в пух и прах, так, что их с первого взгляда было трудно узнать. Азар облачился в свою парадную одежду красного цвета. На груди его висел амулет – знак владельца вотчины. Ляргус поверх праздничной одежды надел плащ и знак Верховного жреца империи – ему предстояло провести обряд заключения брачного союза. Странник, не мудрствуя лукаво, надел ту же одежду, в которой был на моей коронации в качестве наследника престола. Крон, одетый в богато расшитый камзол тёмно синего цвета, при парадной шпаге, выглядел как истинный царедворец. Он так сильно отличался от привычного для меня жителя подземелий, что встретить я его где-нибудь на улице – нипочём бы не узнал. Как потом оказалось, он происходил из очень древней, но обедневшей семьи и носил титул графа.

Войдя в комнату и застав меня стоящим подобно статуи рыцаря, вся компания разразилась громким смехом, который время от времени прерывался насмешливыми репликами в мой адрес. Реплики сводились к тому, что я совершенно

никудышный жених, если торчу как столб и боюсь посидеть с ними. Каждая реплика сопровождалась новыми взрывами смеха.

Я держался из последних сил, что бы ни поддаться на подначки и не попытаться сесть. Ещё не хватает свалиться у них на глазах. Тогда они своими насмешками меня со свету сживут. Нет, этой радости я им не доставлю, не дождутся.

Пришли Джон, Марк и с ними в невероятно пышном наряде, пришёл Минг, который был моим дружкой на свадьбе. Увидев меня в доспехах, все трое сначала на минуту остолбенели, затем дружно захохотали, причём, рычание Минга было столь громким, что вполне могло поднять от вечного сна небольшое сельское кладбище. Отсмеявшись, они наперебой стали изгаляться по поводу моего наряда, моего глупого выражения лица, да мало ли ещё к чему, они способны были докопаться. К ним присоединились и старейшины. Они испытывали моё терпение около часа, я же терпеливо всё это сносил, памятуя, что всё это старинный свадебный обряд.

Когда-то, когда я ещё был ребёнком, я спросил у бабушки Азара, почему люди так упорно следуют различным обычаям и обрядам, хотя зачастую в них нет, на мой взгляд, никакого смысла? На это дед, на минуту задумавшись, ответил так, что я запомнил, как мне кажется, на всю жизнь.

– Запомни, сынок, – с печалью в голосе стал отвечать на мой вопрос дед. – Обычаи любого народа появились в глубокой древности, когда наши предки только стали ощущать

себя народом. Их было мало, а вокруг окружали враждебные племена и зачастую, что бы выжить, приходилось совершать определённые действия, которые сейчас, когда мы живём в совершенно других условиях, нам кажется, что в обычаях предков нет смысла. Но это только при поверхностном взгляде на старинные обычаи. Не будешь же ты считать, что наши предки придумали все эти обычаи просто так, от нечего делать. Или не думаешь ли ты, что наши предки, как бы это помягче сказать, были не совсем разумны? Запомни, сынок, что уважение к себе начинается с уважения к предкам и вообще к старшим. И ещё, пренебрежительное отношение к наследию предков, говорит о неуважении к самому себе. Уважение к предкам нас всех объединяет в единый народ, помимо языка и крови, почтение к предкам, которое заключается, в том числе, и в соблюдении старинных обычаев и обрядов. Как только начнёшь не соблюдать обычаи, потеряешь единство со своим народом и незаметно станешь отщепенцем без рода и племени, а значит, обретёшь себя на одиночество и бесславную гибель.

Слова деда глубоко запали в мою душу, и это помогало мне выдержать насмешки, зачастую достаточно неприятные, друзей. Знание того, что это всего лишь обряд, придавало мне силы всё это выдерживать. Кроме того, сейчас мне стал понятен смысл этого обычая, как и обряда одевания жениха – это всё является своеобразной проверкой твёрдости намерений жениха и невесты. Действительно, если чувства между

ними достаточно сильны, они выдержат любые испытания и, значит, достойны друг друга. Вот и я хотел быть достойным моей Ниннэль, лишь было её немного жалко — она сейчас проходила те же испытания, что и я.

Наконец, подошло время совершения бракосочетания, и мои друзья сразу же стали серьёзными. Всё, испытание окончено и, судя по всему, я его выдержал. Минг взял меня за локоть правой руки, а Марк левой и мы медленно пошли к выходу во двор терема Азара. Ляргус, Азар, Странник и Джон следовали за нами.

Во дворе уже всё было готово к торжеству. Парусиновые навесы украшали гирлянды цветов, столы накрыты, гости собрались. Как только мы вышли на крыльцо, грянула музыка. От крыльца была расстелена белая полотняная дорожка, которая вела к невысокому дощатому помосту, так же покрытому полотном. На этом помосте и будет совершён Ляргусом, как Верховным жрецом империи Повелителей драконов, обряд бракосочетания. Белое полотно символизировало чистоту помыслов, вступающих в брак. Поэтому на полотно могли вступить только я, Ниннэль и Ляргус. На восток от помоста пролегла ещё одна полотняная дорожка, приготовленная для невесты.

Я вступил на полотно, и осторожно ступая, что бы, не дай Бог, не оступиться, направился к помосту, где уже находился Ляргус в своём жреческом одеянии. Вдоль дорожек и вокруг помоста стояла одетая в праздничные одежды толпа людей.

Кажется, здесь собралось всё население Сегурии, от мала до велика. Все кричали, поздравляя меня и Ниннэль, бросали под ноги цветы, смеялись. Я шагал сквозь коридор из людей как автомат, тупо переставляя ноги, и вдруг поймал себя на том, что абсолютно ничего не чувствую. Ну, совсем ничего – ни радости, ни волнений, словно это не меня сейчас ожидает свадебная церемония, а кого-то другого, струсившего и не явившегося на собственную свадьбу. У меня же появилось ощущение, что я наблюдаю за всем, происходящим, как бы со стороны. Словно это не я иду сейчас по полотну дорожки, а кто-то другой, совершенно не знакомый мне человек. Поэтому я и не испытываю сейчас никаких чувств.

Это состояние, к счастью, длилось всего какое-то мгновение. Вскоре ко мне опять вернулась возможность испытывать чувства, однако вот это мгновение бесчувствия я почему-то запомнил. К этому времени я подошёл к помосту и поднялся на него. Ляргус показал мне место, где я должен был стоять в ожидании невесты. Я занял своё место и стал смотреть на дорожку, на которой должна была появиться Ниннэль.

Вот тут-то целая лавина чувств обрушилась на меня, грозя похоронить под собой. Тон в этой лавине задавала любовь, которая буквально обжигала мне душу, да так яростно, что временами мне казалось, что ещё немного, ну, самую малость, и тело моё охватит огонь, который невозможно будет потушить. В нём, в этом огне, сгорит моё тело, оставив

после себя лишь горстку пепла. Да, что там тело, в пламени любви сгорит душа моя, а пепел сгоревшей души моей разнесут по Мирозданию ветра времени.

К счастью, яростный огонь любви несколько охлаждал ветерок страха; страха за великую ответственность, которую я беру на себя; страха за судьбу Ниннэль, чья судьба отныне будет связана с моей, отнюдь не простой судьбой. Внешне борьба любви и страха выражалось в том, что меня бросало то в жар, то в холод, а проще говоря, я самым постыдным образом трусил – сумею ли я сохранить мою возлюбленную от тех ударов, что неминуемо рано или поздно ожидают меня.

Тут на дорожке показалась Ниннэль в пышном платье небесно-голубого цвета, с ног до головы закутанная в полупрозрачную вуаль, и все страхи мои сгнули, словно не бывало, а любовь притушила свой жар, сменив его на приятное тепло. Лица Ниннэль, скрытого вуалью, я не видел, однако и так знал, что оно прекрасно. Да разве может быть не красивой влюблённая женщина? Я всей душой потянулся к ней и ощутил встречное движение. В какой-то момент наши души коснулись друг друга и произошёл взрыв, который слил нас в единое целое – из двух душ, моей и Ниннэль образовалась единая душа, которая навсегда соединила меня с моей возлюбленной. Я сразу же понял, что это и был момент истинного брака, а всё остальное лишь формальность, просто обряд.

Ниннэль поднялась на помост и встала так, что Ляргус

оказался между нами – так требовал обряд. Я стоял справа от жреца, а Ниннэль соответственно слева. Жрец взял мою левую руку и, взяв правую руку невесты, вложил её в мою. При этом я ощутил заметный толчок силы – обряд начался.

В общих чертах я имел представление о свадебном обряде, бывая от случая к случаю на чужих свадьбах, но сам его, конечно, никогда не переживал. Сейчас же, стоя на свадебном помосте и держа в своей руке горячую, слегка подрагивающую руку Ниннэль, я испытывал какое-то, в общем, мне не свойственное волнение, словно стоял на пороге тёмной комнаты, где меня ожидало нечто такое, и никак не мог переступить порог. Нет, это не был страх, скорее наоборот, меня влекло туда, но что-то удерживало на месте. Было ясно только одно – в обряде вовсю использовалось Искусство, причём Искусство самой высокой марки.

– Судя по тому, как вы оба выдержали предварительные испытания, – торжественно заговорил старый жрец. – Теперь я, с вашего согласия, разумеется, приступлю непосредственно к вашему бракосочетанию. Согласны ли абсолютно добровольно связать себя узами брака?

Я и Ниннэль практически одновременно подтвердили своё согласие, причём голос мой в этот момент предательски дрогнул.

– Принимая во внимание ваше единодушное согласие, вступить в брак, я должен вас предупредить, что непосредственно венчание произойдёт не здесь, а в храме Творца, ку-

да я вас сейчас и провожу, – ещё более торжественно произнёс Ляргус, после чего я почувствовал мощный импульс силы и ощутил, что меня и Ниннэль куда – то потащило, причём с огромной скоростью.

Какое-то время мы летели в абсолютной темноте и, если бы не рука Ниннэль, я бы считал, что лечу один. Я переживал, как перенесёт полёт Ниннэль, ведь для неё такой полёт был в новинку. За себя я был спокоен – мне ещё ни такие полёты приходилось совершать. Моя подруга держалась хорошо, только чуть крепче сжала мою ладонь.

Сколько времени мы так летели, не знаю. Может всего лишь миг, а может целую вечность, да это и не важно. Важно лишь то, что рука Ниннэль крепко держит мою руку, важно, что моя душа и, надеюсь, что и душа моей любимой, испытывают подлинное ликование, важно, что мы вместе. Так лететь – рука в руке, я готов был всю жизнь, но полёт скоро закончился.

Впереди вспыхнул свет, который хотя и был очень ярким, всё же не ослеплял. Мы на полной скорости влетели в этот свет и остановились. Я огляделся и увидел, что мы находимся в каком-то замкнутом пространстве, заполненном светящимся всеми цветами радуги туманом, который чем-то мне напомнил тот жёлтый туман, чуть не погубивший нас в Запределье. Однако этот радужный туман коренным образом отличался от жёлтого своим характером. От жёлтого тумана исходила явная угроза жизни, а от радужного исходила та-

кая любовь, что я почувствовал себя вновь совсем маленьким ребёнком, что я даже заплакал. Рядом со мной всхлипывала Ниннэль, видимо испытывая сходные с моими чувства. Эти слёзы вымыли из моей души остатки, страха, сомнений, обид, от чего в душе моей ярко вспыхнул и с каждым вздохом разгорался огонь веры. Веры в себя, веры в свою любовь, веры, что я смогу преодолеть все препятствия, что приготовила мне судьба. И в этот миг я понял, что окончательно стал взрослым, что детство прошло, что всё, что я делал до этого, было лишь подготовкой к чему-то очень важному и невероятно трудному, которое должен буду я совершить, дабы стать тем, кем должен стать. Стоило мне только осознать это, как зазвучал Голос, в котором было столько силы, сколько я бы никогда не смог бы себе представить, но сила эта не вызвала во мне даже тени страха, наоборот, любовь во мне стала только сильнее.

– Поздравляю вас, дети мои, – произнёс Голос. – С этого момента и до конца времён вы муж и жена. Я знаю, что вместе вы сможете одолеть даже такую судьбу, что выпала на твою долю, Кувай. Обнимите друг друга и идите с миром.

Я обнял Ниннэль, а она обняла меня. Вуаль с её головы куда-то пропала и её роскошные волосы, собранные в высокую причёску переливались всеми цветами радуги, а глаза светились каким-то неземным светом. Не могу сказать наверняка, было ли это действительно так или это была игра радужного тумана, да это и неважно, а важно лишь то, что в этот миг

я был счастлив и запомнил его навсегда. Только наши объятия сомкнулись, как мы очутились на свадебном помосте, и множество людей подняли страшный шум, приветствуя нас.

Мы с Ниннэль спустились с помоста и нас тут же окружили с поздравлениями друзья и знакомые. Первым поздравил меня Минг, который с ужасающей физиономией, что выражало у него верх радости, подошёл ко мне, собираясь произнести поздравительную речь, но в последний момент, видимо передумав, ничего не стал говорить, а просто обнял меня своими ручищами так, что не будь я в доспехах – моему телу пришлось бы плохо. Хорошенько потискав меня, он, наконец, посчитал, что поздравил меня достаточно и разжал объятия. Поздравив меня, он повернулся к Ниннэль с намерением поздравить и её; я, честно сказать, испугался, что если он с таким же пылом начнёт поздравлять мою жену, то гарантировать её здоровье вряд ли кто сможет. Я уже хотел прийти на помощь возлюбленной, однако этого не понадобилось – с Ниннэль Минг был очень галантен и не позволил себе ничего лишнего. Сложилось впечатление, что демон её побаивается. Много позже, хорошо познакомившись с характером демонов, я узнал, что демонам вообще свойственно рыцарское отношение к слабому полу, неважно демоница это или человеческая женщина. Минг окончательно смутил мою молодую жену, тем, что опустившись на одно колено, он очень осторожно поцеловал её руку.

Следом за Мингом стали подходить друзья, знакомые и

даже совершенно незнакомые люди и демоны. Следует сказать, что на свадьбу прибыла целая делегация демонов, возглавляли которую Глюд, Грымз и старый Беннет, который хотя и был человеком, но так долго жил среди демонов, что, наверное, стал считать себя одним из них. Каждый из демонов взял за правило поцеловать руку моей жене, так что к тому моменту, когда все демоны завершили свои поздравления, Ниннэль была красная как варёный рак от смущения.

Марк и Джон тепло поздравили нас и пожелали много детишек, чем окончательно смутили Ниннэль. После них подошёл Яргуст, крепко обнял меня, а Ниннэль просто поднял на руки и расцеловал в обе щёки, всё же он был её дядей.

Ляргус и Азар тепло поздравили нас и пожелали пользоваться каждой минутой пока мы вместе.

Лучше всех поздравил нас Учитель. Он подошёл к нам сразу же после Ляргуса и Азара с какой-то хитрой улыбкой, словно задумал сделать нам соблазнительное предложение. Моё предположение оказалось верным.

– Вот что, дети мои, – задумчиво сказал Странник после того, как произнёс дежурные поздравления. – Я так думаю, что вам нет смысла терять время, присутствуя на собственной свадьбе. Какой вам интерес сидеть и наблюдать, как куча народа будет, есть и пить, а вам этого нельзя? Постарайтесь потихоньку сбежать, что бы побыть наедине друг с другом. Ляргус прав, у вас не так много времени, что бы тратить его на пустое.

– Как же мы сбежим с собственной свадьбы? – спросила Ниннэль. – Ведь этим мы можем обидеть гостей.

– Ну, об этом не беспокойтесь, – с улыбкой сказал Учитель. – Тут главное знать, когда и как уйти. Дождитесь, когда прозвучат первые три тоста. Уверяю вас, что после третьего тоста большинство гостей даже не заметят вашего отсутствия. А вот, когда объявят танец молодожёнов и наступит лучшее время для вашего ухода. Рекомендую во время танца вам обоим обратиться и эффектно так улететь. Это, уверяю вас, так подействует на гостей, что он вам простят ваше бегство. Только не забудьте вернуться послезавтра с утра, потому что послезавтра я, Джон, Марк и Яргуст покидаем Сегурию не менее, чем года на три. Надеюсь, что вы нас проводите.

Он улыбнулся и направился к остальным гостям. После него подходило с поздравлениями множество людей, многих из которых я даже не знал, но они, как оказалось, меня знали и хотели нас поздравить. Я узнал, что у меня теперь множество родственников со стороны жены, и, как не странно, даже Азар теперь стал моим родственником, хотя я и так считал его за деда. Сказать по правде, я страшно устал от всей этой процедуры поздравлений, и предложение Странника, сбежать с собственной свадьбы не казалась мне теперь такой уж странной, как вначале.

Наконец, поздравления закончились, и я отправился к себе снимать доспехи, которые, надо признаться, мне изряд-

но надоели, оставив молодую жену на попечение Минга. Демон очень ответственно отнёсся к моему поручению и сразу же стал рассказывать Ниннэль какую-то забавную, на его взгляд, историю. Уходя к себе, я слышал, как смеётся Ниннэль и громко рычит демон – видимо история и вправду оказалась смешной.

Переодевшись, я поспешил обратно, затратив на переодевание минут пятнадцать или что-то около того. Мою жену я застал в окружении грозно рычащих демонов и громко смеющихся Джона, Марка и Яргуста, причём последний смеялся так, что по щекам его текли слёзы. Сквозь эту какофонию с трудом пробивался звонкий смех Ниннэль. Да, демоны были мастерами рассказывать весёлые истории, которые могли заставить смеяться даже мёртвого.

Ко времени моего прихода все стали занимать места за столами. Для молодожёнов был отведён отдельный стол, который помимо меня и Ниннэль вместил Минга, как друга с моей стороны, подружку Ниннэль, которую звали Лорген, а так же всю нашу компанию: Ляргуса, Азара, Яргуста, Крона, Марка и Странника со своим неизменным спутником и другом Джоном.

Я, как новоиспечённый муж, должен был произнести первый тост, в котором отблагодарить всех присутствующих за то, что все они пришли сюда, что бы вместе со мной, отпраздновать день моей свадьбы. Как я уже говорил, нам с Ниннэль на свадебном обеде не полагалось ни есть, ни пить,

поэтому я встал для произнесения своего тоста с пустым бокалом, что было для меня очень непривычно.

– Дорогие друзья, – сказал я. – Я вам очень благодарен за то, что все вы пришли поздравить нас. Я прекрасно понимаю, что всем, что имею, я обязан вам. Это ваша забота и помощь помогли мне стать тем, кем я стал. Это благодаря вам и вашим заботам встретил я здесь в Сегурии свою любовь. Предлагаю всем выпить за всех здесь присутствующих, выпить и снова налить.

Все дружно поддержали мой тост. За столами началось обычное оживление, когда множество народа, собравшееся хорошенько выпить, закусить и повеселиться. Одни мы с Ниннэль были сторонними наблюдателями этого праздника. Сказать честно, я уже порядком устал. Теперь я воочию убедился в правильности выражения, которое как-то услышал от одного из знакомых. Он сказал примерно так: « В любом случае лучше гулять на чужой свадьбе, чем на своей».

Какое-то время гостям было не до нас, поэтому я шепнул на ухо Ниннэль, что бы она была готова к нашему танцу. Она улыбнулась в ответ и сказала, что готова следовать за мной не только на танец, но и, если придётся, хоть на край света. Я улыбнулся в ответ – она всё правильно поняла.

Азар, как глава Сегурии, произнёс тост за молодых, то есть за меня и Ниннэль. Шум за столами усилился. Спустя некоторое время, встал я с пустым бокалом и произнёс тост за родителей моей невесты, теперь уже жены. Тост, как впро-

чем, и все остальные тосты, был принят с энтузиазмом. Шум за столами превратился в сплошной гул. Все уже изрядно выпили и утолили голод и теперь пожелали развлечений. Азар, как главный распорядитель праздника, объявил танец молодых.

Я встал, подал руку Ниннэль, которая в этот момент была так красива, что у меня даже слегка закружилась голова, и мы прошли на площадку, предназначенную для танцев. За столами установилась полная тишина, все внимательно наблюдали за нами. Я сильно волновался, так как танцор из меня никудышный. Яргуст целых две недели учил меня танцевать, благо в военной академии, где ему пришлось учиться, танцы были обязательным предметом. В конце концов, он махнул на меня рукой и заявил, что скорее безногого инвалида можно научить танцевать, чем меня, однако для свадебного танца сойдёт. Он пообещал, что предупредит Ниннэль, и она постарается вести меня в танце, так что бы моя неуклюжесть не очень бросалась в глаза. Вот на это-то я в глубине души и рассчитывал.

Когда мы вышли на площадку, гости дружно начали аплодировать, приветствуя нас. Пока гости выражали свои чувства в аплодисментах, я смотрел на мою жену, которая в свою очередь не сводила с меня своих удивительных глаз. Её, слегка раскосые глаза, цвета морской воды в солнечный день, слегка мерцали каким-то нездешним светом. Они притягивали мой взгляд подобно магниту; они манили и волно-

вали, как волнует каждого настоящего мужчину тайна, которую хранит в себе каждая женщина. Эта тайна смотрела сейчас на меня с обожанием, и от этого взгляда мне хотелось забыть обо всём на свете, лишь бы она вот так на меня смотрела. За один такой взгляд можно было отдать всё, своротить горы, выступить в одиночку против полчища врагов, да мало ли, что ещё способен совершить влюблённый мужчина, ради одного такого взгляда.

Заиграла музыка, сначала совсем тихо, буквально на грани слышимости, словно чего-то боялась, но затем, видимо преодолев собственную робость, всё громче и уверенней.

– Рискнём? – спросил я Ниннэль, не отрывая своего взгляда от её глаз.

– Рискнём, – одними глазами ответила моя любимая.

Я осторожно взял Ниннэль за руку, левой обнял за талию. Она сделала то же самое, и мы начали наш танец, который символизировал образование новой семьи – гарантии продолжения рода человеческого. Музыка набрала силу и повела нас за собой куда-то туда, куда звали глаза Ниннэль, куда иногда уводит каждого из нас скрытая внутри нас сущность, та самая, которая не от мира сего.

Я уже говорил, что танцор я плохой, но Ниннэль настолько чувствовала музыку и так незаметно вела меня в танце, что поначалу я даже подумал, что сам танцую. Сам не заметил, как втянулся в танец, как пропало напряжение от собственной неуверенности. Произошло самое обыкновенное

чудо – мне понравилось танцевать. Сказал бы кто мне раньше, что мне понравится танцевать, ни за что бы, ни поверил. Вырастая в чисто мужском окружении, если не считать Марту, которая до трёх лет заменяла мне мать, я относился к танцам с неким презрением, считая их недостойным занятием для мужчины. Сейчас же мне просто нравилось танцевать, видимо любовь, действительно, способна творить чудеса.

Музыка звучала всё настойчивее. Темп танца нарастал, а мы с Ниннэль всё кружили и кружили в танце, словно совершали какой-то древний ритуал, смысл которого давным давно утерян. Однако совершить его просто необходимо, ведь без этого не сможет произойти что-то важное, причём настолько важное, что от него зависит судьба не только моя и Ниннэль, но и ещё множества людей, да и не только людей.

В какой-то момент у меня появилось сильнейшее желание обернуться драконом и улететь отсюда вместе со своей возлюбленной, оставив друзей пировать без нас. Ниннэль или почувствовала моё желание, или у неё тоже возникло желание обратиться в дракона, не знаю, только она выразительно глянула на меня. В ответ я слегка кивнул и, не прерывая танца, начал обращение. Вместе со мной начала обращение и Ниннэль. Не прошло и минуты, а на площадке для танцев танцевали два дракона. Вернее один дракон цвета червонного золота и драконица, чья чешуя переливалась всеми цветами радуги.

Музыка на мгновение затихла, что бы тут же вновь гря-

нуть во всю силу. Гости вскочили со своих мест и с изумлением и восторгом смотрели на нас, лишь Странник громко смеялся и махал в нашу сторону рукой, предлагая скорее улетать, что мы и поспешили сделать. Взмахнув крыльями, мы поднялись в воздух под восторженные крики зрителей. Кружась в танце, который продолжался уже в воздухе, мы поднимались всё выше и выше, пока дома Сегурии не исчезли из виду. Музыка на такую высоту, конечно, не доносилась, но продолжала звучать в наших ушах так, как будто мы продолжали танцевать на земле. Мелодия постепенно менялась и незаметно превратилась в мелодию, что звучала для нас в храме Творца. Подхваченные этой мелодией, мы поднимались всё выше и выше. Я с беспокойством посмотрел на жену, не устала ли она, ведь её опыт полётов был ещё слишком мал, и увидел в её глазах восторг.

– Не волнуйся, дорогой, – прозвучал во мне нежный голос моей возлюбленной. – Дядя Яргуст хорошо научил меня летать, а с тобой я вообще готова лететь хоть на край света.

Успокоившись на её счёт, я опять полностью погрузился в музыку и танец; если Ниннэль учил летать Яргуст, а когда-то он учил летать и меня, то за неё можно быть спокойным.

Музыка звучала всё громче и громче и вскоре достигла такой мощи, что буквально захватила нас, лишив возможности сопротивляться, да сопротивляться-то совсем и не хотелось. Мы с любимой просто доверились и полностью отдались этой силе, которая подхватила нас и понесла в какую-то

неимоверную даль, причём, как я понял, даль не только пространства, но и времени. Мы давно покинули Сегурию, причём, для Ниннэль это был первый в её жизни выход за пределы Сегурии, где она родилась, и жила до этого времени. Нас окружали сначала звёзды, которые сверкали вокруг нас подобно россыпи великолепных бриллиантов, потом мимо нас стали проплывать целые миры, подобно мыльным пузырям, переливаясь всеми цветами радуги.

Все эти видения вызывали в душе моей такой восторг, такое ощущение счастья, которое я раньше даже не мог себе представить. Музыка стала затихать и незаметно превратилась в общий фон, где-то на грани слышимости, зато стала слышна музыка каждого проплывающего мимо нас мира. Чем-то схожая с общим фоном, каждая из мелодий этих миров отличалась своими индивидуальными особенностями. Музыка одних миров вселяла в нас бурную радость, да такую, что мы начинали смеяться и смеялись до слёз. Мелодии других миров заставляли нас впадать в задумчивую грусть; музыка третьих вызывала в нас чувство жалости, причём жалости до слёз. Иногда попадались миры, чья музыка вызывала в нас отвращение и гнев. Эти миры, в отличие от большинства других, не сверкали разноцветием радуги, а были какими-то невзрачно серыми, словно крысы в вольере с павлинами.

– Что это, Кувай? – спросила испуганно Ниннэль. – Откуда эта мерзость? -

– Это миры, захваченные Серой империей, – серьёзно ответил я. – Именно с ней и ведём мы непримиримую войну, что бы наш с тобой мир не превратился в эту серую мерзость.

– Их надо остановить, во что бы то ни стало, – с дрожью в голосе сказала Ниннэль. – Я тоже хочу участвовать в этой борьбе. Ты должен научить меня всему, что знаешь и умеешь сам.

Её заявление стало для меня полной неожиданностью, и в первый момент я даже опешил. Я всегда считал Ниннэль слишком женственной, а потому хрупкой и никак не мог представить её отважной воительницей, сражающейся наравне с мужчинами. Как же я заблуждался! Лицо моей молодой жены покраснелось, глаза буквально сияли, и она в этот момент была так хороша, что я залюбовался ей. Что же, придётся научить Ниннэль Искусству, хотя бы в минимальном объёме, тем более, что приближаются очень тревожные времена, так что боевые навыки могут очень пригодиться.

Наш то ли танец, то ли полёт продолжался, когда, совершенно неожиданно мелодия, что сопровождала нас всю дорогу, сначала зазвучала громче, а потом внезапно замолчала. Полёт тоже резко затормозился, и нас повлекло куда-то в сторону. Стало ясно, что наш танец-полёт подошёл к завершению, и мы, похоже, достигли какой-то неизвестной нам пока цели. Перед нами ярко засветился открытый проход, куда мы, не мешкая, и влетели.

Мир, в котором мы оказались, поражал какой-то перво-

зданной чистотой и яркостью красок. По привычке, пройдя проход, я проверил мир на вопрос какой-либо опасности, но ничего не обнаружил, так что можно было расслабиться. Ниннэль, впервые попавшая в другой мир, выглядела немного растерянной, но даже следа испуга я у неё, сколько ни вглядывался, не обнаружил. Да, Ниннэль была настоящей драконицей до мозга костей.

Однако пройдя метров сто от прохода, который уже закрылся, я увидел такое, что полностью позабыл обо всём на свете, и, что греха таить, на какое-то время позабыл даже о Ниннэль. Мы оказались на краю неширокой долины, одна половина которой была ослепительно белой, а другая абсолютно чёрной. С двух сторон долину ограничивали горы геометрически правильной формы, так же как и долина, с одной стороны белые, а с другой чёрные. Над всей этой чёрно-белой красотой раскачивался золотой шар, подвешенный на золотой нити, уходящей куда-то в бесконечность. Это был маятник, который монотонно раскачивался из стороны в сторону. Мне сразу же вспомнились рассказы о Вселенском маятнике.

Движения маятника буквально завораживали, и мы с Ниннэль, уставшие от свадебной суеты, как-то незаметно уснули. Во сне я увидел себя парящим в образе дракона над какой-то унылой местностью. Во мне бушевала ярость, которую я даже не пытался сдерживать, что было странно. Обычно, сколько себя знаю, я не даю воли гневу, а уж тем более,

ярости. Во сне же, ярость буквально кипела во мне, время от времени выплёскиваясь наружу в виде потоков ослепительно-белого пламени. Там, куда попадала струя моего огня, горело всё. Горели орды серых всадников, горела серая трава, горела сама земля, пропитанная злобой и страданиями.

Ярость моя затухает, словно вместе с потоками огня, покидает меня, оставляя в сердце моём пустоту. Вот почему я не люблю гневаться; после вспышек гнева чувствуешь себя опустошённым, словно сам себя обокрал. Это чувство очень навязчиво, оно не даёт мне наслаждаться жизнью, радоваться каждому мгновению собственного бытия, а, проще говоря, ворует жизнь мою.

Как только ярость моя потухает, я чувствую полное опустошение, и на меня наваливается страшная усталость, такая, когда ты не в состоянии даже пошевелиться, а желание лишь одно – упасть на землю и, ни о чём не думая, пустыми глазами глядеть в небо.

Я, почти не шевеля крыльями, опускаюсь на вершину самого высокого из группы холмов, что возвышаются над унылой серой равниной. Моя посадка происходит примерно метрах в тридцати от группы людей, что находятся здесь. Сразу же обращаюсь в человека и, с трудом переставляя ноги, направляюсь к друзьям, что призывно машут мне руками.

Мне душно, пот заливает глаза. Я хочу вытереть пот и вдруг обнаруживаю, что на мне глухой шлем, а сам я в доспехах. Удивляюсь во сне – я же никогда не любил доспе-

хов! Снимаю шлем, который изрядно помят и даже слегка оплавлен. Похоже, мне прилично досталось, хотя собственно боя я почему-то не помню. Снимаю и засовываю за пояс латную перчатку и ладонью смахиваю пот со лба. Лоб начинает щипать, словно в открытую рану насыпали соли. Гляжу на ладонь и обнаруживаю, что она в крови. Значит, я ранен. Умом я констатирую факт ранения, но сознание моё смотрит на это, как-то совершенно отрешённо, словно меня это не касается.

Тяжело переставляя закованные в латы ноги, я приближаюсь к друзьям, которые, как и я все в доспехах. Значит, идёт война, услужливо подсказывает мне память; вот только, убей меня, с кем мы воюем, что это за война, я не помню. Наконец, сквозь пелену, что застилает глаза, различаю усталые, чем-то встревоженные дорогие мне лица друзей. Здесь люди и демоны, среди которых я замечаю Марка, Джона и Азара, единственного без доспехов. Почему-то среди них я не вижу Учителя и Яргуста, отчего в сердце моём шевельнулась ледяная игла страха за них. Из этой группы вырывается невысокий, хорошо сложенный, по меркам демонов, конечно, демон с обнажённой головой и спешит мне на встречу. С радостью узнаю в бегущем моего друга Минга.

Несколько драконов тяжело опускаются чуть в стороне от места моей посадки. Двое из них поддерживают с двух сторон крупного дракона цвета воронёной стали. У него серьёзно повреждено крыло; приземлившись, он обратился в Яр-

густа, с ног до головы покрытого кровью, так что сразу, не разберёшь, кровь ли это врагов или его собственная. Мне его жаль, но как-то отстранённо, потому что я где-то внутри был уверен, что с ним будет всё хорошо. Гораздо больше меня волновала судьба одного очень некрупного дракона радужной окраски.

Вернее это не дракон, а сумасшедшая драконица, способная, сломя голову, совершенно безрассудно кинуться в самую гущу боя. Почему-то я был уверен, что именно так она и сделала, и теперь, не видя своей Ниннэль, моё сердце ледяным кинжалом пробил страх за неё. Раньше я даже представить не мог, что можно так за кого-то бояться.

Подбежал Минг и обнял меня.

– Мы победили, – с радостью сказал Минг. – Слышишь, мы победили.

– Что с Ниннэль? – спросил я, никак не реагируя на слова Минга о какой-то нашей победе. – Она жива?

– Жива, жива твоя Ниннэль, правда, тяжело ранена, – быстро ответил демон. – Страннику удалось её вытащить. Он и сейчас с ней.

Слова демона подействовали на меня, как бальзам на раны. Страх мой прошёл, и вместо него навалилась страшная слабость. Ноги мои подкосились, я потерял сознание и проснулся.

Проснулся я прекрасно отдохнувшим и абсолютно спокойным, с какой-то твёрдой уверенности, что всё в моей

совместной с Ниннэль жизни будет хорошо. Передо мной всё так же лежала удивительная чёрно-белая долина, всё так же совершал свои неторопливые колебания Вселенский маятник – гарант равновесия в Мироздании. Всматриваясь в эти колебания, я вдруг отчётливо понял характер этого, безусловно, разумного чуда, созданного Творцом одновременно с самим Мирозданием. Главной заботой маятника было поддержание вселенского равновесия между образующими последнее Силами, не отдавая предпочтения ни одной из них. Маятник не был ни злым, ни добрым, не был он так же и равнодушным, просто он твёрдо знал, что если какая-нибудь Сила начнёт преобладать в Мироздании, то всем будет плохо. При этом маятник отнюдь не был сторонним наблюдателем, лишь фиксирующим нарушения равновесия. Вовсе нет. Он с помощью приданных ему изначально сил стремился воздействовать на нарушителя с целью восстановления равновесия. Судьба сложилась так, что все мы являемся орудиями маятника, которые оказались им, востребованы для устранения нарушения вселенского равновесия, вызванного агрессией Серой империи. Ну, что же, не знаю как другие, а я свой выбор сделал.

Рядом со мной сладко спала моя молодая жена. Я осторожно накрыл её своим плащом, но будить не стал – пусть отдыхает. За этот день ей столько пришлось пережить, что лишний час сна не помешает. Сам же просто сидел, наблюдая за монотонными движениями маятника. Зрелище бы-

ло завораживающее, оно никак не могло надоесть. Казалось, что вот так можно просидеть целую вечность, глядя на маятник и ни о чём не думая.

Вот я и сидел, глядя на маятник, и вдруг мне показалось, что в чёрно-белой долине началось какое-то движение. Сначала я посчитал, что мне просто показалось, но затем, приглядевшись, отчётливо увидел, что действительно со стороны маятника ко мне приближаются две человеческие фигуры, одна закутанная в белое, а вторая – в чёрное. Откуда они здесь взялись – я понятия не имел, но они всё-таки приближались. Никакой угрозы с их стороны я не ощущал, поэтому спокойно ждал, когда они подойдут ко мне.

Прошло совсем немного времени, и идущих ко мне уже можно было рассмотреть. Это оказались две женские фигуры, одетые в одинаковые плащи с капюшонами, различающиеся лишь цветом.

Когда они подошли, я из уважения встал и вежливо поздоровался с ними. Женщина в белом, откинула капюшон, и так же вежливо и очень тепло поздоровался со мной. Это была симпатичная женщина средних лет, с несколько усталым лицом. От неё веяло силищей, но силища эта была какая-то тёплая, родная что ли.

Женщина в чёрном поздоровалась сухо, я бы сказал с иронией, после чего откинула капюшон. Она внешне оказалась точной копией женщины в белом, только от неё веяло холодом, а лицо было абсолютно спокойным, словно маска.

– Не стоит со мной здороваться, Кувай, – с иронией сказала женщина в чёрном. – Не делай такое удивлённое лицо, словно ты встречаешься со мной и моей сестрой впервые.

Этимися словами она очень меня озадачила. Я начал судорожно вспоминать, где я мог видеть этих женщин, но ничего вспомнить не смог.

– Да, учитель твой попонятливее будет, нечета тебе, – заявила чёрная и звонко засмеялась. – Ну, ладно, со мной ты встречался всего дважды, да и в то время тебе было не до знакомств, а вот сестрицу то мою ты должен хорошо знать, чай не первый год на белом свете живёшь.

Я опять напряг память, но всё равно ничего не вспомнил.

– Прошу вас, милостивые госпожи, не счесть меня за невежду, но, хоть убейте меня, никак не припомню, где и когда я с вами мог видеться, – очень аккуратно сказал я. – Если вам не будет в тягость рассказать мне о наших встречах, будьте так любезны, просветите меня тёмного.

Мои слова вызвали приступ смеха уже у обеих женщин. Они минут пять так звонко и заразительно смеялись, что возникшее при встрече напряжение куда-то исчезло, и я присоединился к моим гостям. Отсмеявшись, я предложил женщинам присесть, только нужно немного отойти в сторону, что бы ни разбудить жену.

Моё предложение вызвало новый взрыв смех у женщин, причины которого я понять никак не мог.

– Ты, что уморить нас решил? – спросила чёрная, отсме-

явшись. — На счёт жены, не беспокойся. Ниннэль будет спать, пока мы с тобой разговариваем. Ты уж мне поверь.

Она снова засмеялась, но теперь смеялась она не долго, наверно не больше минуты. Затем, она резко перешла от веселья к крайней серьёзности. Женщины присели прямо на землю, после чего присел и я.

— Кувай, — обратилась ко мне женщина в чёрном. — Нам с тобой предстоит очень серьёзный и долгий разговор. Прежде чем перейти к нему, мы с сестрой хотим поздравить тебя с твоей женитьбой. Мы рады, что ты встретил свою любовь и надеюсь, да что там надеюсь, я просто знаю, что вы оба будете счастливы. Мы приготовили вам наши подарки, но получите вы их в своё время. Теперь, что бы ни быть невежливыми, я бы хотела представиться и представить мою сестру. У меня множество имён, но вам, людям я больше всего известна под именем Смерть. Ну а сестру мою, как ты, наверное, уже догадался, зовут Жизнь, и уж с ней-то ты хорошо знаком, хотя никогда не видел. Со мной же ты встречался дважды, и дважды, уступая твоему учителю Страннику, а больше следуя твоей удивительной судьбе, я возвращала тебя Жизни.

Наконец-то до меня дошло с кем мне пришлось повстречаться здесь, возле Вселенского маятника. Вот же тупица, ругал я сам себя, когда слышал, кто со мной говорит. Ведь ясно же, что здесь вряд ли встретишь простую женщину. Самое удивительное, что разговаривая со Смертью я не испытывал страха, словно разговаривать с одной из самых зага-

дочных Сил Мироздания для меня было делом привычным.

– Огромное спасибо вам за поздравления и заботу, – ответил я на слова Смерти. – Я очень тронут вашей заботой. Почему бы нам не разбудить Ниннэль, она бы смогла лично отблагодарить вас?

Смерть переглянулась с сестрой, и они обе снова засмеялись. Я был удивлён и немного раздосадован этим смехом, не понимая его причины, однако Смерть тут же объяснила причину смеха.

– Ты как это себе представляешь, если тебя разбудить и представить меня, дескать, познакомься – это смерть? – с иронией сказала Смерть. – Что бы ты почувствовал и как бы себя повёл? А что можно сказать о юной девушке, и стоит ли её так пугать?

Слова Смерти, не смотря на всю её иронию, были очень разумны, причём настолько разумны, что мне даже стало немного стыдно за мою досаду на смех сестёр. Смерть, которая свободно читала мои мысли (ещё бы она не читала меня, как открытую книгу), опять рассмеялась. Я вообще заметил, что Смерть любит посмеяться.

– А если говорить серьёзно, – продолжила говорить Смерть. – Ниннэль ещё рановато напрямую разговаривать с нами.

Я не стал возражать; уж кому-кому, а Смерти виднее. Пока Смерть объясняла мне, что и как, Жизнь расстелила прямо на земле белую скатерть, на которую ловко расставила

разные вкусные на вид кушанья, большой кувшин с каким-то напитком и две, явно золотые стопки. На мой вопросительный взгляд, она с улыбкой сказала:

– Ниннэль проснётся голодной, вот и будет, чем утолить голод и жажду. Тебе тоже не мешает подкрепиться.

В этом была сама суть Жизни, для которой заботиться о своих детях и есть смысл собственного существования. Жизнь, видимо прочитав мои мысли, вновь мне тепло улыбнулась.

– Теперь перейдём к главному, – став вдруг очень серьёзной, сказала Смерть. – Сейчас я опишу состояние дел на настоящее время, а затем кое-что поведаю тебе из ближайшего будущего. Надеюсь, ты понимаешь, что этот разговор должен остаться между нами?

Я с готовностью пообещал ей, что буду немым, как могила. Я хотел ей малость польстить, но видимо это мне не удалось, потому что Смерть как-то странно на меня взглянула и саркастически хмыкнула.

– Ну, у тебя и клятвы, Кувай, – с нескрываемой издевкой сказала Смерть. – Даже мне стало не посебе. Кстати, запомни, мой мальчик, могилы очень даже разговаривают, нужно только уметь разговаривать. Что же касается твоей лести, так она получилась неудачной, а кроме того, уж поверь мне, тебе это не идёт.

После её слов мне стало так стыдно, что если бы в этот момент под моими ногами разверзлась бы земля, это было

бы для меня облегчением. Видя мои страдания, сёстры опять звонко засмеялись, причём так безобидно, что спустя минуту, и я присоединился к ним. Отсмеявшись, Смерть опять стала серьёзной.

– Слушай меня и не перебивай, а всё, что услышишь, постарайся запомнить. Возможно, это поможет тебе в твоей тяжёлой судьбе, – с лёгкой грустью в голосе заговорила Смерть.

Я буквально застыл, слушая Смерть, тем более, что она говорила такие вещи, что если бы они даже и не касались бы меня, и то слушать их спокойно было бы трудно, а тут всё это касалось непосредственно меня. Я почувствовал, что какая-то сила подхватила меня и куда-то понесла. Где я оказался я и понятия не имел, однако ясно понимал, что место, куда перенесла меня Смерть, явно не принадлежит нашему Мирозданию.

Сколько продолжался рассказ Смерти, не скажу. Лично для меня он, как мне показалось, длился целую вечность, а на самом деле, возможно, всего пять минут, не знаю. Пока продолжался рассказ, я позабыл обо всём, даже о том, что буквально в двух шагах от меня, мирно спала моя молодая жена, забыл даже, что рассказывает мне мою судьбу ни кто-нибудь, а сама Смерть.

Наконец Смерть закончила говорить о том, о чём она хотела мне сказать, и я словно очнулся. Удивлённо осмотревшись, я увидел, что всё так же нахожусь возле Вселенского маятника, который, как всегда мерно раскачивался. Всё так

же мирно посапывала во сне Ниннэль, на земле была расстелена скатерть, заставленная всякими вкусностями, только я уже был не тот, что был до встречи у Вселенского маятника.

– Ну, вот и всё, что я хотела сказать, – всё с той же грустью стала прощаться моя собеседница. – Настало время нам расставаться, однако помни, что моя сестра всегда с тобой, ну, а я всегда рядом.

Произнеся это, Смерть медленно растаяла в воздухе. Жизнь же не произнесла ни слова, а только тепло мне улыбнулась и тоже исчезла.

После ухода Странника и Джона, я испытывал какое-то странное, совершенно незнакомое мне чувство, которое мне, хотя особо не досаждало, однако было неприятно. Дела, которые тогда навалились на меня, никак не позволяли разобраться в этом чувстве. Однако, как только выдалось относительно свободное время, а это произошло уже далеко за полночь, я закрылся в своём кабинете, уселся в своё любимое кресло у пылающего очага (ночь выдалась холодной, а мне последнее время что-то нездоровилось), взял в руку кубок с подогретым вином с пряностями и погрузился в себя, время от времени отпивая из кубка божественный напиток. Я любил вот так посидеть, когда время за полночь, когда в доме все уgomонились, а из звуков только треск дров в очаге. Тогда я освобождаю себя от повседневных забот и наконец-то могу побыть наедине с самим собой – в дневной суете это почти невозможно.

Я закрываю глаза и начинаю вспоминать. Почему-то сразу вспомнилась первая встреча со Странником, о котором я слышал раньше от Ляргуса. Они с Джоном тогда хотели предупредить нас о том, что за нами гонится целая свора серых всадников.

Вспоминается первое впечатление, которое этот человек, пришедший из непредставимой дали пространства и време-

ни, произвёл на меня, вызвав во мне подлинное потрясение. Я увидел в нём спящую глубоким сном Древнюю силу, но не это вызвало потрясение; люди, обладающие в той или иной мере Древней силой, встречаются довольно часто. Дело было в том, что этот человек обладал таким объёмом Древней силы, что я даже испугался. Сколько я живу на белом свете, а живу я, следует сказать, довольно давно, мне не приходилось встречать кого-либо, обладающего такой силищей. Я попытался представить себе, что может произойти, случись этой силе одномоментно высвободиться и мне стало очень не по себе.

Помимо наличия огромного объёма Древней силы, меня поразило то, что Странник, даже не подозревая о присутствии в нём такого богатства, сумел самостоятельно стать ходящим – по – мирам, да ещё умудрился не погибнуть при этом. Скорее всего, сама эта сила хранила его и ненавязчиво подталкивала к хождению по мирам.

Я сделал большой глоток и стал вспоминать подробнее, что я почувствовал тогда, глядя на это чудо во плоти, которым и был Странник. Первым, что пришло мне в голову после того, как я обнаружил в нём Древнюю силу, был страх – вдруг эта сила повернётся против нас? Я быстро подавил страх, но его сменила несколько эгоистичная мысль – этого человека надо склонить на нашу сторону, что бы использовать его силу в наших целях, тем более, что он и сам уже сталкивался с серыми всадниками и имел о них представле-

ние. Теперь я понимал, что в этом была моя ошибка – Странник оказался не тем человеком, которым можно манипулировать, хотя при первой встрече с нами он безоговорочно доверял нам.

Я принял решение помочь Страннику пробудить в себе Древнюю силу, но прекрасно понимая, что её пробуждение будет достаточно опасным для того места, где это будет происходить, я решил отправить его в дальнее и опасное путешествие. Зачем это было нужно? Я прекрасно знал, что лучше всего раскрывается сила, скрытая в человеке, в моменты смертельной опасности для этого человека и пусть это произойдёт подальше отсюда.

Ляргус, узнав о моих намереньях, как-то странно на меня посмотрел, потом надолго замолчал, а после посоветовал мне отправить со Странником и Джоном Кувая. Иначе, как сказал он, Странник может расценить твой поступок, как желание от него избавиться. Кроме того, не забывай, что Джон спас мне жизнь, и я не хочу быть в отношении него неблагодарным. Короче, если ты не отпустишь с ними Кувая, я устрою всё так, что они никуда не пойдут. Я хорошо знал своего учителя, потому прекрасно понимал, что он непременно сделает то, что говорит.

Тогда, захваченный идеей сделать из Странника надёжного союзника в наших делах, я не придавал значения тому, что Ляргус довольно холодно отнёсся к моей идее, вернее даже не к самой идее, а скорее к методам, которыми я хотел до-

стигнуть реализации, данной идеи.

Теперь, анализируя прошлое, я понимаю, что тогда мной владела гордыня. Ещё бы, после создания собственной вотчины, я был настолько самостоятельным, что не терпел ко-го-либо обладающего большими возможностями, чем я. Исключением, пожалуй, был только мой Учитель Ляргус. А тут мне встретился человек, который был настолько сильнее меня, что мне в пору было податься к нему в ученики. На моё счастье, тогда он ещё не осознавал себя, и я решил этим воспользоваться. Тогда мне казалось, что я поступаю совершенно правильно, используя Странника вслепую.

Оказалось, что Ляргус, как всегда, оказался прав, настояв на том, что бы отправить со Странником и Джоном Кувая. Тем самым он показывал Страннику, что мы не собираемся интриговать в его отношении, поэтому доверяем ему даже Кувая – самое дорогое, что у нас есть. Добавьте к этому небывалое оживление серых всадников, о которых мы тогда почти ничего не знали, если не считать нескольких мелких стычек, при которых наши драконы легко расправились с немногочисленными преследователями. Однако это ещё ни о чём не говорило – драконы просто оказались невосприимчивы к странной магии серых.

Ни когда не забуду, как Странник, Джон и Кувай ушли в земли демонов, где, как назло, началась война и пропали на несколько лет. Так я узнал, как трудно ждать тех, кого любишь, особенно если путь их не лёгкая прогулка, а смертель-

но опасное предприятие. Я понял, что зачастую легче самому рисковать головой, чем ждать возвращения друзей.

А как я обрадовался и одновременно испугался, когда Странник, наконец, вышел на связь, ибо человек, которого я увидел по ментальной связи, был очень мало похож на того молодого энергичного человека, который уходил в земли демонов. Я увидел глубокого старика, который, по крайней мере, был не моложе Ляргуса, а уж Ляргус-то был старейшим из всех знакомых мне людей, за исключением разве что трактирщика из Трактира-на-перекрёстке, но о нём разговор особый.

Когда я, вместе с Яргустом и Марком, встретил наших путешественников на пороге Сегурии, то увидел двух человек в крайней степени усталости, которые, еле переставляя ноги, несли на носилках тяжелораненого Кувая. Голова Странника, заросшая длинной бородой, была перевязана грязной тряпкой, испачканной запёкшейся кровью. Ранен был и Джон, но больше всего меня напугало состояние Кувая, который неподвижно лежал на импровизированных носилках. Вид у него был такой, словно он находился на самом краю жизни. Однако, внимательно осмотрев его, я вздохнул с облегчением, мальчишка был очень аккуратно заштопан (я бы так не смог), хотя раны его были, на первый взгляд, несовместимы с жизнью.

Увидев нас, Странник и Джон осторожно опустили на землю свою ношу и с вымученными улыбками вконец изму-

ченных людей посмотрели на нас. Мы обнялись, и вот тогда я ощутил Древнюю силу, пробудившуюся в Страннике. Ощущение, скажу я вам, не из приятных.

Вспоминается, как, едва переступив границу Сегурии, Странник потерял сознание, видимо последние силы оставили его. Тогда я был абсолютно счастлив, что все вернулись, пусть и побитые, но всё же живые. Тогда моя гордыня под натиском огромной любви к друзьям, отступила и спряталась где-то в глубинах моего естества.

Позже произошёл крайне неприятный для меня разговор, в котором Странник прямо обвинил меня и Ляргуса в том, что мы использовали его в слепую и тем самым подвергли его жизнь и жизнь его учеников смертельной опасности. Что я мог ему ответить? Он был кругом прав и, если бы он тогда порвал бы с нами отношения, был бы полностью прав. На моё счастье, Странник оказался человеком великодушным. Он принял наши с Ляргусом извинения, после чего поведал о появлении в пределах нашего мира какой-то новой очень могучей и пока что непонятной силы, которая чуть было, не погубила их.

Вести, принесённые Странником из Запределья, не обрадовали ни меня, ни Ляргуса. Было от чего огорчиться. Мы только-только стали понимать, что собой представляют серые, только стала проясняться общая картина, что такое Серая империя, которая засылает к нам своих агентов, готовя вторжение, как тут новая напасть. Внутреннее чутьё подска-

зывало, что привычный для нас ход вещей близится к своему завершению, что скоро наш привычный мир или рухнет, или изменится до неузнаваемости, погребя под своими обломками многих из нас. Сердце моё тоскливо сжалось от нехорошего предчувствия, и как-то сразу я ощутил свой возраст, который раньше я просто не замечал. Нет, я не боялся смерти, прекрасно понимая её неизбежность, а какой смысл бояться неизбежности? Просто в роковые минуты начинаешь чувствовать, что ты уже давно живёшь на этом свете и, при всех его недостатках, этот мир тебе чертовски нравится, и ты вдруг понимаешь, что готов на всё, лишь бы он сохранился таким, как есть и после моего ухода. Особенно же душа моя болела о собственной, сотворённой, можно сказать, «своими руками», вотчине, которую я назвал Сегурия. Когда ты, сначала своим воображением, создаёшь новый мир, испытываешь ни с чем несравнимые чувства, которые, стоит только начать творить, захватывают тебя полностью и уже не отпускают до самого конца творения.

О, это сладкое опьянение творчеством! Ничто не способно с тобой сравниться. Творчество – ты высшая ступень наслаждения и одновременно высшая степень страдания. Если оно захватывает человека, значит, человек этот созрел для того, что бы стать истинным творцом. Тогда, друг мой, бесполезны любые попытки отказаться от того, что является, по сути, самой сущностью человеческой натуры; бесполезны любые попытки избежать этой стези, ибо творчество, это,

отнюдь, не простое увлечение или хобби, а собственно оно составляет и определяет саму жизнь человека, это, если хотите, его судьба.

Сначала ты создаёшь мысленную модель своего будущего творения, и это самый трудоёмкий этап творчества. Создаваемая мыслеформа должна содержать в себе гигантский объём информации. Только при соблюдении этого условия, возможно, создать что-либо по-настоящему живое, а значит реальное. Представьте себе, что вы день за днём, год за годом носите в себе эту модель будущего мира (ведь вотчину можно рассматривать, как мир в миниатюре), постоянно насыщая её всё новым содержанием, до тех пор, пока она ни начнёт жить в вашем сознании абсолютно самостоятельно. В этот момент куда-то пропадают муки творчества, все эти сомнения, страхи, неуверенность в своих возможностях. На смену им приходит невообразимое чувство всеобъемлющей радости. Радости от того, что у тебя, не смотря на все трудности и сомнения, получилось нечто такое, что полностью оправдывает твою жизнь, все её радости и огорчения. Что бы это понять в полной мере, необходимо стать творцом. До сих пор во всех деталях помню то счастливое время, когда я творил Сегурию, в которую вложил всего себя. Небо, горы и поля, озёра и море, леса и степи Сегурии, несут в себе отражение моей личности, моих мыслей, моих переживаний.

А какой неопикуемый восторг охватывает тебя, когда по твоему слову начинается проявляться новый мир, мир, выно-

шенный и выстрадавший тобой, и ты видишь, как постепенно твои мысли начинают обретать реальные формы. Ты рождаешь мир, как мать рождает долгожданного ребёнка, и вместе с радостью творения рождается страх за судьбу твоего детища, страх во много раз сильнее даже инстинкта самосохранения. Этот страх сильно повлиял на мои решения в борьбе с Серой империей, в которой я избрал чисто оборонительную позицию, не смотря на все мерзости, что творили серые в завоёванных ими мирах. Возможно именно знание того, что может случиться, если мы не устоим в борьбе с Серой империей, усилило мой страх за судьбу Сегурии, а отсюда страх спровоцировать серых на агрессию, хотя в глубине души я прекрасно понимал, что агрессия рано или поздно случиться, это вопрос времени.

Всё это оказало решающую роль на мою позицию в совещании, когда Странник, рассказав о своём виденье ситуации с Серой империей, предложил сделать вылазку в один из миров, подвергнувшихся вторжению серых всадников. Целью этой вылазки Странник считал разведку боем, что бы определить сильные и слабые стороны противника, а так же по возможности нанести устрашающий удар по врагу, что бы выиграть время, которое, по какому-то глобальному плану Странника нам необходимо, как воздух. Я, опасаясь, что эта вылазка может спровоцировать агрессию Серой империи, был категорически против, о чём прямо и заявил. Меня, после недолгих колебаний поддержал Ляргус, зато Кувай,

Яргуст и Марк сочли мои слова чуть ли ни как проявление трусости, хотя в открытую об этом никто, конечно, не сказал.

Странник, видя, как складывается ситуация, повел себя очень дипломатично. Заявив, что он вовсе не стремится внести раскол между нами, поэтому он, не отказываясь от своего намеренья, возьмёт с собой только Джона Мильтона. Когда остальные его ученики стали возмущаться, он заявил, что их усилия потребуются позже. Спорить с ним было бесполезно, запретить его поход я, при всём желании, не мог, поэтому пришлось смириться и, скрепя сердце, проводить его на другой день в дорогу.

Они ушли, вроде всё было правильно, но душа моя испытывала чувство вины перед этими людьми, словно я их предал. Сколько я ни пытался заглушить это чувство, приводя различные весомые, на первый взгляд, аргументы, обладающие «железной» логикой, чувство вины не отпускало. Это чувство вины, вкупе со страхом, что Странник может разбудить лихо, которое всеми своими силами обрушится на мою страну, защитить которую в данный момент мы ещё не можем. Всё это вызвало в моей душе такой раздрай, что я все то время, пока Странник с Джоном отсутствовали, не мог ни спать, ни есть, лишь пил вино, однако достичь опьянения, что бы отключиться, так и не смог.

Сидя бессонными ночами с неизменным бокалом красного вина, я постоянно находился в тонких структурах реальности, слушая, что происходит в окружающих мирах, пы-

таясь понять, что делает в это время Странник. Сначала всё было тихо, не считая мелких возмущений эфира, которые, как правило, возникают при движении через миры ходящих-по-мирам. Я уже было начал надеяться, что Странник отказался от своей затеи, но не тут-то было. Стоило только мне расслабиться, как я уловил мощный толчок силы, причём силы не простой, а Древней. Сомнений не было, это начал действовать Странник. Всё, теперь обратного пути нет. Теперь или реализуется замысел Странника, и мы получим передышку, или в скором времени следует ожидать нападения Серой империи. Толчки силы повторялись несколько раз, затем прекратились. Было непонятно, победил ли Странник или они с Джоном погибли; узнать это можно будет только в том случае, если они вернуться целыми и невредимыми, или снова себя как-то проявят. В то, что они погибли, я не верил; не такой человек Странник, что бы так просто погибнуть, да и Джон – парень не промах. Однако эфир молчал, словно после бури, вызванной Древней силой, установился полный штиль, даже шум, производимый ходящими-по-мирам, затих, словно все они одновременно застыли на месте.

Послушав какое-то время затихший эфир, я решил проверить наблюдающие заклęcia, которые я установил в своё время в некоторых мирах, подвергнувшихся в разной мере агрессии Серой империи. Тут меня ожидала приятная неожиданность – в этих мирах, как показали заклęcia, на-

чался вывод войск империи, причём вывод этот был больше похож на эвакуацию.

Меня охватила радость пополам с восхищением. Замысел Странника блестяще осуществился, что вызвало во мне искреннее восхищение этим человеком. Он в очередной раз победил, заставив всех нас, считаться с ним. Я в тот момент, когда первая радость и восхищение несколько утихли, ощутил себя сторонним наблюдателем, словно меня лишили участия в деле, которое я долгие годы готовил, а в последний момент меня взяли и вежливо так отстранили от его реализации. Это было обидно, но самое обидное было то, что обижаться-то было не на кого, разве, что на себя самого. Ведь это я сам проявил нерешительность в тот момент, когда следовало действовать. Так что, пережив несколько неприятных минут, я справился с обидой и продолжил наблюдать за эфиром, который всё так же хранил гробовое молчание.

Вот так я и сидел в своём кабинете, слушал тишину и не спеша пил вино. Время близилось к утру, когда эфир вновь ожил. Я уловил несколько всплесков Древней силы, по мощности значительно более слабых, чем первые удары, но всё равно впечатляющие. Меня вновь охватила радость, теперь чистая, без всякой обиды.

Странник и Джон вернулись накануне помолвки Кувая. Они были усталые, но при этом буквально светились радостью одержанной победы. Ещё бы не радоваться, когда одержана первая, по настоящему крупная победа над Серой

империей, которая позволит нам выиграть так необходимое время, а самое главное, эта победа показала, что серых всадников можно бить, главное бить их на расстоянии, на котором не действуют их подавляющие волю заклятия.

Не успели отгулять помолвку Кувая, как вновь пришлось собираться в дорогу. На этот раз Куваю необходимо было посетить империю Повелителей драконов, что бы постараться добиться аудиенции у Повелителя; это предписано было его судьбой при достижении им двадцати пяти летнего возраста.

В связи с этой вылазкой, у меня со Странником возник небольшой конфликт. Когда он узнал, что Кувай должен посетить столицу и встретиться с отцом, то заявил, что это ему очень не нравится, и он постарается сделать всё, что бы избежать этой встречи. Пришлось Ляргусу объяснить, что эта встреча с отцом, предписана Куваю, как необходимый этап его судьбы. Расчёты Ляргуса, которому, в своё время, из множества возможных вариантов судьбы малыша Кувая пришлось выбирать наилучшую, включали в себя и эту предстоящую встречу. Мы довольно долго разбирались в вычислениях, представленных старым жрецом и, в конце концов, пришли к выводу, что этот вариант судьбы на самом деле является наилучшим. Следовательно, встреча Кувая с Повелителем драконов неизбежна. Вот тут-то и возникло противоречие между мной и Странником, который заявил, что мне нельзя сопровождать Кувая, потому что я являюсь слишком известной фигурой в империи и, к тому же объявлен врагом

Повелителей. Стоит лишь мне появиться в столице и меня тут же схватят, а заодно и Кувая.

Слова Странника вначале вызвали у меня возмущение, но успокоившись, я согласился, что он прав. На мой вопрос, кто же будет сопровождать Кувая, Странник предложил свою кандидатуру. Я и Ляргус признали, что лучшей кандидатуры для сопровождения Кувая не найти. На другой день Кувай в сопровождении Странника, Джона и Марка, покинули Сегурию, направляясь в столицу. Из всей четвёрки, только Марк знал столицу, остальные шли туда впервые, даже Кувай, который, хотя и родился там, но покинул столицу в возрасте менее суток от роду.

Мы с Ляргусом постоянно наблюдали за передвижением путешественников, благо в пределах нашего мира это было не трудно. Эти наблюдения заставили нас изрядно поволноваться и поломать голову по поводу странных событий, сопровождающих наших путешественников.

Первой странностью было то, что группа Странника остановилась где-то в предгорьях гор, которые окружали столицу. Что заставило их отклониться от маршрута и застрять в лесной глуши, ни я, ни Ляргус не могли понять. Было ощущение, что Странник чего-то выжидает. Какое-то время мы со старым жрецом ломали голову над тем, что заставило наших путников остановиться там, где они остановились, но тут произошла новая странность, которая надолго поставила нас в тупик.

Произошло это буквально на второй день после того, как наши путники остановили своё движение. Утром от группы отделился один человек, судя по наличию Древней силы, это был Странник, который немного отойдя от места, где осталась вся группа, открыл проход и, развив немыслимую для нас скорость, быстро стал перемещаться к какой-то, только ему известной, цели. Он двигался так быстро, что мы очень быстро его потеряли.

После этого нам осталось только ждать. Там, где остановились наши друзья, целый месяц ничего не происходило; и весь этот месяц я и Ляргус жили как на иголках, не понимая, что происходит. Я даже одно время хотел сам отправиться к Куваю, но Ляргус посоветовал мне набраться терпения и ждать, как чего-то ожидают наши друзья. Я с ним согласился, потому что внутренне понимал, что мой вояж туда ни чего хорошего не даст, а, скорее всего, может помешать Куваю и его друзьям.

Примерно через месяц вернулся к друзьям Странник, который пришёл так неожиданно, что мы не смогли засечь момент его вхождения в наш мир, а, спустя ещё примерно двое суток, наш маленький отряд во главе со Странником наконец-то тронулись в путь к столице империи Повелителей драконов.

Однако странности их путешествия на этом не кончились. Вместо того, что бы, как было договорено заранее, проникнуть в столицу незаметно, наши друзья открыто проехали

через ворота. Мало того, они почему-то проследовали прямо в старый дворец Повелителей, где, как мы знали, в то время жили сыновья Повелителей – братья Кувая. Они, что там, совсем потеряли осторожность? Я был напуган тем, что Странник прямо ведёт своих спутников в лапы Повелителей, которые наверняка уже знают об обряде признания Кувая законным наследником престола Повелителей драконов. Естественно, что это не могло понравиться Повелителям, которые, в первую очередь постараются захватить и уничтожить Кувая, а с ним и остальных. Правда, я сомневался, что наши друзья, особенно Странник, будут лёгкой добычей Повелителей, но всё же....

Меня несколько успокоил Ляргус, который посоветовал мне набраться терпения и ждать, мол, Странник знает, что делает. У меня особого выбора не было, поэтому я внял совету старого жреца и стал наблюдать за тем, что будет дальше.

Это самое дальше не заставило себя долго ждать. Поздно вечером, скорее даже ночью, так как время было уже за полночь, произошёл выброс Древней силы, после чего наши друзья разделились. Странник с кем-то, кто это был мы так и не поняли, вырвался из дворца и быстро скрылся где-то в переулках столицы. Двое других стали перемещаться в подвал дворца, и, как мы поняли, перемещение это было отнюдь не по их воле. Скорее всего, двоих наших схватили и потащили в подземную тюрьму. Сначала я очень испугался за Кувая,

но потом, трезво поразмыслив, успокоился, решив, что раз Странник на свободе, то не всё ещё потеряно. Вряд ли Ку-вая сразу попытаются убить; скорее всего, его заточат в какой-нибудь подземной тюрьме, что бы побольше разузнать, что делается в Сегурии, которая в империи уже давно считается гнездом заговорщиков и предателей. Раз так, то Странник его освободит. Зная, как Странник относится к своим ученикам, я ни минуту не сомневался, что он скорее сотрёт с лица земли столицу вместе с её жителями, чем позволит нанести вред своим ученикам, а особенно Куваю. Поэтому я набрался терпения и стал наблюдать, как будут развиваться события дальше.

Примерно дня три о Страннике и его учениках не было ни слуха, ни духа. Я и Ляргус просто не находили себе места, не понимая, что случилось с нашими друзьями. Мы чувствовали, что они всё ещё живы, но определить где они и что с ними не было никакой возможности, словно их накрыли каким-то абсолютно непроницаемым для любых воздействий куполом. Ляргус попытался определить, что это за купол. Он создал очень сложное заклятие, с помощью которого пытался определить природу необычного явления, захватившего наших друзей. Когда заклятие было готово, нам осталось только ждать результата.

Ждать пришлось недолго. Мы сидели у меня в кабинете, не спеша пили вино и, внутренне сконцентрировавшись, ожидали результата работы заклятия. Вдруг свечи в высоком

канделябре, стоявшем на столе, разом погасли, а над столом возникло неяркое свечение зеленовато-голубого оттенка. В этом свечении медленно стал проявляться образ горы, на плоской вершине которой, возвышалась гигантская пирамида, увенчанная яростно сверкающим шаром. Всё встало на свои места, хотя легче от этого не стало.

Видение длилось не более минуты, но и этого хватило, что бы понять, кто или что вмешалось в судьбу наших путешественников, хотя это понимание ни столько не внесло ясность в судьбу Странника и его спутников, сколько породило множество новых вопросов, ответов на которые у нас не было. На наших друзей обратила внимание самая загадочная сила нашего мира, о которой никто из нас практически ничего не знал, хот она всегда была на виду. На наших друзей обратила внимание Обсерватория.

Когда образ Обсерватории растаял в воздухе, свечи загорелись сами собой, осветив наши удивлённые лица. Для того, что бы было понятно, следует несколько слов сказать о том, что такое Обсерватория. Внешняя форма Обсерватории известна практически всем жителям столицы, а так же каждому, кто хоть раз посетил столицу империи Повелителей драконов. Однако никто, даже Мастера Искусства, понятия не имеет, что это такое, для чего предназначена и какие функции осуществляет. Она была здесь задолго до того, как наши далёкие предки основали здесь столицу будущей империи и многие считают, что она возникла одновременно с воз-

никновением нашего мира. Так что кто её создал и для каких целей, можно было только догадываться. Прямому изучению она не поддавалась, никакие наши заклятия на неё не действовали, а все попытки проникнуть в тайну Обсерватории, получали мягкий, но непреклонный отпор. Беда в том, что все наши попытки узнать хоть что-то об этом феномене возможны были только дистанционно, так как прямо подойти к Обсерватории не было никакой возможности. Дело в том, что территория, на которой стояла Обсерватория, в радиусе, примерно метров триста, была окружена мощным силовым полем, преодолеть которое не мог ни один человек. Хотя тут дела обстояли не совсем так. При Обсерватории существовал некий сходный с монашеским, орден. Члены его носили длинные чёрные плащи с капюшонами, скрывающие лицо, отороченные по краю серебряным орнаментом. Орден был малочисленным и хорошо умел хранить свои тайны, так что за тысячелетия существования империи Повелителей драконов ни сами Повелители, ни многочисленные имперские жрецы, самых разных религий, ничего толком о том, чему служит Обсерватория, и чем занимаются жрецы таинственного ордена, так и не узнали. В конце концов, решили, что Обсерватория является очень сложным механизмом, поглощающим и перераспределяющим силу. Это определение, хотя ничего не объясняло, зато всех устраивало.

Не скажу, что древние Повелители не стремились разгадать тайну Обсерватории, ещё как старались. По приданию,

первый Повелитель, столкнулся со жрецами Обсерватории, которые помогли ему тогда справиться с врагами. Он заключил тогда с орденом Обсерватории договор, по которому земля вокруг Обсерватории на вечные времена передаётся ордену, а империя обязуется, ни при каких условиях не вмешивается в дела ордена. Насколько я знаю, этот договор до сих пор хранится в имперском казначействе. Несколько раз Повелители пытались пересмотреть этот договор, но безуспешно. Все попытки кончились плачевно для империи. Последняя из них была предпринята лет триста назад. Тогдашний Повелитель начал настоящую осаду Обсерватории, по всем правилам военного искусства. Кончилось это всё массовой гибелью гвардейцев и внезапной смертью Повелителя. С тех пор договор соблюдается неукоснительно. Обсерватория, в свою очередь никогда не вмешивалась в дела империи, и вот неожиданно проявила интерес к нашим друзьям, и не просто проявила, а похоже спасла их и укрыла у себя.

– Надо же, – с удивлением в голосе сказал Ляргус. – Похоже, наши усилия по противостоянию Серой империи совпали с целями Обсерватории, и она решила взять под свою защиту наших друзей. Видимо серые, в случае захвата нашего мира, могут как-то помешать Обсерватории, и она считает нас союзниками. В любом случае, наши путешественники сейчас в безопасности.

Я целиком был согласен со старым жрецом. Потянулось

время ожидания, когда просто ничего не происходило. Где-то дня через три мы с Ляргусом облегчённо вздохнули – наши друзья наконец-то объявились, да ещё как. Эфир буквально взорвался серией явно щадящих ударов, настолько они были слабы, однако по этим ударам мы без труда опознали почерк наших пропавших друзей. Странник со своими учениками, вырвался из города, причём вырвался незаметно для противника, скорее всего их кто-то вывел из города, а теперь со всей возможной быстротой спешил в Сегурию. Мы без труда опознали очень расчётливые удары Марка; сходные с ними, но более чёткие, удары Джона (они с Марком были очень близки и поэтому техники их тоже были похожи); ни с чем нельзя было спутать несколько хаотичные, но точные удары Кувая, по которым можно было определить, что он в это время находится в образе дракона. Особенно выделялась манера Странника, который, судя по всему, ни как не хотел нанести серьёзный ущерб преследователям, нанося очень выверенные аккуратные удары, рассчитанные скорее на то, что бы испугать, а ни как не убить.

Мы с Ляргусом вздохнули с облегчением, все были живы, и судя по всему здоровы. Скоро мы будем их встречать, устроим праздник, но в первую очередь выслушаем их рассказ обо всём, что с ними произошло. Самое главное, что они возвращаются, выполнив то, что должны были сделать.

Мы с Ляргусом выпили за то, что бы наши друзья скорее вернулись домой, и я отправился, на правах хозяина, распо-

рядиться подготовить праздничный вечер. После этого, захватив с собой Яргуста, мы отправились на встречу возвращающихся друзей.

Вечером, когда все удачно вернулись домой, мы сидели за столом, ели вкуснейшую еду, запивая её вином, и разговаривали о том, что уже было и том, что ещё только будет. В этот раз в застолье принимали участие, помимо Странника и его учеников, Ляргус и Яргуст, ну и конечно я. Когда все утолили голод и жажду, наступило время серьёзного разговора обо всём, с чем столкнулись Странник и его ученики, как пережил встречу с собственным отцом Кувай и что всем нам придётся сделать за ближайшие годы.

Я слушал рассказ Странника о том, что пришлось пережить в столице, насколько глубоко пустила корни в столице серая немощь, и вдруг поймал себя на мысли, что с тех пор, когда принёс в Сегурию маленького Кувая, я сильно изменился. Поневоле став домоседом, я незаметно для себя превратился в очень осторожного, практически трусливого старика, склонного к обидчивости и мнительности. Эта мысль мне очень не понравилась, и я хотел просто отмахнуться от неё, но не тут-то было, она вцепилась в меня, словно пёс в сахарную косточку и ни за что не хотела отпустить меня, а только злобно огрызалась, показывая то, насколько низко я пал. Я понял, что так просто эта мысль меня не оставит, смирился и стал, по своему обычаю анализировать положение вещей.

Анализ показал, что для ходящих-по-мирам крайне вредна оседлая жизнь. Дело в том, что нахождение в постоянном движении, когда на тебя обрушивается лавина впечатлений, не позволяет страхам, а вместе с ними и греховным чувствам и мыслям захватить тебя, им для этого просто нет места. Однако, стоит ходящему-по-мирам на более-менее длительный срок задержаться на одном месте, как тут же он подвергается агрессии страха. У него портится характер; он становится слишком осторожным, мнительным; ему начинает казаться, что на его авторитет кто-то покушается. Вот к таким неутешительным выводам пришёл я, слушая рассказ Странника и анализируя своё поведение в последние годы.

Неужели я стал стариком? Всё во мне противилось этому. Ещё бы, ведь стариком я себя никогда не ощущал, да и возрастом был намного моложе того же Странник, не говоря уж о Ляргусе. Нет, мне просто нужна хорошая встряска и я опять стану прежним, решил я для себя и переключил своё внимание на рассказ Странника, который в это время рассказывал о глубоко засекреченном плане Повелителей по противостоянию Серой империи.

Тут у меня произошёл всплеск обидчивости, который я тут же постарался задавить в самом зародыше. Это произошло, когда мне стало ясно, что Ляргус с самого начала был в курсе этого плана. Обиду вызвало, что мой старый Учитель не посчитал нужным посветить в этот план меня, а предпочёл использовать в тёмную. Я тут же постарался взять себя в

руки, включив сознание, которое тут же пришло на помощь, напомнив мне о том, как я использовал в своё время Странника. Мне тут же стало стыдно, зато обида на Ляргуса прошла практически мгновенно. Я прекрасно понял, что Ляргус не имел права посвящать в тайну Повелителей никого, даже меня, так что обижаться не на что.

Дальше, когда Странник стал рассказывать о посещении Обсерватории, я весь превратился в слух. Ещё бы, Страннику удалось то, что до сих пор не удавалось никому из Повелителей на протяжении многих тысячелетий. Теперь, благодаря вылазке Странника с учениками, мы знаем об Обсерватории несравненно больше, чем за всё предыдущее время. Всё, что рассказал Странник, а я всё же думаю, что он рассказал далеко не всё, что знал, было настолько интересно, что я слушал рассказ, затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы слово.

То, что Странник, закончив свой рассказ, рассказал далеко не всё, было понятно. Все мы, в той или иной мере что-нибудь недоговариваем – каждый имеет право на личные тайны, однако у меня после его рассказа осталось небольшое разочарование, словно тебя подразнили чем-то ужасно интересным, но так и не дали. Например, он ни словом не обмолвился о том, что с ним было при прохождении испытания в Обсерватории, и куда он ходил, пока ученики его ожидали возможности попасть в столицу. Но, тут уж ничего не поделаешь, пока сам не захочет, не расскажет.

Однако всё, что рассказал Странник до этого, оказалось всего лишь цветочками, ягодки появились, чуть позже, когда он чуть-чуть приоткрыл перед нами свой план борьбы с серой империей. Слушая его спокойный уверенный голос, я совершенно забыл, что Странник утаил от нас часть информации, столь грандиозен был этот план.

Даже то, что он открыл нам его, правда в самых общих чертах, говорило о том, что он нам вполне доверяет. Сначала он повторил своё убеждение, что для борьбы с Серой империей привычные для нас методы борьбы неприемлемы. Её серое воинство почти не имеет страха смерти; судя по всему, на них наложено какое-то заклятье, притупляющее инстинкт самосохранения, поэтому прямые стычки с ними малоэффективны. Это враг, который способен на время отступить, но не способен сдаться. Их командиры, не задумываясь, гонят на убой всё новые и новые полчища своих воинов, совершенно не считаясь с потерями, поэтому, если начнётся большая война, а тогда нам поневоле придётся в неё вмешаться, мы либо проиграем, либо должны уничтожить всё население Серой империи.

Не надо думать, что те, кто управляет Серой империей злые тупицы; нет, они отнюдь не глупые люди и не тупые маньяки, которые творят зло ради любви к злу. Судя по тем командирам армии вторжения, с кем мне с Джоном удалось пообщаться, это вполне здравомыслящие люди, которые очень ясно представляют свои цели. Мы же пока не име-

ем представления, чего они хотят, в чём цель их экспансии. Мы пока имеем только самые общие представления о нашем противнике, поэтому в ближайшее время воевать нам с ними не следует.

С этими словами Странника я был полностью согласен, лишь одно его предложение вызвало некоторые сомнения. Его слова о возможной победе над Серой империей через поголовное истребление её населения, вызвали в душе какой-то, совсем не свойственный мне гуманизм. Этого ещё не хватало, раз они враги пускай либо сдаются, либо пусть погибают. Однако проклятый гуманизм во мне вовсе не собирался сдаваться без боя. Он начал навязчиво теревить мою совесть, которая стала пробуждать во мне сомнения, примерно такого плана: врагов надо уничтожать, а разве можно убивать женщин и детей, которые ни в чём не виноваты? Совесть заставила меня воспользоваться паузой, которую сделал Странник, что бы задать вопрос, которому я постарался придать нейтральную форму. Он звучал примерно так: Ты, что реально полагаешь, что мы способны уничтожить всё население Серой империи?

Странник с каким-то удивлением посмотрел на меня, затем с минуту помолчал и, наконец, заговорил. То, что он сказал, заставило меня посмотреть на себя с определённой долей стыда. Я вдруг увидел, насколько я изменился за эти годы моего сидения в вотчине. Да, домоседство дурно влияет на ходящих-по-мирам. Во что я превратился? Никогда

прежде я не был жесток, а тем более кровожаден, а тут позволил себе допустить мысль о поголовном уничтожения населения огромной империи. Я вдруг увидел себя со стороны, и то, что я увидел, мне крайне не понравилось. Я увидел какого-то мелочного злобного старика, готового для достижения собственных целей, пусть даже самых, что ни на есть благородных, погубить целый мир. Мне стало ужасно стыдно от того, каким я стал. Нет, так не годится. Надо что-то делать.

Обычно человек, переживший стыд, испытывает некое неудобство, общаясь с человеком, который вольно или невольно пробудил у него это чувство. В моём случае было всё совсем наоборот. Вместо стеснения, которое, что греха таить, всё же сначала посетило меня, однако очень быстро сменилось чувством благодарности к Страннику, который сумел ненавязчиво показать мне, во что я превратился. Вслед за благодарностью пришло чувство освобождения, словно я долго находился в закрытом помещении и вдруг вышел наружу. Я понял, что с этого момента ещё один барьер между мной и Странником рухнул; мы ещё на один шаг стали ближе друг другу.

Странник ответил на мой вопрос, хотя я был уже не рад, что задал его, достаточно развёрнуто. Первое, что он сказал, было его удивление по поводу моего вопроса. Сказать по правде, я на его месте был бы так же удивлён, задай он мне такой вопрос.

– Говоря о возможности поголовного уничтожения населения Серой империи, я имел в виду именно возможность, которая при нынешней расстановке сил, вполне реальна, – заговорил Странник. – У меня даже мысли не возникало проверить этот тезис на практике. Поэтому мне даже странно, что ты, уважаемый Азар всерьёз задал мне этот вопрос. Я, конечно, понимаю, что агрессия Серой империи напрямую угрожает твоей вотчине, поэтому ты вправе допустить даже такой вариант исхода будущей войны. Поэтому я постараюсь, как можно убедительней ответить на твой вопрос. У моего тезиса об уничтожении населения серой империи существует две стороны. Первая отвечает на вопрос – можем ли мы полностью уничтожить население Серой империи? Если говорить честно, конечно можем, но при этом, скорее всего, погибнем и сами, или, в лучшем случае, понесём такой урон, что это будет победа хуже поражения. Что бы это было предельно ясно, расскажу вам в общих чертах расстановку сил на данный момент. Дело в том, что безудержное расширение Серой империи, её бесконечная экспансия, нарушают равновесие Мироздания, что, естественно, не может радовать Вселенские силы, стоящие на страже этого равновесия. Поэтому в нашем противостоянии с серыми, Вселенские силы на нашей стороне, но до тех пор, пока наше противостояние не будет, в свою очередь, нарушать равновесия мироздания. Так вот, если мы нанесём удар такой силы, что бы уничтожить Серую империю физически, то тем самым

нарушим вселенское равновесие. Вот тогда Вселенские силы обернуться против нас, а это, скажу я вам более чем серьёзно. Но это хотя и серьёзная, но отнюдь не единственная причина не делать этого. Например, мы понятия не имеем, какими людскими ресурсами обладает Серая империя, её реальные цели, её магию, её возможности. Короче, мы практически ничего о нашем противнике не знаем, а поэтому о нанесении сокрушительного удара по нему не может быть и речи. Но самое главное, это то, что я ни за что не стану участвовать в поголовном уничтожении подданных Серой империи. Вся моя натура противиться этому. Я согласен сражаться с вооружённым врагом, хотя и это не доставляет мне удовольствия. Когда мы с Джоном увидели степь, до горизонта покрытую обгорелыми трупами серых всадников, меня чуть не вырвало.

Помню, как ответив на мой вопрос, Странник надолго замолчал. Лицо его при этом словно закаменело, превратившись в странную маску, за которой, как я тогда понял, скрывался очень ранимый, с огромной любящей душой, много переживший, усталый человек.

Спустя какое-то время, Странник продолжил свой монолог. Теперь он в общих чертах рассказал о разработанной им долговременной стратегии борьбы с Серой империей. Было видно, что всё, о чём он говорил, было плодом долгих размышлений и личных наблюдений Странника, чья Древняя память начала пробуждаться, наделяя его колоссальным

опытом.

Весь стратегический план борьбы с нашим врагом, предложенный Странником он разделил на две части. Первая часть этого плана, я назвал её подготовительной. В ней было учтено всё, что нам необходимо было сделать, что бы встретить войну с Серой империей полностью подготовленными. Главной задачей подготовки к войне, по словам Странника, с которыми я полностью согласен, было спасти как можно больше подданных империи Повелителей драконов, когда империя неминуемо рухнет.

То, что империя Повелителей драконов обречена, не сомневался никто – уж больно глубоко в ней пустила корни серая немочь. Окончательное её падение было лишь вопросом времени. Вот за это время и шла теперь борьба. Ради того, что бы выиграть время, сделали свою вылазку Странник и Джон; ради этого вели свою невидимую внешне войну Повелители драконов, ради этого вели свою борьбу сотни, а может и тысячи, людей, демонов, ангелов и других разумных существ этой части мироздания. Все они, способные почувствовать, что великое равновесие мироздания опасно нарушено, осознанно или нет, встали за то, что бы препятствовать этому. Нет, они вовсе не были знакомыми между собой; зачастую они даже не подозревали, что они не одни противостоят этому вселенскому злу. Просто что-то в них не принимало, не могло принять существующий порядок вещей. Просто они не могли жить, как все; просто им было

тесно в своих мирах и они, так или иначе, вырывались из плена обыденной реальности, где рано или поздно сталкивались с серой мерзостью, расползающейся по мирозданию. Большинство из них никогда не знали, что где-то в бесконечных просторах пространства и времени существует империя Повелителей драконов, мало ли в мироздании самых разных империй. Однако, ведя бесконечную борьбу со злом, которое в их мирах может иметь форму бесконечно далёкую от формы Серой империи и её всадников, они поневоле становились нашими союзниками. Странник полагал, что именно в империи завязался основной узел борьбы, что именно здесь будет сделан первый шаг к окончательному разгрому Серой империи.

В этом вопросе я был целиком согласен со Странником, только никак не мог понять, в чём его замысел. Я по-прежнему не представлял себе другого способа противостояния Серой империи, кроме прямого военного столкновения.

Далее Странник стал более подробно говорить о том, что всем нам предстояло сделать в ближайшие лет пять; примерно такой срок относительно спокойной жизни он предполагал, правда заранее предупредил, что этот срок может оказаться значительно короче. Как пойдут дела, туманно заявил он. Однако, так или иначе, особо расслабиться нам не получится – работы, как говорится, выше крыши.

То, что он стал говорить дальше, о предстоящей всем нам работе заставило всех слушать затаив дыхание. Было от че-

го затаить дыхание, уж больно невероятные вещи рассказывал Странник. Даже мне, мастеру Высокого искусства, вотчиннику, они казались просто фантастикой. Если бы о таких вещах говорил бы не Странник, а кто-нибудь другой, ни за что бы, ни поверил, а тут сидел, как мальчишка, только что, не раскрыв рот, и слушал, боясь пропустить хоть слово. Речь же шла о грандиозном замысле, ни много ни мало, о переносе Обсерватории из нашего мира в специально созданную для неё вотчину, которую ещё нужно было создать. Я, как человек собаку съевший в Высоком искусстве, прекрасно понимал, какие трудности предстоит преодолеть для реализации этой воистину грандиозной задачи, задуманной Странником. Не смотря на это, я, почему-то сразу поверил, что замысел Странника будет с успехом реализован, причём самым наилучшим образом. Мало того, я не просто поверил ему, а стал самым горячим сторонником всех его действий. Былое недопонимание между нами после этого разговора растаяло как туман под лучами утреннего солнца.

Странник говорил о том, что Обсерватория, в случае прямой для неё опасности, способна самостоятельно переместиться в другой мир, но это может повлечь за собой гибель нашего мира, а никому из нас этого бы не хотелось. Кроме того, не гарантировало, что спустя какое-то время серые не найдут дорогу и в тот мир, куда переместится Обсерватория. Если же создать вотчину и переместить в неё Обсерваторию, то туда без её разрешения не будет доступа никому, а запла-

нированный Странником переход будет происходить в щадящем режиме с наименьшими разрушениями в нашем мире.

Идея мне понравилась, но возникли сомнения в том, хватит ли нам времени для детальной подготовки задуманного. Я прекрасно помню, сколько трудов и времени потребовалось мне для создания вотчины, а уж о предстоящих трудностях при перемещении такого объекта, как Обсерватория, я мог только догадываться. Своими сомнениями я поделился со Странником, на что он ответил настолько убедительно, что мои сомнения отпали сами собой.

Понимаешь, Азар, ответил на мои сомнения Странник, дело в том, что вся подготовительная работа к перемещению Обсерватории уже сделана учениками. Это они создали заклятие перемещения. Особенно в этом деле отличился Кувай, хотя, впрочем, по другому и быть не могло, ведь именно ему предстоит в будущем запустить это заклятие. Каждый из учеников создал свою часть этого великого заклятия, что зачтено как успешно сданный экзамен по теоретической магии. Мне осталось только сбалансировать это заклятие, да насытить его силой. Тут мне на помощь пришла сама Обсерватория, которая щедро поделилась своей силой. Так что подготовительная, самая трудоёмкая часть работы, уже сделана, остались только кое-какие детали.

Что же касается создания вотчины для Обсерватории, то тут особых сложностей не предвидится. В отличие от со-

творения Сегурии, наша задача значительно проще. По сути, нам требуется создать лишь особое, изолированное от остального мироздания пространство, надёжно защищённое от внешнего вторжения. Всё остальное, что необходимо для жизни людей, которые уйдут вместе с Обсерваторией, она создаст сама.

Я долго размышлял над вопросом, где лучше всего пространственно поместить вотчину Обсерватории, и пришёл к выводу, что лучшим местом для этого должен стать один из пограничных с Серой империей миров, недавно подвергшихся нападению серых всадников. Этим мы убиваем сразу двух зайцев. Размещение такой силы, которой является Обсерватория, вблизи границы Серой империи, вызовет, с одной стороны, страшный переполох у главарей Серой империи, заставит их поломать голову над этим фактом. Пока они не поймут, что к чему, они вряд ли решаться напасть на нас. Это позволит нам выиграть время для глубокой разведки Серой империи, а Обсерватория нам в этом подыграет. Кроме того, Обсерватория прикуёт к себе значительные силы серых всадников, что, опять же послужит на пользу нам. Это второе. Наконец, самое главное, удобное для нас расположение Обсерватории поможет нам реализовать вторую часть плана разгрома Серой империи.

Всё сказанное Странником было настолько логичным, что я сразу же принял эту информацию почти как истину, однако мой дух противоречия всё же постарался ввести меня в

сомнения. Я спросил Странника, на чём основана его убеждённость в том, что Серая империя будет действовать именно так, как он предполагает. На это он ответил мне достаточно развёрнуто и убедительно.

Понимаешь, друг мой Азар, сказал он с лёгкой улыбкой, мои наблюдения за серыми всадниками достаточно убедительно показывают, что они слетаются на проявления силы, как осы на мёд. Вспомни, как они активны возле Вселенского маятника и, как я слышал, возле Трактира-на-перекрёстке. Да и империя Повелителей драконов так их привлекает только потому, что в ней находится Обсерватория. Я давно уже понял, что Серая империя является по существу Вселенским вампиром, вся цель существования которого является охота за силой. Поэтому она поведёт себя именно так, как я предполагаю. На это моему духу противоречия нечего было ответить, но зато, когда он начал распределять обязанности среди исполнителей, во мне проснулась гордыня.

Почему гордыня проснулась именно тогда? А как ей было не проснуться, когда я вдруг оказался не удел? Всем в представленном Странником плане нашлось место, кроме меня. Меня просто отодвинули в сторону, что бы я ни путался под ногами занятых важным делом людей. Стало очень обидно, хотя душой я чувствовал, что своей осторожностью, я сам подготовил себе такое отношение к себе. Но даже это понимание, не улучшило моего состояния.

Странник заявил, что он сразу после свадьбы Кувая от-

правляется создавать вотчину для Обсерватории. С собой он забирает учеников, кроме Кувая, и плюс к ним Яргуста. Ну, с Куваем всё понятно – кто же берёт в опасный поход новобранного? Странник сказал, что он должен будет окончательно доработать заклятие перемещения, родить наследника и быть готовым прийти к ним на помощь, если таковая вдруг потребуется. Я, честно сказать, рассчитывал, что место Кувая в их группе он предложит мне, но я ошибся, что ещё больше испортило мне настроение.

Закончив с учениками, Странник обратился к Ляргусу, попросив его связаться с Повелителем. Ляргус, по своей всегдашней скрытности, сделал удивлённое лицо и стал уверять, что он не имеет связи с Повелителем, что он простой изгнанник и так далее, и тому подобное. Странник со снисходительной улыбкой, которую он даже не пытался скрыть, наблюдал за ним. Когда же старый жрец, наконец, кончил валять дурака, Странник достаточно твёрдо повторил свою просьбу. Она заключалась в том, что бы передать Правителю просьбу постепенно наращивать репрессии против жителей столицы.

Я ожидал всего, что угодно, но только не этого. Зачем ему понадобилось, что бы Повелитель усилил репрессии против населения столицы? Моё недоумение, по-видимому, было написано у меня на лице, поэтому Странник поспешил ввести меня в курс дела. Всё оказалось до банальности просто. Странник просто хотел спасти как можно больше жителей

столицы, а для этого было необходимо, что бы большинство горожан покинули столицу задолго до начала решающих событий, которые, судя по всему, грозили разрушить древний город до основания.

Я был просто поражён столь многоплановым сознанием Странника, кажется, он предусмотрел всё. Тот, видимо почувствовав мою обиду, заявил, что для меня предусмотрено особое очень важное поручение, если, конечно, я буду не против. Я, конечно, был не против. Странник довольно подробно рассказал мне, что я должен буду сделать. В мою задачу входило встретиться со всеми вотчинниками империи, что было довольно сложно. Всего в империи было, включая и меня, семнадцать вотчинников, которые после известных событий удалились в свои вотчины, где они и пребывали, не показывая наружу и носа. Как я понял, они просто хотели отсидеться, ни во что не вмешиваясь. Я их прекрасно понимал, ибо сам был вотчинником и знал, чем придётся рисковать, вступив в противостояние с Серой империей. Вот теперь мне предстояло встретиться с каждым из них и постараться убедить их встать в ряды борцов с серой немочью. Дело это, скажу я вам, вовсе не такое простое, как может показаться на первый взгляд.

Почему это так? Ответ достаточно прост, хотя от этого моя задача вовсе не делается легче. Дело в том, что все вотчинники являются самодостаточными личностями, а раз так, то они вовсе не нуждаются в общении с себе подобными. По-

этом, укрывшись в своих вотчинах, они ведут настолько замкнутый образ жизни, что даже для того, что бы вызвать их на связь придётся изрядно попотеть. Ну, что же. Нам ли искать лёгких путей? Самое главное, что я оказался нужным моим друзьям.

Суть моего задания заключалась даже не в том, что бы сделать вотчинников своими союзниками в борьбе с Серой империи, а в том, что бы уговорить их дать приют в своих вотчинах многочисленным беженцам, которые в скором времени должны будут заполнить дороги империи Повелителей драконов. Кроме этого я и сам должен подготовить Сегурию к приёму новых граждан.

У меня возникло одно опасение, которым я тут же поделился со Странником. Я опасался, что вместе с беженцами в вотчину могут попасть и люди заражённые серой немочью, а ни один вотчинник, включая и меня, никогда не согласится занести к себе эту заразу. На моё возражение последовал спокойный ответ, что, разумеется, он это предусмотрел. Для проверки беженцев у него есть специальное заклятие, которое ему дала Обсерватория. Этим заклятием он поделится со мной, а уж я, в свою очередь, должен буду поделиться им с теми вотчинниками, которые согласятся принять к себе беженцев.

Мои воспоминания были прерваны появлением слуги, который пришёл напомнить мне, что пора одеваться на свадьбу Кувая. Ну, что же, пора значит пора.

Путь в империю Повелителей драконов занял у меня совсем немного времени, тем более, что я опять воспользовался своим способом скоростного перемещения по мирам. В этот раз я вошёл в мир империи гораздо аккуратнее, чем в прошлый раз, когда буквально ввалился в мир Джона. Спасибо Учителю, который, узнав о разработанном мной методе перемещения, дал несколько очень дельных советов по вхождению в нужный мир. Его советы очень пригодились, так что, если бы случился сторонний наблюдатель, он бы увидел только, как по вечернему небу промелькнул метеор, на какую-то долю секунды осветив вечерний небосвод. Ну, световой эффект, это полбеды, тем более, что, к сожалению, избавиться от него полностью вряд ли удастся. Самое главное, что не было большого шума, того самого, с которым я ворвался в мир Джона. Во всяком случае, шум был настолько слаб, что услышать моё вхождение в мир мог лишь тот, кто непосредственно ждал моего прихода.

В мир империи Повелителей драконов я явился, когда там был толи поздний вечер, толи начало ночи. Во всяком случае, сумерки были уже достаточно тёмными, но не настолько, что бы считаться ночной тьмой, когда уже стемнело, а луна, верная спутница влюблённых, ещё не появилась из-за горизонта, на котором уже догорали последние отблески за-

ката.

Быстро настроив зрение, на ночное виденье, я огляделся, пытаюсь определить место, где я оказался. Это была небольшая, довольно уютная лесная поляна, которую окружали со всех сторон столетние дубы. Я узнал это место. Это была единственная дубрава вблизи столицы. Она росла километрах в десяти от южных ворот, и через неё проходил оживлённый тракт, по которому в прошлое посещение империи Повелителей драконов мы уходили от погони. Я убедился в правильности своей догадки спустя десять минут, когда вышел на этот самый тракт, который по случаю позднего времени был абсолютно пуст. Этим стоило воспользоваться, что бы никем не замеченным добраться до столицы.

Задача моего нынешнего посещения была так важно, что мне совсем не хотелось рисковать. Нет, вовсе не из страха, что я могу погибнуть, хотя и этого, конечно, не хотелось. Я боялся, что в случае провала моей миссии, рухнет весь грандиозный замысел моего Учителя, пропадут великие труды всей нашей группы, а кровь, пролитая моими друзьями, будет пролита напрасно. Не забывайте, что я нёс для Обсерватории ключи от её новой вотчины, ради создания которой рисковали жизнью мои друзья.

Именно, исходя из этого, я и решил до последней возможности не прибегать к магии, которая могла привлечь к моей скромной персоне нежелательное внимание. Именно поэтому я сейчас и шёл пешком, а не обратился в дракона.

Особо торопиться нужды не было – городские ворота всё равно закрыты до восхода солнца, к тому же быть в первых рядах посетителей столицы никак не входило в мои намерения – зачем привлекать лишнее внимание. Поэтому я решил, пользуясь безлюдьем на тракте, добраться до придорожного кабачка и там заночевать, а уже утром, когда на тракте начнётся интенсивное движение, смешаться с путниками и вместе с ними войти в столицу.

Довольно скоро я увидел тусклый свет фонаря, что висел при входе в кабачок, который носил звучное название «Императорская шпора» довольно коряво написанное на облупившейся от времени вывеске. Надо полагать, что хозяином кабачка, скорее всего, был отставной кавалерист. Почему-то в империи хозяевами вот таких небольших кабачков, трактиров и постоялых дворов, были в подавляющем большинстве отставные военные.

Я взялся за ручку двери и, отвариw ее, вошёл в кабачок. По обычаю, принятому в империи с незапамятных времён, двери подобных придорожных заведений никогда не запирались, даже во времена смут. Существовало даже такое поверье, что если двери начнут запирать, значит, империи пришёл конец. Так что незапертая дверь внушала надежду, что империя Повелителей драконов ещё поживёт.

Я вошёл в зал, слабо освещённый несколькими факелами. Было сильно накурено, шумно, пахло жареным мясом и пивом, в общем, была та самая атмосфера, которая харак-

терна для придорожных кабачков. Короче, зал, в котором я очутился, обладал тем самым привлекательным уютом, который может оценить по достоинству только тот, кто прошёл множество дорог. Кому не раз предоставляли пищу, питьё и кров, подобные этому заведению.

Зал, не смотря на позднее время, был почти полностью заполнен посетителями, которые представляли собой достаточно пеструю картину. Справа от входа, рядом со стойкой, расположилась целая семья какого-то зажиточного горожанина. Сам глава семьи, полноватый, начинающий лысеть мужчина лет пятидесяти, сидел в окружении домочадцев и не спеша пил пиво из большой деревянной кружки. Рядом с ним сидела супруга, которая в противоположность мужу была болезненно худа. С её невыразительного лица, на котором она тщетно пыталась сохранить остатки былой красоты, не сходило брезгливое выражение, словно ей было противно находиться в таком месте, как этот кабачок. Она потягивала из рюмки сладкий ликёр, заедая его виноградом из большой вазы, стоявшей перед ней на столе. Трое взрослых сыновей, все как один похожие на отца, так же, как и он сосредоточенно пили пиво. Две девочки-подростка, явно дочери этой пары, ели фрукты и о чём-то болтали между собой.

В противоположном углу за сдвинутыми столами сидела большая компания изрядно подвыпивших мужчин, судя по их одежде и наличию оружия, наёмников, которые часто

большими группами путешествуют по всей империи, предлагая крупным аристократам свои услуги воинов. Судя по всему, он уже довольно давно бражничали здесь, и сейчас достигли того состояния, когда, как говорится, море по колено. Однако предводитель этой ватаги сорвиголов, видимо обладал твёрдым характером и железной рукой, поэтому любая попытка наёмников позволить себе что-нибудь непотребное тут же им пресекалась самым решительным образом. Самым удивительным было то, что эти пьяные головорезы под его взглядом становились тихими и послушными, как овечки. Кроме того, несколько оставшихся столов занимали, судя по одежде, крестьяне из ближнего села, только стол, стоящий возле камина, который по случаю летнего времени не топился, занимали трое молодых людей примерно моего возраста.

Судя по одежде и шпагам, которые они сняли вместе с перевязями и положили возле себя на стол, это были, скорее всего, молодые дворяне, державшие, путь в столицу в поисках службы и приключений. Они пили вино, наливая его в кружки из большого кувшина, и закусывали маринованными овощами и рыбой. Это была любимая закуска в империи.

Оглядев зал, я подошёл к стойке, за которой подобно журавлю возвышался хозяин заведения. Он был очень высок и худ, к тому же обладал чрезвычайно длинным носом, что придавало ему сходство с этой благородной птицей. На лице его смешалась приветливость, подобающая ему, как хозяину, с заметной примесью любопытства, вызванного моим

появлением в столь неурочное время.

Я подошёл к стойке, поздоровался, заказал ужин и поинтересовался насчёт ночлега.

– Ужин будет через пять минут, если вы, молодой господин, согласны разделить ужин вон с теми господами у камина, – неожиданно низким голосом, который никак не вязался с его комплекцией, ответил трактирщик. – К сожалению сегодня, на удивление много посетителей, поэтому, кроме этого, мест больше нет.

Он говорил вежливо, однако без подобострастия, столь свойственного людям его профессии, чем сразу же вызвал моё расположение.

– Уважаемый, хозяин, – ответил я. – Я человек непричудливый и с удовольствием займу предложенное тобой место, если, конечно, эти господа согласятся составить мне компанию.

– Об этом не беспокойтесь, молодой господин, – сказал хозяин. – Я обо всём договорюсь. Кроме того, свободных комнат нет, поэтому вам придётся разделить для ночлега чердак всё с теми же господами. Если вы и с этим согласны, мне остаётся только узнать, что вы будете пить и как расплачиваться.

Я заказал себе красного вина и положил на стойку золотую монету, от вида которой, лицо трактирщика расплылось в широкой улыбке. Он тут же направился к молодым дворянам, и спустя минуту, я уже сидел за столом, потягивая из

кружки отличное вино.

Прежде, чем занять своё место, я представился, назвавшись Джоном Мильтоном из усадьбы Мильтон-Хауз. Я специально назвался этим именем, зная, что встретить в империи кого-либо, знакомого с Джоном или имеющим представление, где находится этот самый Мильтон-Хауз просто невозможно.

Они в ответ тоже представились и предложили выпить за знакомство. Как я и думал, все трое были младшими сыновьями дворян с юга, с границы с южными варварами, которые направлялись в столицу в поисках удачи.

Не прошло и пяти минут, как передо мною очутилась миска полная парящего неповторимым ароматом жареного мяса, тарелка с солёными овощами и большой кувшин вина. Я страшно проголодался, поэтому сразу же набросился на еду. Мои новые знакомые тактично молчали, пока я утолял голод.

Утолив голод, я налил моим сотрапезникам вина и предложил выпить за здоровье Повелителей драконов, моих родителей. Этим тостом я преследовал цель прощупать моих случайных знакомых на лояльность к владыкам империи. Кроме того, я произнёс этот тост умышленно громко, так, что бы его могли услышать все присутствующие в этот час в зале кабачка. Мне хотелось проверить реакцию этих, в общем-то, случайно собравшихся в этом зале, людей. Реакция на мой тост оказалась очень неожиданной.

Все тут же вскочили со своих мест и поддерживали мой тост. Но не это поразило меня, чего-то примерно такого я и ожидал. Меня поразили лица людей, вернее выражение их лиц. Практически на всех, за исключением лиц предводителя наёмников и хозяина кабачка отпечатался такой страх, который с полным правом можно было назвать ужасом. Я ожидал всего, но только не этого. Печально было смотреть на этих перепуганных людей, которые судорожно делали большие глотки из своих кружек, не чувствуя вкуса и с трудом проталкивая своё вино или пиво в сведённые спазмом страха глотки. Явно было видно, что им очень не хочется пить за здоровье Повелителей, с какой бы радостью они выпили бы за помин души оных, но ещё страшнее для них было отказаться поддержать мой тост. Ещё бы, это могло быть расценено, как мятеж, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Предводитель наёмников выпил свою кружку с видимым удовольствием и быстро взглянул мне в глаза. Я был готов к этому, поэтому полностью заблокировал своё сознание. Когда его взгляд натолкнулся на поставленный мною барьер, я увидел в его глазах признак испуга, хотя, надо отдать ему должное, он очень быстро справился с испугом. Да, он был серьёзным противником.

Что же меня насторожило в обычном, на первый взгляд, вожаке отряда наёмников? Просто мне очень хорошо знаком такой мгновенно оценивающий тебя взгляд, который бук-

важно за долю секунды способен прочитатъ всю твою подноготную. Такой взгляд присущ опытным воинам, матёрым уголовникам и шпионам. Кто же сейчас передо мной? То, что это матёрый уголовник, я сразу же отмёл, они смотрят несколько по-другому, да, и нет в нём некой бесшабашной наглости, свойственной уголовникам. Я в первый момент, было, принял его за опытного воина, что, как показали дальнейшие события, так и было, но меня смутил тот его кратковременный испуг, который я успел разглядеть. Поэтому я пришёл к выводу, что он всё же шпион, хотя при этом и опытный воин и уголовник. Да, воистину опасный тип. Останется лишь выяснить, на кого он работает.

Я, выпив свою кружку, опустилсЯ на свой стул и стал беззаботно закусывать. Расслабившись и погрузившись в себя, я начал очень осторожно прощупывать моего соперника, а что это был соперник, причём соперник очень сильный и, тем самым, опасный, я ни минуты не сомневался. Я прекрасно чувствовал, что он не оставил попытки меня прочитатъ, поэтому решил ему подыграть.

Нет, не подумайте, что я решил раскрытсЯ перед ним, ещё чего не хватало, вовсе нет. Просто я решил показатъ ему некую иллюзию, ничего общего со мной реальным не имеющую. Я раскрылся, и он увидел слегка захмелевшего молодого человека, который отчаянно завидует таким опытным рубакам, каким был предводитель наёмников. Перед ним предстал молокосос, мечтающий сделать головокружи-

тельную карьеру при дворе, в общем, ничего интересного. Его интерес ко мне сразу же пропал, и тогда я, очень осторожно ввёл в него своё заклятие познания.

Какое-то время ничего не происходило. Позже, примерно минут через пять, перед моим внутренним взором, сначала смутно, потом всё более чётко, предстала картина, и картина эта вызвало во мне двойственные ощущения. Постараюсь подробнее описать то, что показало моё заклятие познания, считывающее информацию напрямую из памяти предводителя наёмников.

Картина, которую показало мне моё заклятие, была с одной стороны захватывающе интересной, а с другой настолько мрачной, навевающей тоску зелёную, буквально потрясла меня до глубины души. Это заклятие познания было моей новейшей разработкой, которую я сейчас испытал в первый раз. Нет, это, конечно, не было моим изобретением. Просто я взял за основу классическое заклятие познания, которое, честно говоря, было очень громоздким и крайне неудобным в работе. Другим его недостатком, вытекающим из его громоздкости, было то, что его практически невозможно было применить незаметно. Любой, мало-мальски обладающий магическими задатками или владеющий основами Искусства, за версту его чувствовал и, конечно, тут же ставил блокировку.

Так вот, я взял за основу классическую форму этого заклятия и доработал его. В результате это громоздкое соору-

жение магической мысли, превратилось в компактное, практически незаметное заклятие, причём его способности считывать чужую память возросли многократно. Я был доволен; только один недостаток этого заклятия ограничивал его применение в обычных условиях, коими для нас, ходящих-помирам была дорога. Этим недостатком была большая затрата времени, необходимого для создания этого заклятия, которое можно было применить только один раз. Поэтому, если необходимо было прочесть память нескольких человек, приходилось каждый раз создавать заклятие заново. Однако я очень быстро нашёл выход, дабы обойти этот недостаток. Перед тем, как отправиться в путь, я создал десяток таких заклятий, так, на всякий случай и теперь пожинал плоды своей предусмотрительности.

Вообще, впервые отправляясь в путь в одиночку, я постарался хорошо подготовиться, ведь, когда ты один, то и рассчитывать можешь только на самого себя. За годы, что я учился у Азара и Странника, я хорошо усвоил, что не стоит полагаться на обычное оружие, там более, когда ты волшебник, одинаково хорошо владеющий как магией, так и Искусством. Поэтому из оружия я взял только длинный кинжал, который был достаточно лёгким, что бы ни служить обузой в дороге, но в то же время достаточно острым, что бы в случае чего мог послужить для самообороны, в крайнем случае, порезать мясо и хлеб на обед.

Отказавшись от обычного оружия, я, как говорится, под

самую завязку запасаю заклятиями на все случаи жизни. Магическое оружие, конечно, очень эффективно, не занимает много места и практически ничего не весит, но все эти заклятия, как правило, одноразовые. Поэтому перед каждым очередным походом по мирам, требовалось изрядно попотеть, что бы отправиться в путь во всеоружии.

Я взял с собой, помимо десятка заклятий познания, заклятия поиска, дюжину боевых заклятий разной мощности, а так же, на всякий случай, вдруг пригодится, заклятие невидимости, самое громоздкое и требующее для поддержания его много сил. Надеюсь, что оно не понадобится. Многие из этих заклятий были разработаны лично мной, а остальные, кроме заклятия невидимости, значительно мной же усовершенствованы. Вот теперь, первое же применение заклятия познания, с блеском показало, что моё усовершенствование пошло заклятию на пользу. Мой доблестный глава наёмников совершенно ничего не заметил.

Сначала я увидел, что среди той же самой дубравы, где совсем недавно вошёл в мир империи я, открылся проход и из него один за другим вышли наши наёмники во главе со своим командиром. Но как они в тот момент отличались от тех, что пьянствовали сейчас в этом трактире. Я увидел, что через проход входили серые всадники, хотя в этот раз они были пешими. Их переход длился не более минуты, и как только проход закрылся, они тут же стали переодеваться в одежду, которую они извлекли из своих вещмешков. Через

несколько минут передо мной оказались те самые наёмники, которых я увидел в кабачке. Свои серые плащи они спрятали тут же в лесу и по узенькой тропинке направились куда-то, как я понимаю, в направлении кабачка. Моё сознание чисто автоматически запомнило координаты прохода, через который серые проникли в наш мир.

Следом за этой картинкой, я увидел удивительное зрелище, которое потрясло меня до глубины души. Почему-то я сразу же понял, что передо мной Серая империя, причём, скорее всего, её столица или, по крайней мере, резиденция правителя. Я увидел огромный, даже по меркам империи Повелителей драконов, дворец. Это было угрюмое, я бы даже сказал мрачное здание с множеством архитектурных излишеств, в виде шпилей, башенок, самых разнообразных колон. Общее впечатление от увиденного было такое, что я ни за какие коврижки добровольно не вошёл бы в этот дворец. Я огляделся и понял, что дворец стоит вовсе не в городе, как в нашей империи. Он находился посреди плоской, как стол равнины, покрытой серой от пыли невысокой, словно стриженной травой. А может, дело было не в пыли, может это была просто серая трава. Не знаю. Левее дворца, километрах в пяти просматривалось какое-то строение, толи какой-то храм, толи монастырь. Людей вокруг совершенно не наблюдалось, словно мой визави, облачённый в серый плащ с капюшоном, был единственным живым существом в этом сером мире. Мой предводитель наёмников, буду и дальше на-

зывать его так, направлялся именно во дворец, куда мне заходить не было никакого желания. Ну, ничего не поделаешь, хош не хош, а идти нужно.

Мой предводитель, проигнорировав парадный вход во дворец, уверенно направился к неприметной двери, в которую он легонько постучал костяшками пальцами, каким-то условным стуком. Судя по всему, он был здесь не первый раз. Дверь тут же отворилась, словно кто-то только и ждал этого стука. Предводитель вошёл в дверь, где его встретил невзрачного вида человек в чёрной одежде, богато расшитой золотыми нитями. Предводитель приветствовал его низким подобострастным поклоном; тот в ответ только высокомерно кивнул.

– Ты заставил нас ждать целых пять минут, – каким-то шипящим змеиным голосом вместо словестного приветствия произнёс встречающий в расшитой золотом одежде, лицо его при этом выражало предельную степень презрения пополам с брезгливостью. – Твоё счастье, что ты и твои головорезы, являетесь лучшими разведчиками империи, иначе не сносить тебе головы.

Я почувствовал, как испугался предводитель, что никак не вязалось с его обликом прожжённого рубаки. Вероятно угроза, что прозвучала из уст, судя по всему, высокопоставленного придворного, была для моего предводителя не простым сотрясением воздуха. Он в ответ на высказанное недовольство начал торопливо оправдываться, но его попытка

оправдаться была тут же пресечена.

– Оставь свои жалкие оправдания, несчастный, – голосом полным силы, прервал его придворный. – Верховный Бог очень обеспокоен положением дел в так называемой империи Повелителей драконов, а ты же понимаешь, чем эта обеспокоенность может вылиться для нас, его верноподданных.

Я почувствовал, что предводитель прекрасно знает, во что это может вылиться; по всему его сознанию прошла новая волна страха, скорее даже ужаса, которая зацепила даже меня, во всяком случае, мне стало как-то неуютно.

– Ты, я вижу, всё прекрасно понял, поэтому не будем терять зря время, – более мягким голосом сказал придворный. – Следуй за мной, нам предстоит очень серьёзный разговор.

Он повернулся спиной к предводителю, и, покинув полутёмную прихожую, где произошла их встреча, пошёл по ещё более тёмному коридору, не удосужившись даже поинтересоваться, следует ли за ним предводитель, видимо у него не могло возникнуть даже мысли, что тот может его послушаться. Ну и дисциплинка же у них.

Мы шли по полутёмным коридорам минут десять, дважды поднимались по лестнице, пока, наконец, наш проводник не открыл дверь, из-за которой хлынул поток света. Он был так ярок, что предводитель на секунду остановился и прикрыл глаза ладонью, видимо после темноты коридоров, этот свет

ослепил его. Придворный же, похоже так привык к таким вот переходам от темноты к яркому свету, что не чувствовал при этом никаких неудобств. Я поймал себя на мысли, что описывая встречу предводителя с придворным, я как-то невольно стал говорить мы, отождествляя себя с предводителем, что было вполне оправданно, ведь незримо я сопровождал предводителя и видел всё его глазами.

– Проходи, что застрял у двери, – ворчливо сказал придворный. – Нам предстоит долгий разговор, поэтому будем экономить время. Садись за стол, выпей вина и внимательно слушай, я два раза повторять не буду.

Мой предводитель, как-то суетливо вбежал в комнату и осторожно присел на стул указанный ему хозяином комнаты. Это была небольшая комната, в которой из мебели были только небольшой стол и пара стульев, вернее один простой, без всяких украшений стул, а вторым было богато украшенное резьбой кресло, в которое и опустился хозяин комнаты. Надо полагать, что эта комната служила для проведения секретных переговоров, так как я заметил наличие в ней заклятия против подслушивания. Однако стоило только хозяину заговорить, как мне стало не до рассматривания убранства комнаты, уж о больно важных вещах пошла речь. Оказалось, что придворный, который встретил предводителя у входа, был ни много не мало, а сам Главный Исполнитель Воли Благих Богов, по рангу нашей империи никак не ниже премьер министра или же канцлера. Звали его Арахонт, он

обладал почти неограниченной властью в Серой империи и был скор на расправу. Да, видимо, дело, которое хотели поручить Кваргу (так оказывается, звали предводителя), было столь важным, если такой вельможа лично занимался им, а навыки Кварга были столь необходимы для решения данного дела, и это спасло его от серьёзного наказания за опоздание. Эту информацию мне удалось вытянуть из памяти предводителя.

– Открою тебе, Кварг, государственную тайну, что бы ты хорошо прочувствовал важность поручения, которое от лица Благих Богов я намерен доверить тебе и твоим разведчикам, – спокойным голосом, в котором, не смотря на отсутствие каких-либо интонаций, явственно ощущалась сила, заговорил Арахонт. – Дело в том, что империя в настоящий момент стоит на пороге войны с так называемой империей Повелителей драконов. Ты можешь подумать – эка невидаль, очередная война, ведь империя постоянно ведёт войны. Это так, наша империя по воле Благих Богов постоянно ведёт победоносные войны и эту империю мы, конечно, разгромим, но в этот раз мы имеем дело с противником, который по своим возможностям, если и уступает нам, то очень незначительно. Сам понимаешь, что при таком раскладе, может произойти всё что угодно.

Он сделал паузу, давая Кваргу время осмыслить услышанное, а оно, судя по состоянию Кварга, его очень удивило. Видимо Серая империя впервые столкнулась с противником,

не уступающим ей в силе. Я с радостью отметил для себя, что к этому выводу их привели рейд Учителя и Джона, а так же последняя стычка, когда мои друзья чуть не погибли и только благодаря Древней силе Учителя, остались живы. Кварг своим вопросом к Арахонту, блестяще подтвердил мою догадку.

– Позволено ли мне, ваша честь, задать вопрос? – вставая и кланяясь, спросил Кварг.

– Позволено, – ответил Арахонт и сделал знак, что бы Кварг не вставал. – Давай без церемоний, дело слишком важное.

– Ваша оценка, ваша честь, основана на срыве вторжения в Хороге и на событиях в умерщвлённом пограничье? – сформулировал свой вопрос Кварг.

– В основном да, – ответил Архонт, сделав большой глоток из своего бокала. – Да, ты пей вино, разговор будет долгим.

Теперь Архонт не был тем высокомерным аристократом, распекающим слугу, как во время встречи. Это говорило, что люди, управляющие Серой империей, вовсе не были тупыми садистами готовыми ради своих сословных привилегий, пожертвовать безопасностью своей империи. Жёсткая дисциплина серого воинства в случае реальной опасности всё же позволяла некоторую гибкость, что помогало избежать излишних потерь среди своих. Если рядовые серые всадники не ведали страха и не умели отступить, то коман-

диры, особенно генералитет, вполне могли позволить своим войскам отступление, при условии, что потом они смогут доказать обоснованность этого манёвра. Я знал это из рассказов Учителя и Джона, а теперь, видя, как изменились отношения между высшим царедворцем и командиром отряда разведчиков, лишний раз убедился в правильности наблюдений Учителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.